

Чарльз Гати

**Обманутые
ОЖИДАНИЯ**

Москва, Вашингтон,
Будапешт и венгерское
восстание 1956 года

2006

ББК 63.3(4Вен)63
Г 23

Дизайн обложки А. Бондаренко
Перевод с английского Марка Дадяна

Выражаем благодарность специалисту
по венгерской истории и культуре Борису Шестакову
за профессиональную помощь при подготовке текста к печати.

*Моей Тоби,
неподражаемой и незаменимой*

Гати Ч.

Г 23 Обманутые ожидания. Москва, Вашингтон, Будапешт и венгерское восстание 1956 года. Перевод с английского языка осуществлен по изданию: Charles Gati. Failed Illusions. Moscow, Washington, Budapest and the 1956 Hungarian Revolt. — Woodrow Wilson Center, Washington DS, 2006. — М.: Московская школа политических исследований, 2006. — 304 с.

4 ноября 1956 года советские войска подавили восстание в Будапеште. Что предшествовало революционным событиям в венгерской столице и как они развивались? Чего хотел добиться восставший народ? Кто в высшем руководстве СССР принял решение о вторжении в Венгрию и была ли альтернатива силовому решению кризиса? Почему Запад отказался от активной поддержки восстания, а его поражение оценили как успех не только в Москве, но и в Вашингтоне? Как сложилась судьба лидеров страны после трагической развязки?

Спустя полвека очевидец событий осени 56-го Чарльз Гати предлагает свою строго документированную версию венгерской революции, анализирует причины и последствия ее поражения.

ББК 63.3(4Вен)63

© Charles Gati, 2006
© Марк Далян, перевод, 2006
© Московская школа
политических исследований, 2006

ISBN 5-93895-089-9

Оглавление

Предисловие	7
<i>Глава первая</i>	
К истории вопроса	9
<i>Глава вторая</i>	
Нечаянный революционер	34
<i>Глава третья</i>	
Вашингтон и Будапешт перед взрывом	89
<i>Глава четвертая</i>	
Москва и Будапешт перед взрывом	144
<i>Глава пятая</i>	
Восстание и поражение	178
<i>Глава шестая</i>	
Восстание и неопределенность поражения	249
<i>Глава седьмая</i>	
Эпилог:	
воспоминания вытесненные и ожившие	267
Благодарность	285
Избранная библиография	288

Предисловие

Говорят, история ничему не учит и тем не менее стóит и всегда полезно обращаться к ее урокам, чтобы прошлое не довлело над настоящим.

Автор этой книги Чарльз Гати родился в Венгрии, после подавления венгерского восстания в ноябре 1956 года эмигрировал в США и на протяжении всей последующей жизни (в настоящее время он преподает в Школе современных международных исследований им. Пола Нитце при университете Джонса Гопкинса) искал ответ на один вопрос. Зачем надо было вводить в Будапешт советские танки, стрелять в безоружных людей, а затем казнить премьер-министра страны Имре Надя и его сторонников только за то, что они пытались реформировать экономику, однопартийную систему и отстаивали свободу? Выражение *понять, почему это случилось*, я сознательно в данном случае не употребляю, потому что понять это трудно. Понимание граничило бы с оправданием случившегося. А попытаться *объяснить*, то есть ответить на вопрос “зачем?”, — можно, и, на мой взгляд, автор на него ответил, в чем читатель сможет убедиться, прочитав книгу. Но меня в ней поразило другое, и я уверен, что читатель это тоже почувствует и оценит: ее тональность.

В своей книге, пишет он, “я не преследовал цели прославлять храбрость участников восстания или восставать против несправедливости, но пытался прояснить, насколько более успешной могла быть революция, если бы мужество сочеталось с *мудростью и осмотрительностью*” (с. 283). Выделенные мной в цитате слова (точнее, человеческие качества) приобретают действительно особый вес, когда речь идет о политике.

Но я бы сказал в этой связи о благородстве и мудрости самого автора, когда, читая сохранившиеся в архивах документы и узнав правду о трагических страницах венгерской истории, он не поддался чувству мести. Вместить в свою душу трагедию народа и рассказать о ней, как и подобает настоящему историку, поистине способен только мудрый человек.

Не бывает так, чтобы террор и насилие не вызывали морального осуждения.

Проходит время, и многое из того, что было когда-то скрытым, становится явным, поскольку всегда находятся люди, которые посвящают свою жизнь тому, чтобы узнать и рассказать своим современникам всю правду о событиях прошлого. Суд истории — беспристрастный и справедливый суд.

Выход этой книги на русском языке стал возможным благодаря щедрой помощи российского издателя Дениса Смирнова.

Ю.П. Сенокосов

Глава первая К истории вопроса

Вы не должны лишать народ иллюзий.

Граф Куно Клебелсберг, министр культуры Венгрии в 1920-х годах, запрещая историку публиковать материалы, которые свидетельствовали о том, что один из наиболее почитаемых героев венгерской революции 1848–1849 гг. был австрийским агентом

1

Историю венгерской революции 1956 года можно уподобить преданию о Давиде и Голиафе. После десяти лет гнета со стороны Советского Союза и местных коммунистических сатрапов венгры восстали, стремясь утвердить свое право на независимость. Революция целиком захватила внимание Кремля и мировой общественности, но окончилась поражением. После тринадцати дней драматических событий, надежды и отчаяния могучая Красная армия одержала победу. Венгерское правительство капитулировало, его члены были арестованы, похищены или изгнаны из страны. Советская империя выстояла, холодная война продолжилась. Вскоре, однако, возобновились осторожные “постсталинские” поиски разрядки. Если в конце 1956 года журнал “Тайм” избрал человеком года венгерского борца за свободу, то в заключительном выпуске за 1957 год выбор пал на советского правителя Никиту Хрущева, или, как его иногда называли, “будапештского мясника”.

Однако спустя пятьдесят лет взгляду историка предстает более сложная картина, в которой есть место и для героизма венгров, и для советских зверств. Раскрытие, после падения коммунизма, большинства венгерских и значительной части российских архивов, а также расширение доступа к секретным американским документам позволяют составить более полное представление о венгерских событиях и, в частности, о причинах неудачи восстания 1956 года. Новые свидетельства и истекшие годы делают возможной и даже необходимой частичную переоценку многих аспектов венгерской революции. Речь, разумеется, не идет об оправдании действий Хрущева и его пособников,

однако теперь мы можем лучше проследить ход их мыслей и понять мотивы поступков. Что до роли Соединенных Штатов, то она выглядит гораздо более неприглядной, чем раньше. В свете новых документальных свидетельств становится очевидным, насколько неискренне США поддерживали в венграх огонек надежды, вовсе не намереваясь оказать им военную или дипломатическую помощь. Пожалуй, такую политику можно охарактеризовать иронической расшифровкой аббревиатуры НАТО — No Action, Talk Only («Слова, но не дела»). Направленная на «освобождение» Восточной Европы официальная политика администрации Эйзенхауэра, в том числе и принятие политически инспирированных, самоуспокоительных резолюций о «плененных народах», только усугубляла лицемерие властей США в данном вопросе, и частично извинить их можно лишь предположив, что американское правительство само находилось во власти иллюзий. Впрочем, администрация преследовала цель гораздо более зримую, чем освобождение Центральной и Восточной Европы от советского господства, а именно — задабривание крайне правого крыла республиканской партии во главе с сенатором Джозефом Маккарти и изгнание демократов с Капитолийского холма. Во время самого восстания радио «Свободная Европа» (РСЕ) не переставало убеждать венгерских слушателей сражаться и отстаивать *все* свои требования — независимо от реалистичности поставленных целей.

С течением времени ушла и необходимость однозначного, не критического подхода к мужеству венгров. В частности, более нет нужды, если таковая и существовала, слепо одобрять все действия участников революции, включая их стремление к достижению максималистских целей, которое объединило против Венгрии все политические фракции Кремля. Движимые вполне понятным чувством гнева против коммунистических правителей в Москве и в Будапеште, повстанцы оставили без внимания вероятные последствия своих действий. При всей притягательности их романтического идеализма, им, конечно же, не была присуща дальновидность. И хотя справедливо то, что от молодых борцов за свободу не следует ожидать политической мудрости или расчета, более пожилые и, предположительно, более опытные члены революционного правительства могли бы приложить усилия, чтобы умерить юношеский пыл мятежников. Несмотря на многодневные совещания членов правительства

Имре Надя, нет никаких свидетельств, что они хоть раз призвали молодых борцов за свободу взглянуть на карту, определить местоположение Советского Союза и, исходя из геополитической реальности, проявить сдержанность. При всем уважении к доброй воле и патриотизму Имре Надя и его коллег, признавая, что первое значительное восстание против советского господства в Европе было тяжелейшим и, пожалуй, безнадежным предприятием, не следует закрывать глаза на неумелость и неуклюжесть венгерского революционного правительства.

2

В прошлом большинству академических работ о политике Венгрии* и о роли США в событиях 1956 года** был присущ, безусловно, уважительный и сдержанный тон: немногие критические замечания высказывались шепотом, дабы не отвлекать внимания от вины Советов и не бросать тень на мужество венгерских патриотов. Считалось, что Вашингтон, в отличие от Москвы, можно упрекнуть разве что в безрассудном идеализме, а венгров — в чрезмерной горячности и наивности. Спустя полвека и американцам, и венграм следует быть готовыми к более реалистичной, а значит, и более самокритичной оценке собственных действий, к осознанию значения своих ошибок в постигшей революции неудаче и рассмотрению упущенных возможностей.

Эти полемичные выводы зиждятся на четырех редко упоминаемых фактах и заключениях.

Во-первых, на вооруженное восстание против советского господства поднялось относительно небольшое число венгров, и их конечной целью был не слом, но реформирование системы. В стране с десятиллионным населением за оружие взялись не более 15 000 человек (хотя, конечно, с повстанцами были единомыш-

* См., например: Ferenc A. Váli. *Rift and Revolt in Hungary: Nationalism versus Communism* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1961); Paul E. Zinner. *Revolution in Hungary* (New York: Columbia University Press, 1962).

** См.: Bennett Kovrig. *The Myth of Liberation: East-Central Europe in U.S. Diplomacy and Politics since 1941* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1973).

ны почти все венгры). Притом что главной целью революции было освобождение от советского гнета, националистически, антисоветски и антирусски настроенные борцы за свободу не выступали против социализма. Их политическая платформа, в той мере, в какой она могла сформироваться, представляла собой мозаику из концепции независимого социализма по образцу титовской Югославии, идей западноевропейской социал-демократии и, возможно, из представлений о “социализме с человеческим лицом”, как он стал называться в Чехословакии через двенадцать лет после венгерских событий. Поистине одна из немногих остающихся загадок 1956 года — это то, как революция в конце концов поглотила реформистские цели.

Во-вторых, у революции не было действенных вождей. Двадцать третьего октября 1956 года, когда началось восстание, вышедшие на мирную демонстрацию студенты потребовали вернуть к власти Имре Надя. Студенты восхищались его реформаторской, антисталинистской деятельностью на посту премьера в 1953—1955 годах, но они многого о нем не знали: так, им было неизвестно, что в 1930-х годах в Москве Надь сотрудничал с советской тайной полицией, что именно советское политбюро назначило его на пост премьер-министра в июне 1953 года, и что по настоянию политбюро его сняли с должности в августе 1955-го. В первые дни восстания Надь разочаровал своих сторонников. После восстановления в должности премьера он поначалу противился требованиям восставших. Затем, проделав поистине головокружительный кульбит всего за несколько дней, он полностью согласился даже с самыми радикальными требованиями, не попытавшись объяснить повстанцам, что выход из Организации Варшавского договора и декларация о нейтралитете Венгрии неминуемо приведут к советскому военному вторжению. Бесстрашное, бескомпромиссное поведение Надя на судилище, приговорившем его к смерти в 1958 году, не должно затенять того, что, несмотря на благие намерения, он не обладал политическим мастерством, которое могло бы привести революцию к победе. В частности, ему не удалось провести страну между максималистскими ожиданиями борцов за свободу и довольно умеренными требованиями Москвы.

В-третьих, кремлевское руководство не жаждало крови. Желание Кремля найти политическое, а не военное решение проблемы не стоит переоценивать, однако всякая империалистиче-

ская держава предпочитает добиваться искомого результата мирным путем, без кровопролития. Это, разумеется, не может привести к переоценке венгерских событий, так как в исторической перспективе значимы лишь реальные действия Москвы, а не их возможные альтернативы. И все же явные, пусть и гнетущие свидетельства о разногласиях и нерешительности среди членов политбюро говорят о том, что если бы Надь вел за собой революцию, а не следовал за ней, если бы он умерил требования повстанцев, а затем убедил Москву, что в интересах Кремля предоставить венгерскому правительству толику независимости, Венгрия, в обмен на поддержку советской внешней политики, могла бы получить ограниченную автономию во внутренних делах.

Такая возможность — *надо признать, только возможность* — существовала для венгерской революции в свете трех событий тех лет. Первым было принятое в 1955 году и удивившее многих решение советского правительства вывести войска из Австрии, западного соседа Венгрии, что позволило этой стране объявить нейтралитет и установить в стране демократическое правление и рыночную экономику. Вторым, имевшим ключевую важность и предварившим существенные перемены в мировом коммунистическом движении событием стал исторический XX съезд КПСС в феврале 1956-го, на котором Хрущев развенчал культ личности Сталина. Наконец, на руку венграм могло сыграть то, что Венгрия, в отличие от Польши, где также ширились антисоветские настроения, не обладала для Кремля первостепенным стратегическим значением. Таким образом, будь требования венгров менее радикальными, Хрущев мог бы позволить Венгрии развиваться в режиме полузависимости, так, чтобы при необходимости безболезненно расправиться с Польшей, не отказываясь при этом от антисталинской платформы во внутренней политике.

В-четвертых, Соединенные Штаты были неполно и неверно информированы о возможностях перемен, несмотря на всю дерзость их пропаганды. Документы, которые по запросу согласно Акту о свободе информации предоставило мне в 2005 году Центральное разведывательное управление (ЦРУ), свидетельствуют, что восстание 1956 года застигло Вашингтон врасплох. Эван Томас сообщил несколько лет назад, что в отделении ЦРУ в Вене, ближайшей к Будапешту западноевропейской столице, не было ни

одного венгероговорящего сотрудника*. В посольстве США в Будапеште был только один человек, свободно говоривший по-венгерски, и во время революции он был занят приемом петиций от различных общественных групп и частных лиц**. Ранее, в начале 1950-х годов, ЦРУ не имело четкого плана действий в отношении Венгрии, которая занимала *самую нижнюю* строчку в списке приоритетов США по советским сателлитам в Центральной и Восточной Европе***. Отчасти информация о ситуации в Венгрии поступала в Вашингтон от профашистских венгерских эмигрантов в Западной Германии и Австрии, а их осведомители в Венгрии, в свою очередь, упустили главную особенность общественной жизни в стране в середине 1950-х, а именно что перспектива сопротивления сталинистской диктатуре происходила не от угнетенных, несчастных граждан, а от Имре Надя и его антисталински настроенных сторонников в правительственных или околоправительственных кругах, многие из которых были разочаровавшимися коммунистами.

Радио «Свободная Европа» (РСЕ) — неофициальный голос Америки — действительно оказало значительное влияние на многих венгерских слушателей и читателей. В рамках психологической войны РСЕ засылало на территорию Венгрии наполненные гелием шары (так называемая операция “Фокус”), с

* См.: Evan Thomas. A Singular Opportunity: Gaining Access to CIA’s Records. // *Studies in Intelligence* 39, № 5 (1996): 19–23.

** В ЦРУ отказались назвать его имя. Однако, как оказалось, человек этот жив и здравствует. Его зовут Геца Катона и сейчас, в 2005 году, когда пишутся эти строки, ему семьдесят восемь лет. Он живет в пригороде Вашингтона. В продолжительной телефонной беседе, которая состоялась у автора с г-ном Катона 27 августа 2005 года, он рассказал о том времени, когда под официальным прикрытием служил резидентом ЦРУ в Будапеште — с 1952 по конец 1957 года. Катона родился в США, его родители венгры (см. об этом главу 3). В кишашей неточностями, тенденциозной книге Дэвид Ирвинг называет Газа [*sic*] Катона американским дипломатом, служившим в Будапеште. См.: David Irving. *Uprising!* (London: Hodder and Stoughton, 1981).

*** “Венгрия, наряду с балканскими сателлитами [СССР], обладала [для США] наименьшим приоритетом. Показательно, что [на критических участках] не было венгероговорящих сотрудников”. CIA, *Clandestine Services Historical Series (CSHP 323): Hungary External Operations 1946–1965* (MORI DocID: 1161462; документы ЦРУ, рассекреченные по моей просьбе в декабре 2004 года), 82.

которых, среди прочего, сбрасывались карикатуры, изображавшие Имре Надя кремлевским прихвостнем. В передачах, обращенных к огромной и очень восприимчивой венгерской аудитории, РСЕ должно было осторожно поддерживать реформистский курс правительства Надя в 1953–1955 годах, но оно этого не сделало; оно должно было с энтузиазмом поддержать Надя во время второй недели восстания, однако этого не произошло. РСЕ не стало призывать к постепенным “титовским” или просто антисталинским реформам, у которых, быть может, был шанс на успех. Вместо этого РСЕ воодушевляло наиболее радикальные группы повстанцев, призывая их продолжать борьбу, пока не будут удовлетворены все их требования. Трагически Соединенным Штатам не удалось соблюсти равновесие между благородной целью поддержки надежд венгров и сомнительными призывами к продолжению безнадежной битвы с Советским Союзом. Так, и пятьдесят лет назад, и теперь главный вопрос заключается не в том, почему США отказались выступить на стороне Венгрии в противостоянии, что могло бы вылиться в третью мировую войну, но в том, почему Америка не стала добиваться — как пропагандистскими, так и дипломатическими средствами — реалистичной, пусть и небольшой победы.

Почему *кое-что* не было воспринято как нечто лучшее, чем *ничего*?

3

Учитывая, что между автором и темой этой книги существует связь, мне представляется уместным, пусть я и потакаю своим желаниям, сообщить некоторые сведения биографического характера и рассказать о том, что я думал о событиях 1956 года *тогда*, когда наблюдал их воочию.

Моя журналистская карьера началась в 1953 году, когда ежедневная газета “Мадьяр Немзет” (“Венгерский народ”) приняла меня на работу как начинающего репортера. Мне было восемнадцать, и я был самым молодым сотрудником редакции. Причина, по которой Иван Болдижар, главный редактор, предложил мне работу, до сих пор остается для меня загадкой. Я только что закончил школу с плохими отметками, у меня не

было ни опыта работы, ни высшего образования. Я не мог представить никаких газетных вырезок, которые помогли бы ему оценить мои профессиональные качества. У меня не было рекомендаций, не было связей. Я не состоял в коммунистической партии. Мое социальное происхождение не было рабоче-крестьянским, и поэтому я не соответствовал коммунистическим критериям благонадежности. (Я происходил из “мелкобуржуазной” среды, ведь мой отец владел небольшим магазином электротоваров, который в 1944 году закрыли нацисты, а в 1948-м — конфисковали коммунисты.)

Я не припомню, чтобы во время часового разговора с Болдижаром, который стал следствием моего краткого рукописного письма с просьбой о приеме на работу, я произнес что-то мудрое или остроумное. Я сказал ему, что, несмотря на отсутствие академических успехов и политическую незрелость, я — рожденный журналист, любопытный, критически мыслящий, владеющий пером. “Вы социалист?” — спросил он. Не вполне понимая, что именно он хочет от меня услышать, я согласно промямлил: “Я бы хотел им быть”. Болдижар кивнул и улыбнулся. Возможно, памятуя об изменениях политического ветра после смерти Сталина и назначении антисталински мыслящего Имре Надя премьер-министром, ему хотелось, чтобы в редакции появился молодой беспартийный сотрудник. Более вероятно, однако, то, что я обратился в газету как раз в то время, когда ему велели принять на работу неопита.

Меня определили в отдел культуры, и работа моя заключалась в проведении интервью с писателями, драматургами, актерами, художниками, композиторами и музыкантами. Литературной обработкой и подготовкой интервью к печати занимались другие. Работа и сопутствующие ей привилегии сразу пришлись мне по душе. Из двоечника и неудачника я всего за несколько месяцев превратился в сотрудника второй по величине и единственной престижной общенациональной газеты — “Мадьяр Немзет” ориентировалась на некоммунистическую интеллигенцию. Я получил свободный проход в Оперу и два бесплатных билета на концерты в знаменитую Музыкальную академию им. Ференца Листа. Кроме того, во время работы в газете я познакомился почти со всеми выдающимися людьми из мира театра и кино, включая нескольких прекраснейших актрис, посещавших мои юношеские грезы.

Безусловно, самым незабываемым во время моего пребывания в “Мадьяр Немзет” стал день в 1954 году, когда мне позвонил Золтан Кодай, возможно, величайший композитор своего времени, некогда партнер и близкий друг Белы Бартока. Не считая Ференца Пушкаша, знаменитого футболиста, Кодай оказался единственным всемирно известным венгром, который не покинул страну после установления железного занавеса в середине 1940-х годов. По этой причине коммунистический режим относился к нему с большим уважением. Кодай жил замкнуто и почти не общался с журналистами. Однако теперь, к моему величайшему изумлению, маэстро сам позвонил мне по телефону. Тем утром он прочел мою длинную статью в газете, где я рассказывал о разработанном им методе преподавания музыки на всех стадиях обучения — в детском саду, школе и университете, и очень хвалил мою работу. Помолчав, я робко спросил его, не согласится ли он поговорить со мной о других гранях своего творчества. Его ответ прозвучал для меня музыкой: “Приходите ко мне на чай, сегодня в пять вечера”.

На протяжении следующих двух лет я несколько раз посещал Кодая в его просторной, со вкусом обставленной квартире — то же время, та же комната, тот же стул, тот же чай. Однажды я привлек его внимание к припеву в его новой кантате — “Ne bántsd a magyart!” (“Не обижай венгра!”) — поинтересовавшись, несет ли эта строчка не только патриотический, но и антисоветский смысл. Он кивнул (так мне показалось), но ничего не ответил. Вообще-то он предпочитал обходить политические темы. Для того чтобы пережить диктаторов, ему следовало быть осторожным. Он не был приспособленцем и поэтому мог спокойно смотреть на себя в зеркало. Жизнь при Сталине научила его выживать. Жизнь после Сталина научила его уравнивать требования совести и инстинкт самосохранения. Кодай не боролся с режимом. Он не сотрудничал с режимом. Он сочинял музыку, но в его кантатах содержались тонкие политические намеки, редактировать или убирать которые не решался ни один цензор.

После смерти Сталина в 1953 году жизнь в Венгрии не допускала простых толкований и не терпела строгих границ.

Два моих года в “Мадьяр Немзет” — меня взяли на работу в 1953-м, а уволили в 1955-м — совпали с первым премьерством Надя. Новый премьер-министр пользовался большой популярностью среди моих коллег по газете. Он стремился к децентра-

лизации, но не приватизации экономики. Он был сторонником «социалистической законности» — на обычном языке это означало снижение репрессий, но не верховенство права. Надь стремился к более человечному политическому устройству — не к многопартийной демократии западного образца, но к системе, основанной на одной или двух небольших партиях. Он надеялся, что Отечественный народный фронт, который выступал формальным учредителем “Мадьяр Немзет” и возглавлялся затем Надя Ференцем Яноши, станет новым центром влияния, сдерживающим господство компартии и не подрывающим при этом ее так называемой руководящей роли. Говорили, что он титоист или национал-коммунист, но в то время я не знал, что означают эти слова, разве что звучали они гораздо лучше, чем сталинизм Матьяша Ракоши. Само собой разумеется, программа Надя не была ни антикоммунистической, ни, пока еще, антисоветской.

Хотя ни Надь, ни мои коллеги не обладали ясным видением будущего, их объединяло неприятие сталинизма и ненависть к Ракоши и его сталинистской банде. В частных беседах в редакции о Наде и Ракоши говорили так. С одной стороны, был *öreg*, “старик”, или же *Imre bácsi*, “дядюшка Имре”, как ласково называли Надя; с другой стороны, был *kopasz*, “лысый”, то есть Ракоши — лысый убийца. За несколькими исключениями, все в “Мадьяр Немзет” болели за старика и презирали лысого.

К этому большинству принадлежал и мой политический наставник — Иштван Радо, редактор отдела вечерних новостей. Хотя он был старше меня почти на пятнадцать лет, мы подружились. Иштван пострадал от репрессий Ракоши, но почти никогда не говорил об ужасах тех четырех лет, что он провел политическим узником. (В этом отношении он походил на многих других венгров, освобожденных из тюрем в 1954–1955 годах, во время премьерства Надя. О них речь пойдет во второй главе.) Мне было известно, что он участвовал в малочисленном антинацистском сопротивлении в Венгрии и состоял членом крошечной, запрещенной во время Второй мировой войны венгерской компартии, и еще я знал, что, пока он был в тюрьме, жена ушла от него к другому. Когда мы познакомились, он был тихим, одиноким человеком с мягкими манерами. Загубленные мечты юности все еще преследовали его, но он перестал быть коммунистом-революционе-

ром. В приглушенном голосе Радо всегда сквозила грусть, и только когда речь заходила о Ракоши и его прихвостнях или об УГБ (Управлении государственной безопасности Венгрии), его сдерживаемые страсти прорывались наружу. Помню, я думал о том, что страшная участь сороковых, постигшая Радо, миновала меня только потому, что, когда политический смерч захватил Венгрию да и всю Европу, я был слишком молод.

Впрочем, весной 1955 года я уже созрел для политических неприятностей. В апреле в результате козней Ракоши Москва, опасавшаяся роста сепаратизма в Венгрии, сместила Надя с поста премьера. Спустя месяц я оказался в числе первых двенадцати уволенных сотрудников газеты; вскоре уволили еще девять членов редакции, включая Болдижара. За поддержку антисталинистского “нового курса” Надя “Мадьяр Немзет” была уничтожена.

Мое увольнение было незаслуженным. Хотя к тому времени я и наслушался политических сплетен и имел некоторое представление о происходящем, я понимал лишь немного из того, что мне было известно. Политика не была моим коньком. Мои интервью с композиторами и балеринами большей частью не имели политического подтекста. За что меня уволили? Засунув приказ об увольнении в карман пальто, я, заливаясь слезами, бесцельно пошел от здания издательства вдоль Дуная. Мне, двадцатилетнему, казалось, что моя карьера журналиста закончилась, не успев начаться. У меня не было высшего образования или профессиональных навыков. Я в любую минуту мог потерять отсрочку от службы в армии, которую давала работа в газете. Что мне было делать? Прошло несколько мучительных недель, прежде чем я понял: наказание оказалось не таким суровым, каким оно представлялось вначале. Меня не причислили к врагам народа. Не внесли в “черные списки”. Меня просто сделали изгоем, которому запрещено занимать штатную должность. В качестве внештатного журналиста мне было позволено писать для коммерческих и нескольких других малоизвестных и малотиражных периодических изданий.

Когда прошло первое потрясение и я совладал с собой, розовая бумажка с приказом об увольнении стала казаться мне орденом. В стране, где проигравших возводят на пьедестал, а венгры

обожают своих неудачливых героев, я постепенно занял уважаемое положение безвинно пострадавшего. Хотя я потерял контрамарку в оперу и лишился кабинета с письменным столом и драгоценного телефона, который делил с четырьмя другими корреспондентами, и хотя теперь мне приходилось зарабатывать на жизнь на вольных хлебах, гораздо важнее и волнительнее было мое политическое совершеннолетие. Теперь я принадлежал к движению, пусть и не до конца понимая его смысл. Просто я ощущал себя так же, как все, кого я уважал. Принадлежность к движению заключалась в том, что я слушал и делился политическими сплетнями в кафе “Хунгария” и в бассейне “Лукач” (здесь плавание замечательно совмещалось с политическими разговорами) и регулярно посещал заседания кружка Петефи, недавно созданного антисталинистски настроенной интеллигенций. Вообще-то я начал ходить в этот кружок, когда на его заседания собиралось не более дюжины человек; к середине 1956-го сюда приходили тысячи. Правда, я ни разу не выступил. Откровенно говоря, дискуссия, значительная часть которой оставалась для меня неясной, интересовала меня куда меньше, чем одна рыжеволосая красавица, которая посещала кружок с первого заседания.

Так прошел год — с весны 1955-го по лето 1956-го, — и тут Москва, в угоду Тито, внезапно решила свергнуть Ракоши. Продиктованные Москвой зигзаги венгерской политики вносили в общество смятение и мучительное напряжение. С конца 1944 по 1953 год Москва благоволила к сталинисту Ракоши. С 1953 по 1955 год Москва покровительствовала антисталинисту Надю. С 1955 по 1956 год — вновь сталинисту Ракоши. Однако очередное смещение сталиниста Ракоши летом 1956-го не привело к восстановлению в должности антисталиниста Надя... Все же я испытывал воодушевление, даже восторг оттого, что Москва заставила лысого убийцу собрать чемоданы и отправиться в изгнание в Советский Союз. Все больше венгров, в особенности в Будапеште, начинали верить в близость добрых перемен. Люди надеялись, например, что компартия вновь примет в свои ряды Надя и он вернется к руководству страной.

Перемены к лучшему происходили и в моей жизни. В августе 1956 года я написал достаточно радикальную статью, которую немедленно приняла газета “Мувельт Неп” (“Культурный на-

род”). В статье, опубликованной на третьей странице газеты в начале сентября, говорилось о преподавании иностранных языков в средней школе и вузах. Я очень гордился, что первым в послевоенной Венгрии поднял вопрос о том, что школьникам и студентам следует предоставлять свободу в выборе изучаемого языка, то есть выбирать между русским, английским, немецким или французским, а не ограничиваться, в обязательном порядке, русским. После опубликования статьи я получил несколько хвалебных писем. Задолго до Боба Дилана на дворе ощущался ветер перемен.

В том же августе был “реабилитирован” Иван Болдижар, редактор, который всегда выходил сухим из воды: ему было поручено начать издавать новую еженедельную газету — “Хетфёй Хирлап” (“Вестник понедельника”). Предполагалось, что это будет газета антисталинистской направленности, что выходить она будет в воскресенье вечером и что на ее последней странице будут освещаться воскресные футбольные матчи. Болдижар объяснял мне, что по пути домой со стадионов болельщики всегда заходят в свои излюбленные таверны, обсуждая игру и проклиная судьей. К тому времени как они разделяются со вторым или третьим стаканом вина с газированной водой и истощат свои аргументы, им как раз захочется почитать “Хетфёй Хирлап”, где содержится информация о других играх и политических новости. Мне очень хотелось получить работу в новой газете. Тогда мне не было известно — я узнал об этом только спустя несколько десятилетий, изучая некогда секретные венгерские архивы, — каким хитрым политическим интриганом был Болдижар, как он предавал ближайших друзей и коллег; тогда я знал только то, что он легендарный журналист, который поддерживает Надя и дал мне первую работу в “Мадьяр Немзет”. И, разумеется, когда он предложил мне поступить корреспондентом в новую газету, я с восторгом согласился и побежал домой сообщить радостную новость родителям. Помню, что при всей радости, какую испытали родители от того, что меня “оправдали” и что у меня снова штатная работа, отец мягко заметил, что мне следовало поинтересоваться размером своего оклада.

Через несколько недель меня реабилитировал и специальный комитет Союза журналистов: в результате двухминутного заседания он постановил, что мое увольнение в 1955 году бы-

ло необоснованным. Это заседание произошло меньше чем за месяц до начала революции. Председателем комитета был Геза Лошонци, один из двух или трех ближайших сподвижников Надя.

Революция, которая началась 23 октября и закончилась на рассвете 4 ноября, застигла меня врасплох и повергла в смятение. В первый день я вместе с тысячами студентов маршировал по улицам Будапешта — из Пешта, через прекрасный мост Маргариты, в Буду, — выкрикивая лозунги о независимости от Советского Союза и солидарности с Польшей, где в это время тоже происходили волнующие события. Мы требовали, чтобы Надя вернулся к руководству страной. К вечеру охватившее меня тем днем ликование уступило место дурным предчувствиям. Услышав первые выстрелы у Дома радио, я не мог понять, что происходит. Внезапное появление молодых повстанцев повергло меня в изумление. Кто были эти люди? Откуда у них оружие? Прошел день или два, прежде чем я понял, что происходит нечто странное и любопытное: *движение за реформирование системы происходило одновременно с революцией против нее*. Помню, что мною владело тревожное волнение.

Поведение Имре Надя не переставало удивлять меня целую неделю. Двадцать третьего октября, во время столкновения у Дома радио, партия вновь ввела его в состав политбюро и восстановила в должности председателя правительства, которую он занимал с 1953 по 1955 год. Это были хорошие новости. Плохие же заключались в том, что в течение почти целой недели он или колебался, или же вел себя как последний ретроград из старой гвардии. Марксизм и партийная дисциплина затмили для него происходившую у всех на глазах революцию. Он позволил Эрнё Герё, ближайшему сподвижнику Ракоши, занять пост первого секретаря партии, а затем одобрил замену Герё Яношем Кадаром — центристом (согласно политическому спектру коммунистов), который вскоре предал Надя.

В течение пяти долгих дней, то есть в то самое время когда Надя, поддерживаемый всей страной, мог бы укрепить свою власть, правительство практически целиком состояло из дискредитировавших себя партийных прихвостней. Притом что большинство некоммунистических политиков коалиционной эры 1945–1947 годов были забыты или находились в изгнании, а антикоммунистической элиты в стране просто не существова-

ло, Надя был единственной заслуживающей доверие фигурой на венгерской политической сцене. Однако, вместо того чтобы использовать благоприятные обстоятельства, он не стал окружать себя сторонниками из реформаторов. Он слишком долго оставался глух к призывам улицы. Выслушивая высокопоставленных эмиссаров Москвы, членов политбюро Анастаса Микояна и Михаила Суслова, а также своих коллег из «ястребиного» крыла венгерской компартии, Надя, казалось, не обращал внимания на ветер революции, который бушевал за стенами партийной штаб-квартиры, где он день и ночь заседал со своими бывшими товарищами, недавними критиками и сегодняшними врагами.

Разочаровавшись в Наде, я испытывал двойственные чувства и к молодым повстанцам, которых встречал на будапештских улицах. Я, безусловно, разделял их призывы к свободе и независимости и с ликованием наблюдал за падением ненавистного памятника Сталину. Но меня очень тревожили сцены насилия, которые я видел почти ежедневно. Хотя эти жуткие вспышки чаще всего были ответом на провокации, которые устраивали недобитые головорезы из УГБ, то, что этих людей вешали на фонарных столбах, не соответствовало моим представлениям о реформах или справедливости. Беспокоило меня и то, что повстанцы, похоже, считали, что теперь все возможно. Одно дело кричать “Русские, убирайтесь домой!” — я тоже выкрикивал эти слова; другое дело — освободить Венгрию, пытаясь нанести поражение Советскому Союзу. Я чувствовал, что их требования чрезмерны. Что они слишком спешат. Иными словами, прекрасный, но безрассудный романтизм борцов за свободу отталкивал меня в той же мере, в какой и неспособность Надя понять и повести за собой революцию.

По этой причине я, к собственному неудовольствию, почти ничего не делал в те дни. Я написал небольшую статью, слушал радио, читал газеты и разговаривал с друзьями. У меня случилась мимолетная, возможно, чреватая опасностью встреча с группой вооруженных революционеров, захвативших типографию газеты, в которой я работал. Когда весть о “захвате” достигла редакции, один из редакторов попросил меня, потому что я был молод, так я думаю, спуститься в типографию и убедить повстанцев уйти. На дрожащих ногах я вошел в типографию и сказал, что “Хетфёи Хирлап” на их

стороне. Они взглянули на последний выпуск газеты, который был у меня с собой, мы пожали друг другу руки, и они удалились. Все обошлось.

После тягостной недели надежды и отчаяния советское правительство сделало примирительное заявление — оно было опубликовано 31-го, но разошлось уже 30 октября, — в котором говорилось о переговорах, направленных на вывод советских войск с территории Венгрии. Надь, воодушевленный советской декларацией, заявил об окончании однопартийного правления. Учитывая, что 30 октября Микоян и Сулов, члены советского политбюро, находились в Будапеште, я считал само собой разумеющимся, что историческое заявление Надя сделано с согласия русских. Но тогда мне было неизвестно, что, удалив почти все войска из Будапешта, Москва вводит в восточную Венгрию новые соединения; короче говоря, одни уходили, другие возвращались. По причине того что Надь, чтобы избежать паники, более или менее успешно скрывал от прессы подробности зловещих советских маневров, я преисполнился уверенности, что русские уходят. К 1 ноября мне стало казаться, что революция победила и Венгрия будет свободной и независимой: именно в этот день Надь пошел навстречу восставшему народу и заявил о нейтралитете Венгрии и о ее выходе из Организации Варшавского договора. Я не знал, что заявление Надя — по сути, акт отчаяния — было в основном продиктовано вводом новых советских соединений в восточную Венгрию. Меньше чем за сутки, между 30 и 31 октября, Кремль изменил свою позицию на диаметрально противоположную.

Принимая за чистую монету заявления Будапешта и Москвы и не обращая внимания на события в восточной Венгрии, я проявил замечательную политическую незрелость. Как, впрочем, и все, кого я знал. Исключение составлял мой скептически настроенный отец. Но он, несмотря на всегдашнюю бодрость духа, часто о чем-то тревожился, и я, уверенный в своей осведомленности, не придавал его словам значения.

В первые три дня ноября мы жили как во сне. В Будапеште все было тихо. Я был счастлив. Я гордился тем, что я венгр! Надю нужно время, чтобы обрести себя, сказал мой друг Радо и добавил, что по сравнению с Великой французской революцией наша оказалась на удивление мирной. Мне пришло в голову, что я слишком болезненно воспринимал робость Надя в первые

дни революции и радикализм борцов за свободу. Я стал свидетелем великих исторических событий, отмеченных примерами, многими примерами, жертвенности, мужества и нравственной чистоты. Я принялся мысленно сочинять статью о магазине на проспекте Ленина, который не разграбили, несмотря на то что двери в него были взломаны во время уличных боев. Витавший в воздухе дух товарищества вселял в меня бодрость и притуплял сомнения.

Эти чувства владели мной на протяжении всего третьего великого дня свободы — в субботу 3 ноября, когда редактор поручил мне провести день в величественном здании парламента. Откуда мне было знать, что этот день станет для свободной Венгрии последним. Молодой репортер, которому едва исполнилось 22 года, я исследовал запутанные коридоры и великолепные залы огромного, выстроенного в начале века здания на Дунае и не мог найти ничего, что представляло бы интерес для новостного выпуска. Я знал, или так мне казалось, что где-то в здании представители венгерского и советского правительства ведут переговоры о выводе советских войск с венгерской территории и что переговоры проходят успешно. Мне было сказано, что переговоры продолжатся и, возможно, завершатся вечером. К воскресенью, думалось мне, моя страна вновь обретет независимость и главная цель двенадцатидневной революции будет достигнута. В понедельник, как было объявлено, возобновится движение городских автобусов и трамваев, и мне больше не придется столько ходить пешком. Мне и в голову не могло прийти, что этот день и это место уже назавтра на рассвете будут вписаны в мировую историю низости и бесчестия.

Мое внимание привлекли две команды западных телекомпаний, готовившиеся к дневной пресс-конференции премьер-министра Надя. Я никогда еще не видел телевизор, а тем более тележурналистов в действии. Будучи физически и психологически оторванным от Запада на протяжении всей своей недолгой жизни, я с восхищением глядел на софиты и камеры, не в силах уразуметь, как люди в далеких гостиницах смогут увидеть запечатленные здесь на пленку картинки. Я набросал несколько слов об этой любопытной штуке — телевидении, размышляя о том, как лучше донести ее суть до читателей. Я опасался, что больше мне будет не о чем писать.

Редакция “Хетфёи Хирлап” поручила Петеру Халасу и мне написать репортаж о происходивших в парламенте событиях. Халас, как старший корреспондент, был ответственен за серьезную, политическую часть; на мою долю оставалось то, что венгры называют *szines*: пикантные новости, политические сплетни, заметки о настроениях в парламенте. Мы должны были сдать репортаж к полудню в воскресенье — ожидалось, что номер выйдет в свет в обеденное время. Случилось так, что ни Халас, ни я не смогли сдать материал в редакцию. В воскресенье газета не вышла. “Хетфёи Хирлап” больше не существовала.

Сегодня может показаться странным, что, прогуливаясь по коридорам парламента 3-го ноября, пытаюсь хотя бы мельком увидеть Имре Надя (мне это не удалось), стремясь во что бы то ни стало раздобыть что-нибудь остренькое для завтрашнего репортажа, выведать новости у приезжающих или уезжающих из парламента людей, я не заметил ничего подозрительного. Спокойствие не оставило меня и днем, когда я узнал об отмене пресс-конференции Надя. Он, должно быть, занят, думал я. Вместо Надя к прессе вышли два его заместителя: Геза Лошонци (он возглавлял специальный комитет Союза журналистов, реабилитировавший меня в сентябре) и Золтан Тилди, коммунистический президент Венгрии в 1946–1948 годах. Их обращенная к Москве просьба о сохранении добрососедских отношений была настолько же многозначительной, насколько удивительной была моя неспособность понять их послание, а именно что положение отчаянное. Почему я не слушал их более внимательно? Я присутствовал на последней, исторической пресс-конференции правительства и не сумел расшифровать слова или жесты, которые могли означать только одно: русские наступают. Это тем более странно, что, казалось бы, я уже научился читать между строк — этот навык развивается в условиях несвободной прессы.

В воскресенье, 4 ноября 1956 года советские войска достигли Будапешта и заняли здание парламента. Моему изумлению не было предела. Охваченный эйфорией, я не мог поверить и не хотел верить в то, что постсталинское руководство пойдет на подавление революции. Я просто отказывался воспринимать дурные вести — психологи называют это диссоциацией личности. Иные называют это глупостью.

В полшестого утра в воскресенье позвонил один из моих кузенов и сказал, чтобы я включил радио. Немедленно. Я включил приемник. Знакомый голос по радио “Свободный Кошут” кратко произнес: “Говорит Имре Надь, председатель Совета министров Венгерской Народной Республики. Сегодня на рассвете советские войска напали на нашу столицу с явной целью свергнуть законное венгерское правительство. Правительство на месте. Я уведомляю об этом народ нашей страны и весь мир”. Говоря из студии в здании парламента, Надь впервые зачитал эти четыре фразы в 5.20 утра. Заявление не раз повторяли, и я несколько раз прослушал его, но так и не смог понять, что именно хотел сообщить нам Надь. Мы вступили в войну? Это конец? Я был растерян, оглушен, подавлен. В течение следующего часа радиостанция передала также несколько призывов к Западу об оказании помощи, а потом смолкла. Тем временем Имре Надь и его семья, а также более двенадцати членов правительства с семьями приняли предложение югославского посольства о предоставлении убежища. Как стало известно много лет спустя, это предложение, сделанное в тайном сговоре с советской верхушкой, преследовало цель заманить в ловушку и нейтрализовать правительство Надя.

Через две недели после подавления революции я покинул Венгрию, отправившись сперва в Австрию, а потом, спустя еще несколько недель, в Соединенные Штаты. Так я стал одним из 150 000 изгнанников, бежавших из оккупированной Советами Венгрии. Мои родители, хотя я был их единственным ребенком, не препятствовали моему отъезду. Они не спали всю ночь, пока я писал несколько прощальных записок родственникам и друзьям и собирал немногие пожитки, готовясь к прыжку из неизвестности в неизвестность. Из кухни возникла моя мать, пытаюсь втиснуть в маленький рюкзак свои только что испеченные лучшие в мире пирожные. “Сходи в Нью-Йорке к дяде Шани”, — сказала она. На рассвете, когда пришла пора прощаться, отец безуспешно пытался сдержать слезы. “Пиши чаще”, — произнес он дрожащим голосом. Мы обнялись. Мы расцеловались. Когда я вышел из дома, они стояли на маленьком балконе нашей квартиры на улице Барксай и махали мне. Я долго пятился, пока еще мог их видеть, надеясь, что и они различают мой силуэт. (Вспоминая эту сцену сегодня, спустя полвека, сдерживая слезы, как

некогда мой отец, я вижу и всегда буду видеть их стоящими на балконе.)

Только много позже, когда в Америке у меня самого появились дети, я смог в полной мере осознать великодушные родителей, с которыми они позволили мне уехать*.

4

Сегодня, спустя пять долгих десятилетий, ознакомившись с учеными трудами и получив доступ к некогда тайным архивам, относящимся к 1956 году, я понимаю, насколько мало знал тогда о происходивших перед моими глазами событиях. Тогда я думал, что повстанцев гораздо, гораздо больше, чем было на са-

---

* Редактор настаивает, чтобы я немного рассказал о том, что случилось с моей семьей. Вот несколько заметок. Я всегда имел возможность переписываться с родителями, но мы никогда не обсуждали политические темы. В течение по крайней мере двух лет после отъезда я писал им по четыре или пять длинных писем в неделю, и мать часто отвечала мне — тоже довольно пространно. В более поздние годы писем стало меньше, однако в течение двух десятков лет и более мы писали друг другу по меньшей мере два кратких или одно длинное письмо в неделю. Я сохранил их письма, а мать сохранила мои. После кончины родителей я перевез всю корреспонденцию в Нью-Йорк, а потом возил ее с собой с места на место, и теперь письма хранятся у меня в нескольких больших коробках. Я их еще не перечитывал. При мысли о моих замечательных родителях и о нашей переписке, я порой думаю и о том, что было бы, если б в те годы в нашем распоряжении была электронная почта. С грустью вспоминаю о том, что тогда у меня не было достаточно денег, чтобы чаще звонить им. Впрочем, по счастью, родственники тех людей, кто покинул Венгрию примерно в одно время со мной (а это около 150 000 человек), не подвергались преследованиям; коммунистические власти оставили моих родителей в покое. В 1963 году моей матери было позволено навестить меня в США — она пробыла у меня три месяца; отец должен был оставаться в Венгрии, гарантируя ее возвращение. В 1965-м, обзаведясь к тому времени женой-американкой и двумя сыновьями, я ездил в Венгрию повидать родителей. После этого обоим моим родителям позволяли приезжать к нам в США, и они всегда возвращались на родину. Время от времени мы говорили о том, что им стоит обосноваться в Америке. Учитывая их возраст, решиться на это было непросто, однако мой любящий и идеалистичный отец часто говорил, что готов продавать сосиски в Нью-Йорке, только чтобы жить поблизости от меня. Что еще я могу сказать? Моя матушка скончалась в 1970-м, отец пережил ее почти на десять лет. Моя большая американская семья из пяти детей и (по последним подсчетам) четырех внуков, во главе с моей женой Тоби, всегда посещает могилу родителей, когда мы бываем в Будапеште. И во время холокоста, и при коммунистическом режиме мои родители защищали меня так, как могли, — мужественно и беззаветно.

мом деле. Я полагал, что советское руководство единодушно и сплочено, но это оказалось не так. И только недавно я в полной мере осознал негативное влияние Соединенных Штатов на ход событий и до, и во время восстания. После начала советского вторжения я ошибочно надеялся, что Запад отомстит, *действительно отомстит* Москве за поруганную Венгрию.

Весьма показательно то, что и Москва, и даже Вашингтон восприняли поражение венгерского восстания как своего рода успех. Советский Союз заявлял, что спас Венгрию от козней Запада, хотя после интервенции антисталинский курс Хрущева с его перспективой реформирования обанкротившегося международного коммунистического движения потерял всякую силу. Вряд ли успехом Советов можно было считать то, что сохранить коммунистическую власть в Венгрии и, косвенно, в Центральной и Восточной Европе ему удалось только с помощью штыков. Что касается Соединенных Штатов, то они заявили о нравственной победе свободного мира над коммунизмом — вопреки тому, что их неспособность помочь Венгрии хотя бы посредством дипломатических маневров оказалась более наглядной, чем вся антикоммунистическая пропаганда. Правда, США довольно скоро отказались от пустых лозунгов об “освобождении” Восточной Европы, однако Вашингтон так никогда и не признал, какой вред он нанес венгерской революции. “Бедные ребята” — так в частной беседе отозвался о венграх президент Дуайт Эйзенхауэр во время кампании за переизбрание. И с пафосом добавил: “Я все время о них думаю. Если б только им можно было помочь”*.

Что до венгров, немногочисленные, но последовательные и реалистичные в своих оценках 1956 года члены так называемой “демократической оппозиции” сохранили свои воспоминания о восстании в “самиздатовских” книгах конца 1970-х и 1980-х годов, однако большую часть населения поразила своеобразная коллективная амнезия, вероятно, связанная со смягчением режима после 1962 года — с установлением “гуляшного коммунизма”. Тем временем венгерские изгнанники на Западе не позволяли западным правительствам снять с повестки дня вопрос о советском режиме в Венгрии. Связующим звеном между

---

* C. L. Sulzberger. *The Last of the Giants* (New York: Macmillan, 1970), 336.

доблестным восстанием 1956-го и падением коммунизма в 1989-м стала церемония перезахоронения Имре Надя и его соратников на исторической площади Героев в Будапеште в июне 1989 года. Наблюдая агонию режима, многие венгры думали о том, что их жертва не прошла даром.

И все же в 2006 году, через полвека, большинству венгров еще предстоит достичь согласия в отношении событий 1956-го. Слова “поражение”, “неудача” или “проигрыш” нечасто встретишь в беседах или печатных материалах, посвященных тем событиям, потому что согласно народным представлениям революция была победоносной — пока ее не предал бездушный мир. Эти воззрения отражают один из циклических мифов венгерской политической культуры: те, кто мужественно сражается и терпит поражение в борьбе за недостижимые цели, заслуживают большего восхищения, чем те, кто оппортунистически стремится к небольшим победам и выигрывает*.

Падение режима в 1989 году вызвало в венгерском обществе ожесточенные дебаты о судьбе восстания, и современная политика во многом повлияла на оценку роли различных лиц и групп в событиях тех лет. Обратное прочтение истории стало составной частью глубоко поляризованной политической жизни. Сегодняшние социалисты из бывших коммунистов отождествляют себя с Имре Надем и претендуют на положение наследников революции 1956-го, как если бы их предшественники не участвовали в подавлении восстания, не поддерживали советское вторжение и не имели ничего общего с организацией юридического убийства Надя и сотен революционеров в 1958 году. Напротив, современные антикоммунисты — некоторые из них политические самозванцы и ренегаты, до 1989 года сотрудни-

* См. три интересные работы, относящиеся к данному вопросу: György Litván. *Mitoszok és legendák 1956-ról* [Цифы и легенды о 1956 годе], в *Évkönyv 2000* [Ежегодник 2000] (Budapest: 1956 Institute, 2001), 205–18; Csaba Békés. *Győzhetett volna-e a magyar forradalom 1956-ban?* [Могла ли венгерская революция 1956 года увенчаться успехом?], в *Mitoszok, legendák, tévhitiek a 20. századi magyar történelemből*, под ред. Ignác Romcsis [Мифы, легенды, заблуждения в венгерской истории XX века.] (Budapest: Osiris, 2002), 339–360 и Péter Kende. *Elkerülhetetlen volt-e a magyar forradalom, és mi volt a haszna?* [Была ли революция неизбежной, и каковы были ее плоды?], *Világosság* 37, № 10 (October 1996): 3–22.

чавшие с режимом, — страстно отрицают социалистические цели революции, умаляют коммунистическое прошлое Надя и порочат его соратников.

Увы, действия венгров — и американцев — в 1956 году не допускают однозначных толкований. Попытаемся ответить на следующие вопросы. Был ли Имре Надь убежденным сталинистом и осведомителем советской тайной полиции? Да. Был ли он подлинно популярным премьер-министром в 1953–1955 годах, оставаясь коммунистом? Да. Были ли многие из его сторонников разочаровавшимися коммунистами, некогда верно служившими делу Сталина? Да. Подготовили ли они почву для антисоветской революции? Да. Оставался ли Надь патриотом и коммунистом во время восстания и позже, в заключении? Да. Верно ли то, что он и его соратники руководили революцией неумело, даже бездарно, и при этом сделали все, что было в их силах? Да.

А теперь о Соединенных Штатах: должна ли была агрессивная политика СССР после Второй мировой войны вызвать ответные действия со стороны США? Да. Надеюсь ли правительство США освободить страны Центральной и Восточной Европы от советского гнета? Да. Подготовился ли Вашингтон к ситуации, когда от него может потребоваться дипломатическое или экономическое вмешательство, не говоря о военных действиях? Нет. Верили ли должностные лица в Белом доме в произносимые ими лозунги, или они лицемерили? Некоторые — верили, большинство было лицемерами. Были ли венгры введены в заблуждение американской пропагандой? Да. Верно ли, что США оставили венгров в беде? Да.

Неоднозначными в истории 1950-х годов предстают даже действия Советского Союза и Югославии, когда, казалось бы, законченные негодяи совершали «добрые» с исторической точки зрения дела. Хрущев жестоко подавил венгерское восстание, в то время как Тито, проницательнейший из лицемеров, вступил в створ с Кремлем, в частности с Хрущевым, с целью заманить в ловушку и пленить Имре Надя. При этом один из двоих мерзавцев Тито развивал доктрину независимого коммунизма, расколовшую некогда монолитное международное коммунистическое движение, а Хрущев проводил антисталинский курс во внутренней политике, и благодаря этому для миллионов людей в странах коммунистического блока, особенно в Советском Союзе, жизнь стала чуть более сносной.

Пытаясь разобраться в этой политической сумятице, я обнаружил, что ключевым участникам событий, в особенности некоторым из венгров и американцев, были одновременно присущи идеализм и своекорыстие, наивность и цинизм, мужество и трусость, гибкость и упрямство, принципиальность и оппортунизм. Только в этой парадоксальной мешанине человеческих качеств и политических страстей читатели книги смогут найти ключ к свершениям и трагическому исходу венгерской революции 1956 года. Для того чтобы понять, что произошло и особенно почему восстание постигла неудача, необходимо не только воспевать доблесть восставших, но и рассматривать неоднозначные факты в истории восстания. В противоположность приведенному в начале этой главы совету графа Клебелсберга, добросовестные ученые *должны* стремиться избавлять людей — венгров, американцев или русских — от исторических иллюзий.

5

Мужество венгров заслужило восхищение во всем мире, однако восстание закончилось неудачей. В 1956 году Венгрия не только не завоевала независимость, но и не достигла более умеренной цели — относительной свободы в плюралистичной с точки зрения политики и социалистической с точки зрения экономики среде.

Рассуждая о восстании и причинах его поражения, я предполагаю рассмотреть в этой книге четыре темы: ключевую роль Имре Надя и его благонамеренных, но неопытных соратников (глава 2); неподготовленность Америки в период, предшествовавший восстанию, и во время революции (глава 3); природу и следствия разногласий в советском руководстве, особенно в 1956 году, после исторического XX съезда КПСС (глава 4); и сложнейшую систему отношений между повстанцами, правительством Надя, Соединенными Штатами (в особенности, РСЕ) и советским руководством (глава 5). В контексте этих четырех тем в главе 6 книги развит ее основной вывод, а именно что поражение революции не было predetermined, а советское вторжение и последовавшие за ним десятилетия жестокого ига не были единственным возможным исходом восстания.

Этот вывод отличается от заключения, к которому автор этих строк пришел молодым человеком в середине 1950-х годов. Основываясь главным образом на новых документальных свидетельствах, я делаю вывод, что больший реализм в 1956 году мог бы привести к иному исходу восстания. Трагического поражения, ставшего результатом чрезмерного романтизма в Будапеште, безоглядной веры в могущество и риторику Вашингтона и в особенности разноречивых действий Москвы, в конце концов поддавшейся имперскому соблазну, можно было избежать, если бы только в Москве, Вашингтоне и Будапеште у власти стояли более одаренные и менее идеалистичные правители, умеющие отличать желаемое от возможного.

Глава вторая

Нечаянный революционер

Сегодня возвращение к политике Нового курса и применение июньских принципов [1953 года] в экономической, политической и социальной сферах жизни страны все еще могло бы сдержать растущий кризис и предотвратить катастрофу. Однако вызывает сомнение, что возвращение к июньским принципам поможет нам завтра... существует опасность, что массы, потеряв веру, отвергнут как июньскую программу, так и Коммунистическую партию, и для того чтобы удержать ситуацию под контролем придется идти на гораздо большие уступки.

Имре Надь. О коммунизме

1

Ввиду удручающего положения венгерской экономики и растущего недовольства населения в крупных промышленных городах советское руководство решило действовать. В июне 1953 года, всего через три месяца после смерти Иосифа Сталина, во время секретной советско-венгерской встречи на высшем уровне в Москве для Венгрии был избран экспериментальный, относительно разумный путь развития. Политбюро подробно определило, что позволительно и что не дозволено венгерскому правительству. Избрав, а по сути назначив, Имре Надя новым премьер-министром Венгрии, советские правители поручили ему смягчить бремя сельскохозяйственных реквизиций в деревне и несколько ограничить деятельность вездесущей тайной полиции. Ему предстояло начать “новый курс” в венгерской политике, который повлек бы за собой небольшие, но в данных обстоятельствах все же значительные перемены в экономической и социальной жизни. Разумеется, речь не шла о введении свободного рынка или многопартийной системы; политику Надя даже не предполагалось называть “реформами”, так как это напоминало бы социал-демократию западного образца. Однако, чтобы Надь не зашел слишком далеко, главой коммунистической партии Венгрии Кремль оставил сталиниста Ракоши.

Удача перестала улыбаться Надю уже вскоре после московской встречи, а его пребывание на посту премьера закончилось меньше чем через два года. После смещения в июне и казни в декабре 1953 года шефа тайной полиции Лаврентия Берии, одного из двух наиболее могущественных советских сторонников Надя, Ракоши удвоил усилия по дискредитации “нового курса”. После того как в январе 1955 года был понижен в должности Георгий Маленков, другой покровитель Надя, последний потерял доверие Кремля и, по настоянию Ракоши, был смещен со всех правительственных, партийных и академических постов. Позже в том же году, после того как его обвинили в национализме и уклонизме, он даже был исключен из компартии, в которую вступил за тридцать пять лет до описываемых событий.

В должности председателя правительства Надь мог изменить Венгрию к лучшему. Хотя по западным меркам его начинания были весьма скромными, он стал первым в мире коммунистическим лидером, убедившим свой народ, что реформирование системы способно сделать страну свободнее и богаче. Несмотря на коммунистическое, “московское” прошлое Надя, венгры любили его за то, что он говорил на понятном для них языке, стремился к экономическим и политическим преобразованиям и в окружении коварных “настоящих” коммунистов выглядел своего рода героем-одиночкой. В сфере экономики страна, пораженная дефицитом товаров, горячо приветствовала проводимую Надем политику развития легкой, а не тяжелой промышленности. Однако важнее, пожалуй, то, что он открыл возможность политического спасения — побега из греховного, сталинистского прошлого — для своих высокообразованных сторонников, людей, для которых смерть Сталина означала переход от старых, укоренившихся иллюзий в отношении коммунистической утопии к новым иллюзиям, состоявшим в стремлении реформировать коммунизм.

Весной 1955 года, после того как Ракоши окончательно дискредитировал Надя в глазах Кремля, опальный премьер вернулся к частной жизни. В течение следующих полутора лет (об этом, в частности, рассказывается в главе 4), когда позволяло здоровье, он свободно передвигался по городу, и время не прошло для него даром. Нередко можно было видеть, как он быстрым шагом гуляет по центру Будапешта, сердечно приветствуя доброжела-

телей, число которых возрастало день ото дня. Густые усы, простоватое круглое лицо, неизбежное пенсне, старомодная шляпа, черный зонтик, мягкие, живые манеры — его вряд ли можно было принять за старого, закаленного в боях коммуниста. Как сообщают двое из сторонников Надя, “популярность его была так велика, что водители автобусов останавливались между остановками, чтобы подвезти его”*. В то же время его присутствие в городе словно намекало о возможной альтернативе Ракоши.

В этой главе повествуется о карьере Имре Надя — со времени его изгнания в Советском Союзе до начала восстания 1956 года. В разделе 2 говорится о драматической московской встрече в июне 1953 года, когда Кремль назначил Надя председателем правительства. В разделе 3 предпринята попытка ответить на вопрос, почему советское руководство поверило Надю и поручило ему осуществлять в Венгрии постсталинский курс, — вопрос, который влечет за собой обсуждение его относительно умеренных политических взглядов (так называемый правый уклонизм) и его работу осведомителем советской тайной полиции в 1930-х годах в Москве. В разделе 4 рассказывается о роли Надя в сталинистской Венгрии с 1945 по 1953 год, когда он занимался главным образом вопросами сельскохозяйственной политики, включая земельную реформу 1945 года. Здесь же говорится о его поддержке травли действительных или воображаемых врагов компартии и, несмотря на оговорки, о слишком быстрых темпах коллективизации, о его активном участии в осуществлении катастрофической аграрной политики партии. Раздел 5 посвящен премьерству Надя в 1953—1955 годах, когда он завоевал популярность среди широкой общественности и превратился в заклятого врага коммунистической старой гвардии. В это время преобразования в экономике привели к повышению уровня жизни населения, а правительство во имя “социалистической законности” освободило из тюрем подавляющее большинство политических узников, в том числе бывших коммунистических вождей, некогда признанных титоистами.

* Tamás Aczél and Tibor Méray. *The Revolt of the Mind: A Case History of Intellectual Resistance behind the Iron Curtain* (New York: Praeger, 1959), 396.

Так в Венгрии зарождалась эпоха, метко названная “восстанием умов”*, когда поначалу немногочисленные сторонники Надя стали постепенно осознавать собственную ответственность за коммунистическое правление. Верховным жрецом этой переоценки ценностей выступал сам Имре Надь — человек, снискавший уважение и восхищение венгров как благодаря проведенным им реформам, так и благодаря упрямому нежеланию подчиниться воле партии после вынужденной отставки. Однако Надь, видный идеолог, превосходный полемист, опытный игрок на поле элитистской коммунистической политики, наконец, человек, без которого наверняка бы не вспыхнуло восстание 1956 года, вовсе не был революционным вождем. Его прошлое, о котором подробно рассказывается в этой главе, не подготовило его к выполнению двойной задачи, состоявшей и в сложных политических маневрах, и в руководстве народным восстанием. Реформатор, превратившийся в революционера поневоле, поистине в нечаянного революционера, Надь был неспособен привести восстание к победе.

2

Разочаровавшись в твердокаменных венгерских сталинистах и обеспокоившись нестабильной ситуацией в стране, в июне 1953 года советское политбюро назначило Имре Надя новым премьер-министром Венгрии. Приглашения на советско-венгерскую встречу, которая должна была начаться в Москве 13 июня, были разосланы в Будапеште генеральным секретарем компартии Ракоши всего за день или за два до отъезда в Россию, однако состав венгерской делегации определял на этот раз не Ракоши, а Кремль. Это, так же как и состав делегации, выглядело несколько странным. Ракоши было приказано взять в Москву своего заместителя Эрнё Герё, который тоже принадлежал к “московским” венграм, Имре Надя, “москвича” и на то время заместителя председателя правительства с опытом работы в сельском хозяйстве, четырех более молодых партийных деятелей (Рудольфа Фёльдвари, Андраша Хегедюша, Иштвана Хидаша и Белу Салаи) и Иштвана Доби, номинального президента

* Там же.

Венгрии, который некогда был лидером антикоммунистической партии мелких хозяев и одновременно тайным членом компартии. Неожиданным образом среди участников отсутствовали Михай Фаркаш и Йозеф Реваи — два ближайших сотрудника Ракоши, которые, наряду с Герё, входили в состав управлявшей страной четверки. Во время долгого перелета из Будапешта в Москву никто не говорил о том, чего ожидать от московской встречи, и в салоне самолета царило уныние*.

Очевидно, члены венгерской делегации не знали, что несколькими неделями ранее, в мае, советское руководство велело Ракоши оставить пост председателя правительства (но не генерального секретаря партии). Однако лысый диктатор, который не привык и не желал делиться властью с другим венгром, медлил. Он соглашался в принципе, но никак не мог найти себе соответствующего преемника, и русские были в ярости. Никита Хрущев сказал ему в мае, что «партийная и государственная власть не должна быть сосредоточена в одних руках». Вячеслав Молотов сетовал, что Ракоши хочет назначить преемником человека, у которого «не будет голоса при принятии решений». Как вспоминал позже Георгий Маленков, во время майской встречи «мы спросили [Ракоши]: «Кого бы вы рекомендовали в качестве своего заместителя? Он никого не мог назвать. Любая кандидатура вызывала у него возражения. Под подозрением были все, кроме него самого»***. Чтобы сломить сопротивление Ракоши, политбюро решило вызвать венгерского диктатора в Москву и отчитать его в присутствии его же коллег и подчиненных.

Встреча продолжалась три дня. В советскую делегацию входили все значимые советские властители: Маленков, Хрущев, Молотов, а также Берия, Николай Булганин и Анастас Микоян. Политбюро, возглавляемое Маленковым и Берией, недвусмысленно поставило вопрос о том, что Ракоши может сохранить за

* См.: András Hegedüs. *Élet egy eszme árnyékában: Életrajzi interjú* [Жизнь в тени идеи: интервью-воспоминание] (Vienna: Zoltán Zsille, 1985), 188–197.

** Imre Nagy. *On Communism: In Defense of the New Course* (New York: Praeger, 1957), 250–251. Ср. Károly Urbán. A Nagy Imre-kormány megalakulása (1953) [«Формирование правительства Имре Надя (1953)»] в *Nagy Imre és kora* [Имре Надя и его эпоха], eds. József Sipos and Levente Sipos (Budapest: Nagy Imre Alapítvány, 2002), 39–80.

собой только один из ключевых постов. «Дело не в том, что мы не доверяем товарищу Ракоши, — заявил Берия, — но стране нужны новые руководители». «Мы критично оцениваем положение в Венгрии, — сказал Маленков, — и нам кажется, что венгерские товарищи не обращают должного внимания на существующие недостатки»*.

Маленков определил формальный порядок встречи, сказав, что она будет посвящена трем вопросам: экономическому развитию, кадровым решениям и произволу в государственном управлении (под которым понимался и террор). Затем, следуя установленному распорядку, он отметил тяжелое положение в сельском хозяйстве Венгрии. Колхозы проваливают производственный план. За невыполнение обязательных поставок государству суды сажают крестьян в тюрьмы. Власти изнуряют народ арестами и лагерями. Репрессии наносят вред как государству, так и партии. Берия обвинил Ракоши в самоуправстве, сказав, что тот самолично решает вопросы об аресте и пытках отдельных граждан, вместо того чтобы предоставить эти реше-

* Если не указано иное, рассказ об этой встрече основывается на подробных протокольных записях члена политбюро венгерской компартии Белы Салаи, возглавлявшего секретариат кабинета министров Венгрии. Протокольная запись встречи, которая хранится в Венгерском национальном архиве (Magyar Országos Levéltár, or MOL, 276.f. 54/246.o.e.), была опубликована Дьёрдем Варга: György T. Varga, comp. *Dokumentumok: Jegyzőkönyv a szovjet és a magyar párt- és állami vezetők tárgyalásairól* (1953. Június 13–16.) [Документы: записи переговоров между советскими и венгерскими партийными и государственными руководителями, 13–16 июня 1953 г.]. // *Múltunk* 37, № 2–3 (1992): 234–269. Перевод мой. См. также сокращенную англоязычную версию: *The 1956 Hungarian Revolution: A History in Documents*, ed. Csaba Békés, Malcolm Byrne, and János M. Rainer (Budapest: Central European Press, 2002), 14–23. См. также: A. Hegedüs. *Élet egy eszme árnyékában*; Nagy. *On Communism*; и Mária Palasik. *Láttelek a magyar függetlenségéről* [Диагноз венгерской независимости], *Kapu*, May 1989, 4–10. (Рассказ Палашик основан на записях Рудольфа Фельдвари, еще одного члена венгерской делегации.) См. также классический труд о жизни Надя и его времени Яноша Райнера: János M. Rainer. *Nagy Imre: Politikai életrajz* [Имре Надя: политическая биография], vols 1-2, 1956-os Intézet, 1996; июньская встреча 1953 года описана в т. 1, 509–520. Более ранняя попытка реконструировать эту встречу (еще до того как открылись архивы) предпринята в работе автора: Charles Gati. *Hungary and the Soviet Bloc* (Durham, N.C.: Duke University Press, 1986), 129–133. Протокол этой встречи в российских архивах до сих пор не найден.

ния следственному аппарату. Берия сказал, что в дополнение к постам генерального секретаря партии и председателя правительства Ракоши фактически возложил на себя обязанности главы УГБ (Управления государственной безопасности) — бесчестной и бесславной тайной полиции*. Вероятно, осознав, насколько иронично звучат из уст Берии упреки в излишне репрессивной внутренней политике венгерского руководства, в разговор вступил Маленков: “В нашей стране мы исправляем сделанные в этой связи ошибки”**. Чтобы венгры наверняка поняли суть сказанного, Берия зловеще добавил: “Сегодня Советская армия все еще в Венгрии, но она не будет там вечно”.

Заговорив о сельском хозяйстве, Берия впервые обратился к Имре Надю: “Товарищ Имре Надь был исключен из состава политбюро [Надь не входил в политбюро венгерской компартии в 1949—1951 гг.] за то, что выступал за более постепенное развитие кооперативов. Это было ошибочное решение. Товарищи, возглавляющие ЦК, и правительство не знают села и в действительности не хотят его знать”. Берия дал понять, что упомянутые “товарищи” не понимают деревню потому, что они евреи. По этой причине, продолжал он, “было бы лучше, чтобы председателем правительства стал венгр. Товарищ Сталин [уже] говорил товарищу Ракоши о необходимости продвигать венгров”***. Словно подводя итог сказанному, Берия так выразил

* С октября 1946 по сентябрь 1948 года политическая (тайная) полиция в Венгрии называлась Államvédelmi Osztály или ÁVO (Отдел государственной безопасности); в 1948 году она была переименована в Államvédelmi Hatóság или ÁVH (Управление государственной безопасности) и ее функции были расширены.

** Какая ирония в том, что в то самое время когда Маленков и Берия поддакивали и расточали друг другу комплименты, Маленков и Хрущев готовили заговор с целью смещения, ареста и в конечном итоге казни Берии. См., в частности, работу Марка Крамера: Mark Kramer. The Early Post-Stalin Succession Struggle and Upheavals in East-Central Europe: Internal-External Linkages in Soviet Policy Making, Part 2. // *Journal of Cold War Studies* 1, № 2 (Spring 1999): 3—38. Крамер отмечает: “После консультаций 12 июня эти двое [Маленков и Хрущев] начали активно готовиться к свержению соперника». Так, встреча с венгерской делегацией, в которой участвовали Маленков, Хрущев и Берия, началась 13 июня, всего через день после рождения заговора Маленкова и Хрущева против Берии.

*** «Еврейство» в Советском Союзе официально отражало и религиозную, и национальную принадлежность; так, советский еврей мог быть

точку зрения Кремля: “Если товарищ Надь станет председателем правительства, товарищ Ракоши может остаться во главе партии как товарищ с богатым опытом и верный партии. *Товарищ Надь подходит для должности председателя правительства (он предан партии, он венгр, он знает сельское хозяйство)*”. (Курсив мой. — Ч. Г.)

Хотя с этим заключением, похоже, согласились все, взявший слово Молотов принялся вновь говорить о своеволии Ракоши и о захлестнувшей Венгрию “волне репрессий”. Маршал Булганин подверг критике состояние вооруженных сил Венгрии. Микоян отметил, что разработанные экономические планы развития страны нереалистичны, в частности, потому, что у Венгрии нет ресурсов для масштабных капиталовложений в тяжелую промышленность. “Товарищ Ракоши стал очень самодовольным”, — бросил Микоян этому ветерану международного коммунистического движения. Когда очередь дошла до Хрущева, он, вторя Берии, напал на Ракоши и хвалил Надя. “Создается впечатление, — заявил Хрущев, — что [в Венгрии] нет коллективного руководства, что руководящий коллектив не сложился. Товарищ Надь критиковал правительство [в 1949 году]; из-за этого его исключили из политбюро. Разве это пример уважения к [чужим] мнениям?”

Когда настал черед Ракоши отвечать критикам, он ничего не сказал в ответ на совершенно лицемерную реплику Хрущева о его, Ракоши, нетерпимости к взглядам других. Вместо этого он признал справедливость всех критических замечаний, хотя и не стал заниматься самоуничижением — пока еще нет. Он сказал, что экономические планы будут пересмотрены в сторону уменьшения вложений в тяжелую промышленность и повышения уровня жизни населения, что будет объявлена всеобщая амнистия и что он уйдет с поста премьер-министра. Он также долго рассказывал о “еврейском вопросе”, заметив, причем вполне справедливо, что множество евреев, вступивших в партию после Второй мировой войны, сделали это под знаменем борьбы с

идентифицирован в паспорте как еврей, а не русский или украинец. Напротив, в Венгрии после Второй мировой войны венгерский еврей идентифицировался только как венгр, без указания на его «еврейство». Следуя советской практике, Берия и его коллеги считали Ракоши евреем, а не венгром.

фашизмом, а не потому, что поддерживали идею построения коммунистического общества. В целом, заключил Ракоши, евреи не заслуживают доверия. Некоторые из них все еще занимают влиятельные должности, особенно в редакциях газет и журналов, но они будут смещены. Впрочем, Ракоши не стал упоминать, что все члены управлявшей Венгрией “четверки”, включая его самого, были еврейского происхождения*. Не стал он и поддерживать назначение Надя премьер-министром, пока Маленков прямо не спросил его, согласен ли он с “выдвижением кандидатуры” Надя.

В свою защиту Ракоши сказал, что все его действия в полной мере соответствовали указаниям Москвы и лично Сталина. Он попытался снять с себя ответственность, но политбюро настаивало, что именно на нем лежит вина за политические и экономические неудачи Венгрии. Молотов высказался резко: “Вы хотели назначить председателя правительства, который бы не принимал участия в принятии решений”. Маленков не оставил Ракоши выбора: “Мы считаем, что в руководстве нет места для трех евреев [т.е. Ракоши, Герё, Фаркаш]”. Заключительные слова Берии прозвучали особенно зловеще: “Как старому большевику вам, Ракоши, должно было быть известно, что мы умеем ломать хребты”**.

Примечательно, что Герё, “второе я” Ракоши, оценил обстановку гораздо лучше своего шефа. Он поддержал назначение Надя премьер-министром. Он согласился, что венгерское правительство допустило серьезные ошибки в сельском хозяйстве. Он признал, что государственный аппарат чрезмерно раздут. Что касается тайной полиции, он согласился и с тем, что руководство не обращало должного внимания на факты применения “садистских методов” и на “нарушения законности”. Проявив чудеса политической изворотливости, Герё частично взял на себя ответственность за происходящее, несколько дистанцировавшись от Ракоши. Понимая, что Кремль решил проводить “новый курс” не смещая Ракоши с поста генерального секретаря партии, он

* Речь идет о Ракоши, Герё, Фаркаше и Реваи. Эти четверо, как и многие в венгерском руководстве, были евреями, однако все они с презрением относились к иудаистским ценностям и традициям предков. См.: Ch.Gati. *Hungary and the Soviet Bloc*, 100–107.

** В записях Салаи нет этой памятной фразы Берии, но она содержится в работах Хегедюша, *Élet egy eszme árnyékában*, 192, и Палашик, *Látélet*, 9.

стремился угодить советским товарищам, но при этом не разойтись с шефом. Однако Герё был крайне встревожен. Он доверительно сказал своему более молодому коллеге Фёльдвари, что не понимает исходящую от русских критику. “Они поддерживали нашу политику до сегодняшнего дня, — сказал он, — а теперь ожидают от нас прямо противоположного”**.

Что до Имре Надя, нового кремлевского фаворита, то ему пришлось по душе все, что говорили советские товарищи. Когда пришла его очередь, он пространно рассказал об ошибках, допущенных, по его мнению, в экономической, в частности в аграрной, политике, и осудил факт сосредоточения власти в руках Ракоши, Герё и Фаркаша. Он сказал, что Ракоши не должен был брать на себя руководство УГБ. И, чтобы еще раз уколоть лысого диктатора — показать, что Ракоши все еще пытается обойтись без товарищеских советов Москвы, — Надя поведал собравшимся, что непосредственно перед встречей Ракоши предлагал ему совсем не пост премьера, а ничтожную должность министра по образованию взрослых. Берия обернулся к Ракоши и повелительно сказал: “Для этой работы вы можете найти кого-нибудь другого”.

В последний раз советская и венгерская делегации встретились 16 июня. Вероятно, целью этого полуторачасового заседания было запугать Ракоши и предотвратить саботирование только что принятых решений. Маленков вдруг заговорил о подозрительных контактах между Ракоши и представителями Соединенных Штатов. Он упомянул, что во время недавнего приема в британском посольстве в Будапеште в присутствии американского посла был поднят вопрос о возможности встречи между венгерскими официальными лицами и президентом США Дуайтом Эйзенхауэром. Подразумевая, что за спиной Москвы плетутся интриги, Маленков дал понять Ракоши, что за ним следят. Берия в свою очередь выступил с еще одной устрашающей репликой. Берия напомнил, что во время недавней встречи в Будапеште между Ракоши и советниками из Москвы Ракоши позволил советникам говорить всего двенадцать минут, а сам почти два часа высказывал им свои соображения. Вместо

* Rudolf Földvári. Egy ungvári kéretlen “vendéglátás” [Непрошеное “гостеприимство” в Унгваре]. // *Új Tükör*, № 53, 1989, 6–8. Более обстоятельный рассказ Фельдвари см. в его интервью (№ 231) в архиве Института изучения венгерской революции 1956 года в Будапеште.

этого, Ракоши должен был выслушивать *их* советы, а не тратить их драгоценное время на *свои* речи. Цель этой почти мафиозной “разборки” состояла, вероятно, в том, чтобы Ракоши перестал заигрывать с американцами и пренебрегать советскими “товарищами”. Когда Ракоши попытался объяснить, что произошло на самом деле, Берия обвинил его в “упрямстве, которое может привести к еще более тяжелым ошибкам”*.

На этом встреча закончилась. Советские правители вернулись к насущным делам, оставив венгров в видимом смятении. Покидая зал заседаний в чопорном Кремле, Надь вежливо пропустил Ракоши вперед. Однако Ракоши подтолкнул Надя: “Иди первый, Имре, теперь ты — главный”**. Время показало абсолютную неискренность Ракоши. Он, конечно, не принял первенство Надя и стал строить козни новому премьеру немедленно по возвращении в Будапешт. В конце концов, Ракоши потеснили, но не выкинули за борт. Советское политбюро небезосновательно рассчитывало, что, как преданный ветеран коммунистического движения, Ракоши не перестанет блюсти их интересы в Венгрии.

3

Так кем же был Имре Надь, новый ставленник Кремля в Будапеште? Почему он удостоился похвалы и повышения?

Советским правителям было прекрасно известно прошлое Надя — человека, которому они поручили осуществление “но-

* В более узком кругу, вне пленарного заседания, Берия, согласно некоторым данным, высказался гораздо жестче, обвинив Ракоши в стремлении стать «еврейским царем Венгрии». Упомянув некогда правивших Венгрией “турецких султанов, габсбургских императоров, татарских ханов и польских князей”, Берия — согласно рассказу двух надевских сторонников, которые, должно быть, слышали эту историю от самого Надя — заметил: «Но, насколько нам известно, в Венгрии никогда не было еврейских царей. Похоже, таким царем стали вы. Что ж, можете быть уверены, что мы этого не допустим». Tamás Aczél and Tibor Méray. *Revolt of the Mind*, 159. Из трех членов венгерской делегации, которые позже пытались вспомнить этот комментарий о «еврейском царе», Хегедюш и Фёльдвари его не слышали, а Доби утверждал, что эти слова действительно были произнесены. Во всяком случае, Берия не говорил этого во время пленарного заседания.

** A.Hegedüs. *Élet egy eszme árnyékában*.

вого курса” в Венгрии. Они знали его с тех пор, как он сражался в рядах Красной армии в Гражданскую войну в России*. Они знали его как политического эмигранта, ставшего советским гражданином, в 1930-х жившего в Москве с женой и дочерью, наконец, воевавшего в Советской армии в годы Второй мировой. Они знали его как “настоящего венгра”, не еврея, что, похоже, имело для них большое значение. Они знали, что Надь, специалист по сельскому хозяйству с “правоуклонистскими” воззрениями, не одобрял быстрых темпов коллективизации в СССР в 1930-х и в Венгрии в 1940-х годах. Им было известно, что он всегда выступал за неспешный переход к консолидации власти и строительству социалистического, а затем коммунистического общества и призывал к сотрудничеству с некоммунистами, если того требовали общие цели. Учитывая его обширные донесения советской тайной полиции, некоторые из членов советского руководства, в частности Маленков и Берия, принимавшие наиболее активное участие в привед-

* Согласно бытовавшей в начале 1990-х годов мелодраматической истории, Имре Надь в июле 1918 года был в Екатеринбурге и служил в красноармейском полку, расстрелявшем последнего русского царя Николая II. Эта история получила распространение благодаря бестселлеру Эдварда Радзинского “Николай II: жизнь и смерть”. Радзинский пишет: “Итак, команда [для расстрела царя] в сборе. Шесть «латышей из ЧК» (кто те неизвестные двое, которые отказались — все-таки отказались!), среди тех, кто не отказался, по легенде, был Имре Надь — будущий лидер венгерской революции 1956 года. Во всяком случае, гибель Надя (бессудно расстрелян советскими войсками, ворвавшимися в Будапешт) очень подходит к нашей истории: мистические совпадения, мистические отщепенцы...”. Обратите внимание на то, как автор идентифицирует свой источник — “согласно легенде” — и на фактическую ошибку в его рассказе относительно казни Надя. Как известно, Надь был казнен после тайного венгерского суда в 1958 году, а не советскими войсками, вторгшимися в Будапешт в 1956-м. Мне представилась возможность спросить об этом Радзинского после выхода американского издания его книги, однако он не смог назвать мне источник. Тем не менее разнообразные «антикоммунистические» веб-сайты продолжают муссировать эту легенду, которая, судя по всему, происходит из дезинформационной кампании советского образца, призванной запятнать наследие Надя. В русле подобной же «советской» кампании следует толковать ряд публикаций, якобы основанных на материалах из архивов КГБ, например: П. Кузьмичев. Если не закрывать глаза // *Литературная Россия*, 20 декабря 1991 г., 22–23.

шем к возвышению Надя заседании в июне 1953 года, не могли не знать, что в период жизни в Москве Надь был осведомителем НКВД.

Хотя некоторые из советских правителей знали о прошлом Надя, они не могли предположить, что он собирается делать. Они ошибочно полагали, что преданность Надя Советскому Союзу заставит его отказаться от идеалистических устремлений, заключавшихся в желании “заставить социализм заработать”. Они и подумать не могли, что начатые Надем реформы поставят под угрозу само существование коммунистического государства с однопартийной системой. Они, вероятно, пренебрегли тем, что Надь, убежденный коммунист, был одновременно человеком очень упрямым и не склонным поддаваться давлению. Однажды, когда ему указали на то, что его взгляды отличаются от партийной линии, принятой Коммунистическим интернационалом (Коминтерном), он сказал, что не собирается “принимать строевую стойку” перед Интернационалом*. Ошибкой Надя после 1953 года, в свою очередь, была неспособность понять, что снижение влияния Маленкова и его курса в советской государственной иерархии привело к значительному сужению поля для реформ в Венгрии.

Сместив Надя в 1955 году, советское руководство не вполне оценило степень его популярности в Венгрии. Оно не ожидало, что отставка Надя уже в следующем году разожжет огонь антисоветского восстания. Поистине, как могли советские правители предвидеть, что во главе восстания встанет человек, политические взгляды которого сформировались в Советском Союзе, идеалист, оставшийся преданным делу коммунизма несмотря на страшные годы сталинских чисток и вернувшийся в Венгрию, чтобы помочь установлению просоветского строя?

В годы московской эмиграции, между двумя мировыми войнами, Надь был одним из тысяч проживавших в столице СССР

* Эту фразу о “строевой стойке” еще много лет поминали Надю, упрекая его в пренебрежении партийной дисциплиной. См. фундаментальное исследование Беннета Коврига, в котором рассматривается, в том числе, тема фракционерства в венгерской компартии: Bennett Kovrig. *Communism in Hungary: From Kun to Kádár* (Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 1979).

иностраннных коммунистов, с нетерпением готовившихся к возвращению домой. Они изучали экономические тенденции в западных странах, надеясь, что всемирная депрессия мобилизует промышленный пролетариат на борьбу с капитализмом. Они исследовали расстановку политических сил на международной арене, пытаясь предугадать, когда та или иная страна созреет для революции. Они обличали друг друга в правом или левом уклонизме или в измене делу Советского Союза. Дюла Хай, венгерский драматург, также оказавшийся в московском изгнании, позже так описывал эти эмигрантские круги: “Им [эмигрантам] было нечего делать, но они вели себя так, будто совершали большие дела. Они прилежно занимались тем, что именовали политикой, интриговали и рыли друг другу яму — они гарцевали, и выделявали курбеты, и ржали как престарелые строевые лошади у ворот живодерни”**.

В этой среде Надя не считали особенно умелым игроком. Он был серьезным, но не слишком оригинальным теоретиком, который считал, что переход к социализму должен быть постепенным, что этот процесс должен занять более продолжительное время. В частности, Надь косвенно поддерживал позицию Николая Бухарина о необходимости продлить концессии малым частным предпринимателям**. Преждевременный отказ от ленинской (и бухаринской) новой экономической политики, нэпа, в конце 1920-х представлялся ему ошибкой.

Первым местом работы Надя в Москве, учитывая его интерес к сельскому хозяйству, был Сельскохозяйственный институт Коминтерна. Надя приняли на работу 24 апреля 1930 года под его новым русским именем — Владимир Иосифович (Имре) Надь***. Инициалы имени и отчества Надя теперь совпадали с ленинскими (В. И.). Чуть позже, 4 сентября того же года Надь

* Julius Hay. *Born 1900: Memoirs* (La Salle, Ill.: Library Press, 1975), 218–219.

** См. интересную работу, в которой сравниваются Бухарин и Надь: Miklós Szabó. *A magyar Buharin* [Венгерский Бухарин]. Эта работа в самиздате, которая имела широкое хождение в Будапеште в 1988 году, должна была появиться в журнале *Századvég*, но так и не была издана. См. также: György Földes. *Buharin és Nagy Imre* [Бухарин и Имре Надь] // *Múltunk* 27, № 4 (1992): 15–25.

*** J.Rainer. *Nagy Imre*, 158.

поступил на службу в тайную полицию — Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ — 1923–1934), которое впоследствии несколько раз переименовывалось и сегодня известно под названием КГБ (1954–1991)*. Хотя он и подписал документ, в котором принимал на себя обязательства по отношению к ОГПУ**, по поводу его сотрудничества с этой организацией продолжают споры***. Существуют, однако, об-

---

* ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия (1917–1922) была упразднена в феврале 1922 года. При этом часть ее функций была передана судебным органам, часть — образованному в составе Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) РСФСР Государственному политическому управлению (ГПУ). В 1923 году создано Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при Совете народных комиссаров (СНК СССР). В 1934 году ОГПУ упразднено и создано Главное управление государственной безопасности (ГУГБ) в системе НКВД СССР. В феврале 1941 года на основе НКВД СССР появились Наркомат внутренних дел СССР (НКВД) и Наркомат государственной безопасности СССР (НКГБ). В июле того же года эти наркоматы были объединены в единый НКВД СССР, а в апреле 1943-го вновь разделены. В марте 1946 года НКВД СССР и НКГБ СССР переименованы соответственно в Министерство внутренних дел СССР (МВД) и Министерство государственной безопасности СССР (МГБ), которые в марте 1953 года были объединены в МВД СССР. В марте 1954 года образован союзно-республиканский Комитет безопасности (КГБ) при Совете министров СССР (с 5 июля 1978 года КГБ СССР). — *Прим. ред.*

** Копия этого документа (вербовочного письма) Надя хранится в моем личном архиве. См. о свидетельствах в пользу связей Надя с советскими органами госбезопасности: Rainer, *Nagy Imre*, 199–212. Выдающийся исследователь Райнер высказывает сомнения в подлинности нескольких документов, обнаруженных в Москве в 1989 году. Он убедительно показывает, что они служили цели очернения Надя и дискредитации венгерских диссидентов и политиков, боровшихся в то время за реабилитацию Надя и героев революции 1956-го. Тем не менее Райнер признает, что Надь действительно сотрудничал с советской тайной полицией. См. там же комментарий Грэнвилль, в котором все найденные документы признаются подлинными, и ее более позднюю работу: J.C. Granville. *The First Domino: International Decision Making During the Hungarian Crisis of 1956* (College Station: Texas A&M University Press, 2003), 23–24.

*** Примечательно, что конспиративным именем Надя было имя Володя, то есть уменьшительное от его нового русского имени Владимир. Учитывая, что некоторые люди теперь знали Надя как Владимира, выбор его конспиративного имени не говорит о богатстве воображения советской тайной полиции.

ширные документальные свидетельства того, что в 1933 году Надь стал активным осведомителем НКВД*. К примеру, когда пять лет спустя, 4 марта 1938 года Надь был по ошибке аресто-

---

* Мой взгляд на связи Надя с НКВД, история которых все еще вызывает ожесточенные споры в Венгрии, состоит в том, что он был активным осведомителем, однако размах его деятельности и последствия его доносов неизвестны. Мое мнение основывается на: (1) одиннадцати находящихся в моем распоряжении донесениях Надя НКВД, пять из них рукописных; (2) пяти дополнительных рукописных донесениях Надя, идентифицированных Райнером (Nagy Imre, 202), которые я бегло просмотрел в Москве (описание моих встреч в архиве российской внешней разведки см. в работе: Charles Gati. *New Russia, Old Lies*. // *New York Times* [op-ed], July 11, 1992); и (3) трех документах, переведенных на английский Грэнвилль для издания Cold War International History Project Bulletin, выпуск 5 (весна 1995). Все попавшие ко мне в руки документы я передал в Институт изучения венгерской революции 1956 года в Будапеште.

Хотя я признаю, что свидетельства сотрудничества Надя с НКВД убедительны, я подчеркнуто не разделяю ряд преувеличенных обвинений в его адрес: (1) Шестнадцатого июня 1989 года Владимир Крючков, председатель КГБ, представляя материалы “Володи” из архивов своего ведомства Горбачеву, стремился показать, будто осведомительская деятельность Имре Надя была столь масштабна, что в тридцатых — начале сороковых годов повлекла за собой ссылку, арест и казнь десятков, если не сотен его товарищей. Невозможно поверить, что в подобных случаях НКВД действовал исключительно на основе донесений второстепенного осведомителя, к тому же иностранца. (2) Бывший чин КГБ Павел Судоплатов утверждает, что Надь был “полноценным [советским] агентом”. На мой вопрос, адресованный Судоплатову и его сыну и переданный им Джерольдом Шектером в 2004 году, не было получено доказательств в поддержку этого утверждения. См.: Pavel Sudoplatov and Anatoli Sudoplatov, with Jerrold and Leona Schecter. *Special Tasks: The Memoirs of an Unwanted Witness—A Soviet Spymaster* (Boston: Little, Brown, 1994), 452. (3) После Второй мировой войны и смерти Сталина трое руководителей венгерской компартии — Матиаш Ракоши, Янош Кадар и Карой Грос — никогда не упускали возможности помянуть широкие связи Надя с советской тайной полицией и, в частности, с Берией. Даже в 1985 году — больше чем через двадцать семь лет после казни Надя! — Кадар на встрече с Горбачевым вновь поднял вопрос о связях Надя с Берией. Вот как важна в венгерской политике история! (Информация предоставлена автору Валерием Мусатовым в нескольких интервью в 1991–1996 гг. Мусатов присутствовал на встречах Кадара с Горбачевым в качестве лица, ответственного в аппарате ЦК КПСС за отношения в Венгрии.) См. также Valerij Muszatov. *Kádár János és M. Sz. Gorbacsov találkozója Moszkvában, 1985, szeptember 25-én* [Встреча Яноша Кадара и М. С. Горбачева в Москве 25 сентября 1985 года]. // *Történelmi*

ван, капитан НКВД, осведомленный о статусе Надя, немедленно потребовал его освобождения, сообщив в служебной записке: «Володя» был завербован 17 января 1933 года и с тех пор предоставил немало ценных сведений об антисоветской деятельности ряда лиц из среды венгерских эмигрантов». В последующем отчете тот же капитан НКВД писал: «После того как мы потребовали сообщить, почему [на основании каких донесений] «Володя» был арестован, его освободили 8 марта сего года [через четыре дня после ареста]»*.

В сохранившихся донесениях Надя советской тайной полиции, в которых он обвиняет своих коллег-эмигрантов, обращают на себя внимание три списка людей, занимавшихся «антисоветской» деятельностью. Первый из них датирован 1936 годом (без указания месяца и числа), второй и третий — 20 апреля 1939 и 15 июня 1940 года соответственно. В совокупности в трех списках содержатся имена 203 политических эмигрантов, на которых Надя донес властям, — многие из них были венгерскими изгнанниками, и десятки из этих людей стали жертвами захлестнувшей Советский Союз волны репрессий**. Сохранилось еще одно рукописное донесение, от 30 июня 1938 года, в котором Надя жалуется на то, что за ним следят несмотря на его со-

---

Szemle, No. 1–2, 1992, 133–149. Несмотря на отсутствие прямых доказательств связей Надя с Берией, можно усмотреть сходство между идеями и карьерой Маленкова и идеями и карьерой Надя. Так, мы приходим к более правдоподобному, пусть и менее сенсационному заключению, а именно что в течение ряда лет Надю покровительствовали несколько ведомств и высокопоставленных лиц в Москве, занимавшихся кадровой политикой и вопросами безопасности.

* У меня имеется копия этого документа от 10 марта 1938 года. Я получил ее в Будапеште в ноябре 2004 года от Дюлы Тюрмера, высокопоставленного чиновника в венгерском ЦК, который в июне 1989 года возглавлял небольшую делегацию, приезжавшую в Москву для получения этого и других документов от КГБ. См. прим. * на с. 49.

** См.: J. Rainer. *Nagy Imre*, 202–212. В 1992 году, во время посещения архива российской внешней разведки, я очень бегло просмотрел эти три отчета и датированную 1940-м годом автобиографию Надя, однако мне не позволили делать выписки или копировать документы. Занимавшийся мной «архивариус» угрожал мне револьвером, если я не перестану требовать дополнительной информации. Описание этой отвратительной сцены см. в моей статье в «Нью-Йорк таймс», цитируемой выше, прим. * на с. 49.

трудничество с органами*. Наконец, сохранилась двенадцатистраничная рукописная автобиография Надя, в которой он упоминает многих венгерских друзей, товарищей и родственников, а также коллег и соседей в Советском Союзе, которых он называл и ранее. Следует также отметить, что в 1941 году, добровольно вступив в ряды сражавшейся с нацистской Германией Красной армии, он был зачислен на службу в спецподразделение НКВД.

Есть несколько возможных причин, толкнувших Надя на сотрудничество с ОГПУ в 1930 году и с НКВД — тремя годами позднее. В 1930-м дело, вероятно, заключалось в условиях приема на работу. Хотя издания Сельскохозяйственного института не имели грифа секретности, его сотрудники, в особенности проживавшие в Москве иностранные коммунисты, должны были зарекомендовать себя как надежные партийные кадры. Сотрудничество с полицией было одной из возможностей доказать свою благонадежность. Еще одна причина сотрудничества с органами могла заключаться в том, что Надя таким образом хотел показать свою преданность «родине социализма» или, что более вероятно, защититься от политических врагов в венгерской компартии, считавших изменнической его склонность к постепенным реформам и пробухаринскую ориентацию. Согласившись на сотрудничество с органами, Надя доказал свою благонадежность советским товарищам и получил некие — действительные или воображаемые — рычаги воздействия на венгерских эмигрантов-радикалов, которые относились к нему свысока или даже обвиняли его в антикоммунистических грехах. Не исключено, что в собственных глазах он извинял сотрудничество с тайной полицией необходимостью пережить сталинский «вираж», дабы однажды принять участие в восстановлении подлинных, то есть ленинских и бухаринских, принципов большевизма**.

---

* Там же.

** В проницательной работе, написанной еще до открытия архивов, покойный Миклош Сабо (см. прим. ** на с. 47) первым высказал мысль, что Имре Надя, вероятно, был более расчетливым и оппортунистичным, чем принято считать. Согласно Сабо Надя, соглашаясь с принципами марксистского детерминизма, мог думать, что сталинизм не вечен и что в конце концов в коммунистическом движении возобладают «ленинские нормы» и бухаринско-надевские идеи постепенного перехода к социализму.

Но каковы бы ни были его первоначальные мотивы, во второй половине 1930-х годов у Надя появилась еще более очевидная причина продолжать работу осведомителем, а именно страх ареста, пыток и казни. В период Большого террора в стране исчезли и погибли миллионы людей, включая ближайших сподвижников Ленина, таких как Бухарин, и Надя, конечно, знал, что его тоже могут арестовать и уничтожить. Ареста страшились все члены эмигрантской общины; некоторые из них, как Ласло Рудаш, философ, которого дважды арестовывали и выпускали на свободу, держали наготове собранный чемодан — “на всякий случай”*. В сознании этих москвичей любопытным образом совмещались постоянная тревога и безграничный идеализм. Убеждения приковывали их к страшной действительности, так как они свято верили в светлое будущее коммунизма.

Сталинские чистки имели ужасающие последствия для венгерской компартии. К 1940 году в Москве осталось в живых менее пятидесяти преданных партийцев (в самой Венгрии в это время проживало не более двухсот партийных активистов). В конце года, когда после шестнадцати лет в венгерских тюрьмах в Москву прибыл и возглавил венгерскую компартию Матъяш Ракоши, он обнаружил, что для осуществления честолюбивых замыслов по обустройству послевоенной Венгрии ему не хватает людей**. Большинство из проживавших в Москве венгерских коммунистов были интеллектуалами, например фило-

* Интервью с дочерью Рудаша М. Молнар в Будапеште летом 1998 года. Как-то в середине 1937-го, во время прогулки по Москве Бела Кун, прославленный вождь Венгерской коммуны 1919 года, встретил Енё (Евгения) Варгу, советского экономиста венгерских корней. Кун осведомился, как поживает Варга. “Пока еще на свободе”, — язвительно ответствовал Варга, пытаясь обратить их положение в шутку. Чуть позже Кун сказал сопровождавшей его жене: “Подумать только, даже такой интеллигентный человек, как Варга, говорит такие глупости!”. Через несколько дней после этой встречи Куна уже допрашивали в Коминтерне и НКВД; его расстреляли в ноябре 1939-го. Неудивительно, принимая во внимание психологию этой “коммунистической мафии”, что Варга, друг Куна с 1919 года, был среди тех, кто предал его в 1937-м. См. об этом работу Беннета Коврига, основывающегося в этом рассказе на воспоминаниях госпожи Кун: Bennett Kovrig. *Communism in Hungary*, 128.

** Mátyás Rákosi. *Visszaemlékezések 1940–1956* [Воспоминания, 1940–1956], 2 vols. (Budapest: Napvilág, 1997), vol. 1.

софы-марксисты Дьёрдь Лукач и Ласло Рудаш — люди, которые могли оказаться полезны при написании программных документов, но не годились для практических мероприятий. Настолько обескровленной была венгерская компартия, что Коминтерн перевел этнического венгра из Словакии Михая Фаркаша, предположительно талантливого организатора, из чехословацкой компартии в венгерскую. Определенным практическим опытом обладали и несколько других московских венгров: Герё, Ференц Мюнних и Шандор Ногради — все трое были ветеранами Гражданской войны в Испании и агентами Коминтерна или НКВД. При всей их малочисленности эти профессиональные революционеры были готовы сражаться и отдать жизнь за Советский Союз. Все они мечтали вернуться на родину и строить новую, послевоенную Венгрию.

Впрочем, когда в ноябре и декабре 1944 года в Москве формировалось послевоенное венгерское правительство, московские венгры были практически отстранены от участия в этом процессе; с США и Великобританией советское правительство не стало совещаться вовсе*. Выполнявший приказы Стали-

* Все же в определенной степени советская внешняя политика следовала так называемой процентной сделке между СССР и Великобританией, достигнутой в Москве 9–11 октября 1944 года. “Сделка” предусматривала разделение советской и британской сфер влияния в пяти странах после окончания Второй мировой войны: Греции, Румынии, Болгарии, Югославии и Венгрии. В конечном итоге советское влияние в Греции было установлено на уровне 10 процентов, в Румынии — 90 процентов, в Болгарии — 80, в Югославии — 50, в Венгрии — 80 процентов. Ни британцы, которых представляли премьер-министр Уинстон Черчилль и министр иностранных дел Энтони Иден, ни русские в лице Сталина и Молотова не определили значение термина “влияние”, и поэтому истинный смысл этой противоречивой и по сути циничной “сделки” так и не был прояснен. Из-за позиции Молотова достигнутое на переговорах 11 октября между Молотовым и Иденом соглашение в отношении Венгрии существенно отличалось от первоначального соглашения между Сталиным и Черчиллем 9 октября. В соответствии с договоренностью между Сталиным и Черчиллем советское влияние в Венгрии не должно было превышать 50 процентов. Впоследствии несколько “пакетных предложений” Молотова предполагали изменение баланса в Венгрии до 75 процентов в пользу СССР, и Иден, бившийся за сохранение британского влияния на Балканах, принял это предложение Молотова. В конце концов британцы, похоже, согласились на 80 процентов “советского влияния” в Венгрии. Более

на Молотов стремился создать новое венгерское правительство на основе широкой коалиции, в которую вошли бы некоммунистические политики и в особенности военачальники, служившие распадающемуся авторитарному режиму Миклоша Хорти — регента Венгрии в межвоенный период. Созная, что в настоящее время коммунистическое правительство не сможет эффективно управлять Венгрией или способствовать разгрому германской армии, Молотов прямо заявил делегации, которую Хорти послал в советскую столицу для обсуждения условий капитуляции, каким Москва видит временное правительство Венгрии: “Необходимо, чтобы создаваемое правительство было демократическим, в нем должны участвовать все партии. *Московские венгры* также могут оказаться полезными, однако наиболее подходящими следует признать кандидатуры людей, которые пользуются уважением в Венгрии. Евреев необходимо исключить”*. (Курсив мой. — Ч. Г.)

Пост премьер-министра во вновь сформированном временном правительстве получил генерал Бела Миклош, союзник Хорти. Ракоши не вернулся домой — Кремль приказал ему оставаться в

подробный анализ см.: Charles Gati. *Hungary and the Soviet Bloc*, 28–33. Копия соглашения хранится в архиве Черчилля в Лондоне: Churchill’s file, Public Records Office in London (PREM 3/66/7, PRO). Протокольную запись встреч 10 и 11 октября см.: Record of Meeting at the Kremlin, Moscow on 10th of October, 1944, at 7 p.m. (PREM 3/43/2) и Record of the Meeting at the Kremlin on 11th October, 1944, at 3 p.m. (PREM 3/434/2). См. также: John Lukacs. *The Night Stalin and Churchill divided Europe*. // *New York Times Magazine*, October 5, 1969, 36–50; и Vojtech Mastny. *Russia’s Road to the Cold War* (New York: Columbia University Press, 1979), 208–212.

* Молотов говорил “московские венгры”, “лица в Москве”, “венгры, проживающие на советской территории”, а не “коммунисты” или “москвичи”. Он не хотел отпугивать антикоммунистически настроенных эмиссаров Хорти. Он надеялся, что венгерское командование мобилизует армию против Гитлера, тем самым придав законность новому послевоенному порядку. (Примечательно, что в то самое время когда Молотов, фактический заместитель Сталина, настаивал на исключении евреев из правительства, его собственная жена, еврейка по рождению, находилась в ГУЛАГе по приказу диктатора). См. высказывание Молотова в работе: Péter Gosztonyi. *Az Ideiglenes Nemzeti Kormány megalakulásának elotörténetéhez* [К истории учреждения Временного национального правительства]. // *Uj Látóhatár* 15, № 3 (August 1972): 228–229.

Москве, так как его пребывание в Венгрии могло посеять страх среди соотечественников. Герё, Реваи, Фаркашу и Золтану Вашу позволили вернуться, однако Москва не согласилась ввести их в состав правительства. Коммунисты пока еще скрывали свое истинное лицо. В одной из секретных директив, адресованных возвращавшимся на родину партийным кадрам, говорилось, что “руководители партии не должны выставляться: всегда, когда это представляется возможным, целей партии следует достигать посредством других людей, зачастую посредством другой партии”. Эта хитрая тактика оказалась необычайно действенной. Даже хорошо осведомленный и обычно скептически настроенный лондонский журнал “Экономист” 30 декабря 1944 года уверял читателей, что состав новой венгерской коалиции соответствует “обещанию господина Молотова” о том, что Москва не станет пытаться влиять на “внутреннее устройство” стран, находящихся под ее “временным контролем”. Вот как далеко простиралась тогда политическая наивность на Западе.

Что касается Нады, Кремль дал ему в новом правительстве портфель министра сельского хозяйства и ввел в состав политбюро компартии по тем же трем причинам, по каким позже, в 1953 году, Москва назначила его председателем Совета министров. Во-первых, Надь как никто другой мог способствовать политике постепенных реформ в Венгрии, к которой тогда благоволил Кремль и которая была призвана скрыть истинные цели диктатуры пролетариата. Во-вторых, учитывая его связь с НКВД и его прошлое, советские правители считали его преданным и надежным партийцем. И, в-третьих, он не был евреем*. В глазах немногих знавших его людей Надь представлялся

---

* В ноябре 1944 года, когда Ракоши был в Москве, а Золтан Ваш уже вернулся в Венгрию, Ракоши сообщил Вашу в письме, что тому не следует рассчитывать на членство в высшем партийном руководстве, так как на выдвижение намерен “христианин Имре Надь”. Ср. Charles Gati. *A Note on Communists and the Jewish Question*, chap. 4 in *Hungary and the Soviet Bloc*, 100–107. Подробнее об этом см.: István Deák. *Jews and Communism: The Hungarian Case*, в *Dark Times, Dire Decisions: Jews and Communism*, ed. Jonathan Frankel, Studies in Contemporary Jewry: An Annual, Avraham Harman Institute of Contemporary Jewry and Hebrew University of Jerusalem (Oxford: Oxford University Press, 2004), 38–61.

странной фигурой — относительно умеренный коммунист и одновременно осведомитель вселяющего ужас НКВД. Притом что Москва стремилась умалить связи “московских венгров” с Советским Союзом, кандидатура Надя была удачной еще и потому, что его едва ли знали на родине.

4

Несмотря на оккупацию Венгрии Красной армией, Кремль в течение ряда лет отрицал возможность формальной передачи власти коммунистам. Возражая некоторым воинственным “местным” коммунистам — тем, кто провел годы войны в Венгрии и теперь рвался немедленно провозгласить “диктатуру пролетариата”, — Герё говорил: “Некоторые коммунисты считают, что главная задача сегодняшнего дня в Венгрии — построение социализма. Но венгерская коммунистическая партия придерживается иного мнения. Неверно было бы начинать строительство социализма на пепелище поражения в войне”*. Реваи провозглашал: “Я заявляю, что мы не рассматриваем национальное сотрудничество [нескольких политических партий] как переходящую политическую коалицию, как тактический шахматный ход — для нас это долговременный союз”**. Он объяснял линию партии, ссылаясь на международное положение: “Англия и Америка не признают коммунистическое правительство. Те, кто хотят [немедленного] провозглашения социализма и диктатуры пролетариата, усложняют проведение антигерманской политики”***.

Разработанная Сталиным для Венгрии коалиционная тактика не принесла ожидаемых плодов. На состоявшихся в ноябре 1945 года свободных выборах антикоммунистическая партия мелких хозяев одержала убедительную победу (57 процентов голосов) над социал-демократами (17,4 процента) и коммунистами (17 процентов), и стало ясно, что “приручить” ее не удастся.

* Цит по: Kovrig. *Communism in Hungary*, 157.

** *Délmagyarország* (Сегед), 5 декабря 1944 г.

*** Mihály Korom. *Magyarország ideiglenes nemzeti kormánya és a fegyverszünet (1944–1945)* [Временное национальное правительство Венгрии и перемирие (1944–1945)] (Budapest, 1981), 286.

На Западе “умеренная” политика Сталина также не имела успеха. Уже в середине 1946 года, в подготовленном для президента Гарри Трумэна сверхсекретном донесении американской разведки Венгрии (и даже Чехословакию) приравнивали к другим новым советским доминионам в Восточной Европе*. Вашингтон не особенно интересовали детали — различия между советскими сателлитами представлялись слишком тонкими, чтобы придавать им значение. Времена антигерманского союзничества уходили, надвигалась холодная война. В конце 1946 года Сталин учредил Коминформ — Информационное бюро коммунистических и рабочих партий — меньшую разновидность Коминтерна, и на этом формально закончился краткий послевоенный период “парламентских пируэтов”. Вскоре почил в бозе и политика “народных фронтов”, инициированная в 1935 году и избирательно применявшаяся Советами в годы Второй мировой войны.

Сорок пятый год оказался для Имре Надя очень удачным, возможно, самым удачным до его вступления в должность премьера в 1953-м. В иерархии политбюро он следовал за московской “четверкой” — Ракоши, Герё, Фаркашем и Реваи, но чаще всего перед такими “местными” коммунистами, как Ласло Райк и Янош Кадар. В должности министра сельского хозяйства, которую он занимал в тогда еще коалиционном венгерском правительстве, Надя сумел воплотить мечту своей жизни: согласно Акту о земельной реформе 1945 года экспроприации, а затем распределению подлежали все частные земельные владения площадью больше 1000 *холд* или 1420 акров (один акр — примерно 0,4 га). В известном смысле это был действительно революционный шаг. Впервые в истории миллионы безземель-

* См.: Central Intelligence Group, Office of Research and Evaluation, ORE 1, “Soviet Foreign and Military Policy,” July 23, 1946, *The CIA Under Harry Truman*, ed. Michael Warner (Washington, D.C.: History Staff, Center for the Study of Intelligence, Central Intelligence Agency, 1994), 75–85. Заметно упрощая историю, авторы отчета центральной группы разведки (CIG) утверждали, что коммунисты пришли к власти в Венгрии “таким же образом”, как в “Польше, Румынии и Болгарии”. На самом деле, советизация Центральной и Восточной Европы проходила дифференцированно. Будущее Чехословакии оставалось нерешенным до начала 1948-го, а Венгрии — до 1947 года. См.: Charles Gati. *Hungary and the Soviet Bloc*, Part One. *Communists in Coalition, 1944–1948*, 13–123.

ных венгерских крестьян получили возможность владеть землей. Однако насильственная коллективизация начала 1950-х — политика, которой он глухо противостоял, а потом вынужден был претворять в жизнь, — положила этому конец. Все же в 1945-м Надь с большой готовностью воспринял кремлевскую линию на сотрудничество с некоммунистами. Представляется, что он с меньшим пылом, чем его коллеги, участвовал в борьбе за власть и сопутствовавших ей грязных интригах. Он и в другом отличался от своих товарищей по политбюро. Так, он не возражал против романа, а впоследствии брака своей дочери с протестантским священником, а в 1946 году, не спросив согласия у политбюро, даже присутствовал на ее венчании в церкви*.

“Московская четверка”, которая испытывала к нему личную неприязнь и пренебрежительно относилась к его профессиональной деятельности, всячески стремилась дискредитировать Надя в глазах Кремля. После того как осенью 1945 года Надь сообщил советским властям, что незаконные действия Красной армии в Венгрии препятствуют укреплению позиций венгерской компартии, Ракоши пришел в ярость. Он информировал Москву о том, что Надь оскорбил советские власти в Будапеште, потребовав, чтобы те вернули захваченные продовольственные запасы. Ракоши настаивал, что Надю следует объявить выговор**. Учитывая, что Ракоши мог бы решить это дело в Будапеште, его жалоба в Москву звучала несколько странно. Почему в случае Надя он решил обратиться к Кремлю?

Правда состояла в том, что, хотя у Надя не было друзей и союзников в венгерской компартии, за ним стояли высокие покровители в Москве.

* Я беседовал о жизни Надя с Эржебет Веси, дочерью Надя, во время нескольких наших встреч в начале и в конце 1990-х годов. Об этом конкретном эпизоде она поведала мне 11 июля 1991 г.

** См.: Rákosi Mátyás 1945. szept. 3-i jelentése Dimitrovnak [Отчет Матяша Ракоши Димитрову 3 сентября 1945 г.]. // *Múltunk*, № 2–3 (1991), 287. Димитров, бывший глава Коминтерна, пока еще находился в Москве; Кремль не спешил возвращать его в родную Болгарию, где некоммунистические силы оценили бы его присутствие как признак неминуемой советизации страны. Об отношениях Димитрова со Сталиным см.: Alexander Dallin, Fridrikh Igorevich Firsov, and Vadim A. Staklo, eds. *Dimitrov and Stalin, 1934–1943: Letters from the Soviet Archives*, Annals of Communism Series (New Haven, Conn.: Yale University Press, 2000).

Для того чтобы подорвать доверие к Надю в Кремле, Ракоши писал в Москву, что Надь не только оскорбил Красную армию, но и вступил в сговор с работавшими в его министерстве “хортистскими бюрократами” и пренебрегал партийной работой. Не указывая на это прямо, Ракоши испрашивал санкцию на вынесение Надю партийного выговора. Значение имело и то, что письмо было адресовано бывшему главе Коминтерна Георгию Димитрову. После войны Димитров играл ключевую роль при подборе коммунистических вождей в Центральной и Восточной Европе и по-прежнему оставался влиятельным лицом, непосредственно связанным с секретарем ЦК партии Георгием Маленковым, который в сталинском аппарате отвечал за кадровую политику в целом и за подбор венгерских кадров в частности*. Хотя невозможно утверждать достоверно, что именно Ракоши было известно об особых связях между Димитровым или Маленковым и Надем, возникших в годы работы Надя на “органы”**, Ракоши точно знал, что именно Кремль способствовал его возвращению из относительной неизвестности, назначив в конце 1944 года членом венгерского политбюро и министром сельского хозяйства. Похоже, именно поэтому Ракоши написал Димитрову и выждал семь дней, прежде чем наложить на Надя взыскание. Затем, вероятно, почувствовав или точно установив, как далеко простирается поддержка Надя со стороны Димитрова или Маленкова, Ракоши решил

* Согласно Миклошу Куну, известному венгерскому историку и внуку Бели Куна, обладающему превосходным доступом к российским архивам, «до 1946 года кадровые вопросы, относящиеся к Венгрии, решались в основном Георгием Маленковым». См.: Lajos Izsák and Miklós Kun, ред. *Moszkvának jelentjük — Titkos dokumentumok 1944–1948* [Донесения в Москву — секретные документы 1944–1948] (Budapest: Századvég, 1994), 288. Миклош Кун отмечает также, что примерно в это же время Кремль вверил Финляндию и Эстонию Андрею Жданову, Литву — Михаилу Сулову, а Румынию — Андрею Вышинскому.

** Согласно документу неустановленной подлинности от июня 1941 года (без указания даты), Маленков получал материалы о Наде от Всеволода Меркулова, заместителя начальника НКВД при Берии. В то время Маленков заведовал отделом ЦК и занимался кадровыми вопросами. Неизвестно, почему Маленкову или кому-либо из его отдела потребовались сведения о Наде из НКВД. Даже если предположить, что документ 1941 года подлинный, само по себе это не доказывает наличия *личных связей* Надя с Маленковым.

вынести ему порицание, не решаясь пока еще понизить или лишить его должности.

Для Ракоши, который ревностно охранял свои прерогативы и настаивал на роли единственного посредника между Кремлем и венгерским правительством, Надь служил источником постоянного раздражения. Ракоши бесило то, что прогноз Надя в отношении ноябрьских выборов 1945 года оказался точным, а его собственная оценка чересчур оптимистичной. К смятению Ракоши, маршал Климент Ворошилов, председатель Союзной контрольной комиссии в Будапеште, и его коллеги из России также предсказали убедительную победу партии мелких хозяев, тем самым поддержав мнение Надя. Бельмом на глазу Ракоши Надь оставался и после выборов. Во время борьбы за ключевые портфели в коалиционном правительстве Ракоши не удалось добиться согласия “мелких хозяев” на назначение министром внутренних дел непримиримого “местного” коммуниста Ласло Райка. Ракоши был ошеломлен, когда лично вмешавшийся в дело маршал Ворошилов “предложил” на этот пост более приемлемую кандидатуру Надя. “Мелкие хозяева” согласились на компромисс, и “человек Ворошилова” был назначен министром внутренних дел. Советские власти давали понять Ракоши, что Надь, его возможный соперник, по-прежнему находится в первых строках списка доверенных венгров.

На новой должности Надь делал все, что ожидалось от просоветского министра внутренних дел*. Он не вмешивался в дела коммунистической политической полиции, развернувшей кампанию преследования “коллораборационистов” (так называли людей, сотрудничавших с нацистами во время Второй мировой войны) и “реакционеров” (тех, кто желал установления в Венгрии авторитарного режима по образцу Хорти или склонялся к западной демократии). По основному вопросу, стоявшему на повестке МВД во время его краткосрочного, пятимесячного пребывания в должности, Надь также во всем следовал партийной линии. Речь шла о коллективной депортации (сегодня это

* Согласно рассказам его дочери, Надю не нравилась работа министра внутренних дел. В конце сороковых, после того как она сказала отцу, что ей надоело работать в Институте культурных связей и ей хочется, чтобы ее перевели в МВД, он ответил кратко, почти грубо: «Даже не думай». См. прим. * на с. 58.

назвали бы этнической чисткой) всех венгров немецкого происхождения — около 450 000 человек — в Германию. Решение принадлежало не Надю и не венгерскому правительству. Его вынесли победившие союзники на Потсдамской встрече в 1945 году, однако Надю и его министерству предстояло подвести под эту программу нормативную и процедурную базу. В одной из подготовленных в министерстве докладных записок приводились веские аргументы против массового изгнания по этническому признаку — последнее уподоблялось плану депортации венгров еврейского происхождения в 1944 году. Но Надь, послушный воле компартии, не высказался против решения о депортации. Согласно подготовленным министерством предписаниям немногие исключения делались только для лиц, участвовавших в малочисленном движении антинацистского сопротивления в Венгрии*.

Тем не менее ничто не могло оправдать Надя в глазах Ракоши. В марте 1946 года генеральному секретарю удалось заменить Надя на Райка, давнего кандидата Ракоши на пост министра внутренних дел. На этот раз Ракоши объяснил Москве свои действия только задним числом. В лицемерно-сочувственном письме он сообщал, что, страдая заболеваниями сердца и печени, Надь не в силах справиться с нагрузкой в министерстве, ему необходим отдых. В письме, которое читается как полный сострадания и приязненных чувств отчет о состоянии Надя, Ракоши сообщает, что Надь не только останется членом политбюро, но и будет участвовать в принятии политических решений как член секретариата партии. Чуть дальше, словно поделившись запоздалой мыслью, Ракоши пишет о том, что “позже мы на-

* Против этнических чисток выступал писатель Иштван Бибо, начальник отдела государственного администрирования в министерстве Надя, не состоявший в компартии. Бибо был крупным правоведом и блестящим политологом. Он, если можно так выразиться, был венгерским Исайей Берлиным — человеком здравомыслящим, проникательным, прекрасно формулирующим свои мысли, вероятно, лучшим в истории Венгрии политическим аналитиком. Его наиболее значительные работы доступны в английском переводе: István Bibó. *Democracy, Revolution, Self-Determination (Selected Essays)*, ред. Károly Nagy (New York: Columbia University Press, 1991). Несмотря на разногласия с Надем по вопросу этнических чисток в 1945–1946 годах, Бибо вошел в кабинет Надя в последние дни революции 1956-го как представитель небольшой некоммунистической партии.

значим его послом в важном пограничном государстве”. Разумеется, как отмечал Янош Райнер, Надь, назначенный послом, перестал бы играть сколько-нибудь значимую роль на будапештской политической сцене*.

Был ли уход Надя связан с болезнью? Действительно, у него были нелады со здоровьем, однако состояние Надя вовсе не было таким плохим, каким его представлял — и желал бы видеть — Ракоши. Был ли он слишком слабым министром внутренних дел? Действительно, сельскохозяйственная политика занимала Надя гораздо больше вопросов государственного управления, однако и в МВД он верой и правдой служил делу коммунизма. Истинная причина того, почему весной 1946 года Ракоши удалось оттеснить Надя на обочину политической жизни, заключалась в мастерстве, с которым генсек извлек выгоду из подувших с Востока ледяных политических ветров. В знаменитой предвыборной речи 9 февраля 1946 года Сталин призывал к еще большим жертвам и говорил о недопустимости уступок врагам. Меньше чем через месяц Уинстон Черчилль произнес в Фултоне слова о разделившем Европу железном занавесе. Еще более неблагоприятными с точки зрения карьеры Надя обстоятельствами было восхождение в советской иерархии сторонника жестких мер Андрея Жданова и пошатнувшееся положение Маленкова. После того как Маленков, все еще состоявший членом политбюро, был переведен на работу в Сибирь, а затем в Среднюю Азию, надзор за венгерскими делами был поручен Жданову и его правой руке Михаилу Суслову. Ракоши, должно быть, ликовал. К середине 1946 года он уже адресовал свои письма Суслову, а не Маленкову (хотя в списке советских должностных лиц последний по-прежнему значился одним из получателей венгерской корреспонденции)**. Учитывая, что Маленков утратил влияние и теперь не мог оказывать Надю должную поддержку, а Жданова и Суслова не интересовала политическая судьба опального министра, Ракоши с легкостью переместил Надя на менее ответственную должность.

* Письмо Ракоши Режё Санто, отвечавшему за связь венгерской компартии с советскими правителями, от 22 марта 1946 г., цит. Райнером: Rainer. *Nagy Imre*, 318–319.

** См.: Izsák and Kun. *Moszkvának jelentjük*, 95–97, и в особенности заключительное эссе Куна на с. 283–293.

На протяжении нескольких последующих лет Надь продолжал занимать посты в венгерской государственной и партийной иерархии. За исключением полугодового перерыва в 1949–1951 годах он оставался членом политбюро партии. Он работал председателем парламента — Государственного собрания ВНР. После того как в 1947 году он разошелся во мнениях с вedomым Ракоши большинством в вопросах экономической политики, его направили в 1948 году преподавать экономику в Будапештский университет. В 1949 году он возражал против темпов насильственной коллективизации*, однако, после того как большинство отвергло его тактику постепенной коллективизации, он публично признал свои ошибки, как и велела ему партия. В 1952 году, назначенный министром по сбору продовольствия, он стал осуществлять ту самую политику, против которой выступал, реквизируя у крестьян сельскохозяйственную продукцию для нужд венгерского полицейского государства.

Надь и в других вопросах скрупулезно следовал линии партии. В 1947 году, когда обнаружилось, что группа антикоммунистически настроенных общественных деятелей и военачальников, называющая себя “Венгерское сообщество”, ведет дискуссии о будущем Венгрии, Надь был одним из первых, кто открыто осудил их “заговор” против государства. Он молчал во время чисток конца 1940-х — начала 1950-х годов, когда бес-

* Обращаясь к ЦК венгерской компартии в марте 1949 года, Ракоши уподобил позицию Надя взглядам Бухарина, что звучало зловеще, хотя и правдоподобно. После заседания Надь пространно ответил на эти обвинения. Ракоши переслал протокол заседания в Москву, где его несколько раз обсуждали на высоком уровне. См.: Rainer. *Nagy Imre*, 401–421. В сентябре, почти наверняка с одобрения Кремля, Надь лишился мандата члена политбюро венгерской компартии. Его стали называть «правым уклонистом», хотя и не напрямую. Отношения Надя с Ференцем Донатом, тогда главой секретариата Ракоши и яростным оппонентом Надя в вопросах сельского хозяйства, очень сложны и одновременно показательны для истории этой «коммунистической мафии». В 1951 году Доната, наряду с Яношем Кадаром и другими, подвергли репрессиям и приговорили к пятнадцати годам тюрьмы. В 1951 году Надь, тогда член политбюро, ни словом не вступился за Доната. Тем не менее Донат вышел на свободу именно во время первого премьерства Надя, в 1954 году. В 1956-м он стал политическим союзником Надя; а в 1958-м оказался на одной скамье подсудимых с Надем и его сподвижниками. Из-за той ссоры в 1949 году эти двое тем не менее так и не стали друзьями.

следно исчезали безвинные жертвы полицейского режима — от церковных деятелей до левых политиков, включая коммунистов, которых решали убрать Ракоши или Москва. В 1951–1952 годах Надь даже возглавлял Административный отдел ЦК, который контролировал, по крайней мере отчасти, некогда подведомственное Надю министерство внутренних дел и политическую полицию. Короче говоря, Надь, что бы ни делалось у него на душе, выступал воинственным сталинистом, сознающим, что партия не потерпит раскола в своих рядах. Он принимал принцип “демократического централизма”, подразумевавший, что после неких тайных совещаний вождей, решение большинства становилось обязательным для всех.

Пять лет, с зимы 1947–1948 года и до смерти Сталина в марте 1953-го, обернулись для венгров тоталитарным кошмаром. В экономической политике это время ознаменовалось национализацией промышленных предприятий и торговли, а также введением центрального планирования. К 1952 году экономика, находившаяся под бременем непомерных военных расходов и огромных вложений в тяжелую промышленность (это в стране, относительно бедной природными ресурсами), оказалась на грани банкротства. В поисках козлов отпущения за неудачи режима, тайная полиция преследовала, наряду с иными “врагами социализма”, не выполнявших производственную программу крестьян. Крестьянство, заявлял Ракоши, “необходимо вынудить принести еще большие жертвы во имя строительства социализма”.

Подражая сталинской политике насильственной коллективизации крестьян в тридцатых*, Ракоши приказал начать беспощадную борьбу с кулаками (крестьянами, которым принадлежало по крайней мере 25 *хольдов*, т.е. около 35 акров земли) и так называемыми крестьянами-середняками (владевшими от 10 до 25 *хольдов*). Однако насилие не привело к желаемым экономическим результатам. Вопреки или по причине политики угроз, устрашения и террора вкуче с непомерно высокими производственными нормами и удушавшей производство налоговой

* В следующих двух абзацах я пересказываю часть своей главы “From Liberation to Revolution, 1945–1956”, опубликованной в сборнике *A History of Hungary*, ed. Peter F. Sugar, Péter Hanák and Tibor Frank (Bloomington: Indiana University Press, 1994), 368–383.

системой, к началу 1950-х годов коллективные хозяйства в Венгрии занимали не более одной пятой орошаемых земель, а средний независимый крестьянин производил сельскохозяйственной продукции меньше, чем было необходимо его семье. Положение в колхозах было плачевным: государство оплачивало закупаемую продукцию по столь низким ценам, что к 1952 году средний доход состоявших в колхозах крестьянских семей упал до уровня 30,8 процента от показателя конца 1949 года.

В 1949 году правительство издало приказ о национализации заводов с численностью работников больше десяти человек; к следующему году перестали существовать практически все частные предприятия. Парикмахеры и водопроводчики, продавцы газет и психиатры — теперь все представители свободных профессий работали в государственных организациях или контролируемых государством кооперативах. С гордостью провозглашалась цель нового государства — превратить Венгрию в “страну железа и стали”. Утопичность тоталитарной экономической политики проявилась, в частности, в решении построить металлургический комбинат в недавно переименованном Сталинвароше (венгерском Сталинграде), однако партия не приняла во внимание, что в этой местности отсутствуют залежи железной руды и коксующегося угля. Ракоши утверждал, что “новый социалистический человек” преодолет все подобные сложности и преграды. В 1952–1953 годах венгерская экономика, сгибающаяся под тяжестью сумасбродных капиталовложений, непомерных военных расходов и централизованных, продиктованных политическими мотивами решений, оказалась на грани банкротства. Экономические преобразования венгерского тоталитаризма окончились полным провалом.

Одним из печально известных показательных процессов той поры стал суд над кардиналом Йожефом Миндсенти, который под пытками признался в организации “антигосударственного” заговора и был приговорен к пожизненному тюремному заключению. Кары не избежал и один из самых видных коммунистов — Ласло Райк, бывший министр внутренних дел, в 1946 году сменивший на этом посту Надя; его расстреляли в 1949-м. Тюремный срок получил и Янош Кадар, партийный деятель, который стал министром внутренних дел после Райка и вместе с садистом Михаем Фаркашем лично подвергал Райка, своего старого друга, чудовищным психологическим и физическим

пыткам*. Между 1949 и 1952 годом были арестованы и подвергнуты репрессиям сотни, если не тысячи преданных коммунистов: их обвиняли в шпионаже в пользу Югославии и США, руководстве “антинародными” заговорами, а также в содействии разгрому венгерской компартии в 1943 году. Однако число коммунистов и социалистов, пострадавших от террора, — двадцать восемь человек были расстреляны или погибли в тюрьме** — бледнеет по сравнению с общим числом заключенных в тюрьмы, депортированных и репрессированных людей, к которым, разумеется, относились антикоммунисты и беспартийные, пытавшиеся в 1945–1947 годах, в период коалиционной политики, сотрудничать с коммунистами. В период с 1950 по начало 1953 года суды рассмотрели 650 000 дел, при этом 387 000 человек, или 4 процента населения Венгрии, были признаны виновными***. Террор в Венгрии оказался более жестоким, чем в других примыкавших к советскому блоку странах Центральной и Восточной Европы****.

* См.: *Kádár János bírái előtt: Egyszer fent, egyszer lent 1949–1956* [Янош Кадар перед судьями: то вверх, то вниз 1949–1956], ed. László Varga (Budapest: Osiris, 2001), 157–170. Фрагменты на английском см.: *The Interrogation of László Rajk, 7 June 1949: The Transcript of the Secret Recording*, ed. Tibor Hajdú // *New Hungarian Quarterly*, Spring 1996, 87–99; см. также превосходное предисловие Хайду на с. 83–86.

** *Iratok az igazságszolgáltatás történetéhez* [Документы по истории отправления правосудия], 4 vols. (Budapest: Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó, 1993), vol. 1, 448.

*** См. отчет, подготовленный после развала коммунистической системы так называемой Комиссией по установлению фактов: *Törvénytelen szocializmus* [Беззаконный социализм] (Budapest: Zrínyi Kiadó / Új Magyarország, 1991), 154. Дополнительные факты см. также в четырехтомнике *Iratok az igazságszolgáltatás történetéhez*.

**** Цифры не способны передать ужас, пронизывавший повседневную жизнь в тоталитарной Венгрии. Поэтический язык приспособлен для этого лучше. Дюла Ийеш в стихотворении “Одна фраза о тирании” (оно было создано в 1950-м, но увидело свет только в дни революции 1956-го) писал, что тирания присутствовала “Не только в орудийном стволе, / Не только в тюремном застенке, / Не только в пыточных камерах, / Не только во мраке ночном, / Не только в криках конвоира”, но и принуждала знакомых избегать друг друга, друзей — никогда не говорить о политике, родителей — скрывать от детей свои убеждения. Тоталитарная эпоха в венгерской истории означала чудовищную пропасть между ненавистью к коммунистическому режиму и провозглашаемым единством партии и на-

Почему Надь избежал этой участи? Почему он не подвергся репрессиям? Его недолюбливали вожди партии — Ракоши, Герё, Реваи, Фаркаш и другие высокопоставленные чиновники. Он в известном смысле был одиночкой, аппаратчиком без сильных союзников в партийной иерархии. В вопросах сельскохозяйственной политики он придерживался мнений, шедших вразрез с генеральной линией партии. В эпоху сталинистской паранойи, когда партийная верхушка была охвачена стремлением выказать бдительность и очистить партию от врагов, Надь был очевидным кандидатом на роль отступника — процесс над ним мог бы показать, что Тито, злейший враг Сталина, не оставляет попыток свергнуть поствоенные коммунистические правительства. Однако, несмотря на то что Надь находился под пристальным наблюдением венгерской тайной полиции (полицейские отчеты из Будапешта регулярно направлялись базировавшемуся в Вене генералу Федору Белкину, который курировал советскую разведслужбу в Восточной Европе), имя Надя, похоже, ни разу не упоминалось во время сверхсекретных радиопереговоров между Ракоши и советскими властями в связи с грядущими арестами и показательными процессами*. Почему Ракоши даже не упоминал имя Надя? Вероятно, Надь, хотя его и понизили в должности, избежал репрессий по трем причинам. Во-первых, у него все еще сохранялись особые отношения с советскими властями. Во-вторых, Кремль предпочитал не обрушиваться на “московских” венгров. В-третьих, для возглавлявших венгерскую компартию сторонников жесткой линии Надь, учитывая его лояльность, был скорее раздражающим фактором, чем серьезным противником.

рода, между патологической тревогой простых людей и официозной эйфорией по поводу установления нового мирового порядка. Ийеш говорит: “Там, где тирания / Каждый — звено в цепи, / Тирания смердит и льется из тебя / Ты есть сама тирания”.

* См.: Rainer. *Nagy Imre*, 432. Однако согласно самому Надю, в 1949 году партийное руководство приказало шефу венгерской тайной полиции Габору Петеру подготовить материалы для его ареста. По словам Надя, Ракоши вызвал его и сообщил, что у него достаточно доказательств того, что Надь предоставил “теоретическое обоснование” титоистского заговора Райка. Ракоши позже признал факт самого разговора с Надем, но отрицал его рассказ о содержании беседы. См.: T. György Varga. *Nagy Imre politikai levelei 1954 dec. 14 — 1956 okt. 9* [Политические письма Имре Надя. 14 декабря 1954 — 9 октября 1956]. // *Új Fórum*, № 4, 1989, 11–39.

Действительно, хотя Надь расхотелся с политбюро в вопросах сельского хозяйства, он не настаивал на принятии своей точки зрения. Находясь под давлением, он отступил от своих взглядов и в должности министра по сбору продовольствия даже содействовал осуществлению партийной программы. По важнейшему в партийной повестке вопросу чисток он хранил молчание. Он присутствовал на заседаниях политбюро, когда обсуждался вопрос об аресте того или иного партийного деятеля, но ни разу не поднял голоса в защиту кого-либо из них. В апреле 1951 года, когда Ракоши проинформировал политбюро о “срочном аресте” большой группы коммунистов, включая Кадара, Геза Лошонци, Ференца Доната, Дюлы Каллаи и других, против этого решения не возражал никто, и Надь не был исключением. Более того, возглавляя Административный отдел ЦК, он играл важную роль в “партийном контроле” за деятельностью нескольких ключевых ведомств, включая министерства внутренних дел и обороны.

В 1951–1952 годах, когда вернувшегося в Москву из сибирской и среднеазиатской “ссылки” Маленкова готовили к роли возможного преемника Сталина, вверх пошла и карьера Надя. Он уже занимал должность заместителя председателя правительства, когда в ноябре 1952-го ему предложили выступить с основным докладом на торжествах по поводу тридцать пятой годовщины большевистской революции в России. Эта речь добавила Надю общественного веса и была своего рода символом его грядущего возвышения. Выступая на заседании в здании Будапештской оперы перед верными партийцами, Надь, не жалея слов, превозносил историческое значение Октябрьской революции и восхвалял “великого Сталина” и Матяша Ракоши, этого “лучшего венгерского ученика Сталина”, как его тогда называли”*

Краткая беседа, которая якобы состоялась тогда в здании Оперы между Надем и Габором Петером, начальником венгерской тайной полиции, незадолго до ареста последнего, может свидетельствовать о сохранявшихся связях Надя с высшим советским руководством. Согласно позднейшим воспоминаниям Петера, именно “Володя” сообщил ему, что в Москве только что арестован генерал Белкин, советский ку-

* *Szabad Nép*, 7 ноября 1952 г.

ратор Петера*. Откуда об этом мог знать Надь? Удивительно в этой беседе и то, что Петер знал прозвище Надя из тридцатых годов — “Володя”, и то, что Надь, очевидно, узнал об аресте Белкина раньше Ракоши и всего венгерского руководства. Следовательно, Петеру, шефу венгерской тайной полиции, было известно о работе Надя на НКВД, а сам Надь и в 1952 году сохранил старые связи и вполне мог получать советские политические новости до их публикации и даже до того, как они доходили до венгерской политической элиты, включая Петера. В свете вышеизложенного не выглядит слишком таинственным и то, что Кремль вскоре назначил Надя новым премьер-министром Венгрии.

5

На посту председателя правительства Венгрии, горячо любимой им родины, Надь стремился выполнить невозможное — сделать социализм успешно функционирующей системой. Его огромный, восходящий к тридцатым годам опыт работы и выживания в мире коммунистических интриг, несомненно, помогал ему, но не в этом состояло главное. Несмотря на то, что в разное время он занимал ответственные посты — министра сельского хозяйства, министра внутренних дел, министра по сбору продовольствия, главы Административного отдела ЦК, члена политбюро партии и, с 1952 года, заместителя председателя совета министров, — Надь так и не стал хитрым политиком. Он был умен, но не расчетлив. Он обладал сильным интеллектом, но не лукавством. Его навыки политической игры были довольно скромными, в особенности по сравнению с коварным Ракоши.

Учитывая вышесказанное, положение Надя было шатким с самого начала его пребывания на посту премьер-министра. Хотя он был способен вызвать восторженный отклик у *интеллек-*

* Благодаря Тибору Зиннеру, главному историку Верховного суда Венгрии, я получил копию рукописного признания Петера от 20 апреля 1953 года, в котором он рассказывает о своей встрече с Надем 6 ноября 1952-го. Этот документ опубликован в сборнике *Iratok az igazságszolgáltatás történetéhez* [Документы по истории отправления правосудия], vol. 3, 337–340.

туальной элиты страны, его влияние в высших эшелонах партии и даже правительства оставалось небольшим. Было не вполне понятно, сможет ли он стать действенным руководителем и мобилизовать *политическую* элиту Венгрии. Его честность и целеустремленность, его искреннее желание сделать жизнь лучше и готовность противостоять Ракоши и его клике сделали из него почти былинного героя — “доброего большевика” в стране с сильными антикоммунистическими настроениями, однако политическим тяжеловесом он не был. Верный идеалам коммунист, Надь хотел реформировать систему, но так и не сыграл роль жесткого, проницательного вождя, каким был Тито в Югославии или Гомулка в Польше. Как сказал на допросе Тибор Дери, известный писатель и сторонник Надя, заключенный в тюрьму после восстания 1956-го, Надь был “очень благородным, храбрым, бесстрашным человеком... но ненастоящим политиком”^{*}.

Согласно достигнутой в июне 1953 года в Москве договоренности, Надь возглавил венгерское правительство — после смерти Сталина пост председателя Совета министров считался самым важным в стране, однако Ракоши остался во главе Венгерской партии трудящихся (таково было официальное название компартии), и партийный аппарат поддерживал его, а не Надя. Тем временем Кремль, охваченный последовавшей за смертью Сталина партийной междоусобицей, посадил Надя на политические “русские горки” — советское политбюро чуть ли не еженедельно давало противоречивые указания, требуя от Надя то продолжения, то приостановки “нового курса”.

На заседании 27 июня 1953 года Центральный комитет венгерской компартии послушно одобрил продиктованные Москвой кадровые изменения. Ошеломленные члены ЦК и приглашенные гости молча выслушали предававшегося самокритике Ракоши^{**}, который признал свою ответственность за экономи-

^{*} Письменные показания на допросе 3 мая 1957 года. См.: Állambiztonsági Szolgálatok Történelmi Levéltára [Исторический архив органов государственной безопасности], а также архив Történelmi Hivatal [Исторического ведомства] и архив венгерского МВД [сокращенно АНМІА], V-150.393/6.

^{**} На встрече присутствовал Шандор Гаспар. Интервью автору 3 октября 1991 г.

ческие неудачи страны. Он даже частично взял на себя вину за репрессии и пообещал соблюдать “социалистическую законность”. Когда пришла его очередь говорить, Надь обвинил Ракоши в создании венгерского “полицейского государства” — термин, который ранее применялся только к фашистскому или нацистскому, но не к коммунистическому государству, — и призвал к проведению свободных дебатов в партии^{*}. В тайной резолюции ЦК осудил сталинистскую четверку — Ракоши, Герё, Фаркаша и Реваи — за то, что те привели Венгрию на грань катастрофы^{**}, но никто не поднял два, казалось бы, закономерных вопроса. Кто принял решение о назначении самого Надя? Если, согласно партийной резолюции, Ракоши и его приближенные действительно нанесли такой урон Венгрии, почему им было позволено сохранить все важнейшие посты в государстве за исключением одного? Должно быть, члены Центрального комитета заподозрили, но не стали обсуждать двусмысленность решения Москвы; назначив Надя премьером, Кремль одновременно ограничивал его власть, позволив старой гвардии сохранить основные посты.

Даже те члены ЦК, кто придерживался жесткой линии, признавали необходимость *каких-то* действий. Стачки и забастовки прошли недавно в Пльзени и других городах граничащей с Венгрией Чехословакии, а 15 июня 1953 года беспорядки вспыхнули в Восточном Берлине и других частях Восточной Германии (так называемой ГДР)^{***}. Надь полагал, как оказалось ошибочно, что, указывая на признаки растущей нестабильности в различных регионах советского блока, он сможет

^{*} Речь Надя была напечатана более чем через три десятилетия, в 1984 году в самиздатском журнале *Beszélo*. В 1992 году, после развала коммунизма, все выпуски этого информативного издания были опубликованы как *Beszélo Összkiadás, 1981–1989* [Полное издание *Beszélo*, 1981–1989] (Budapest: A-B Beszélo Kiadó, 1992). См. речь Надя 1953 года в т. 1, 628–641.

^{**} Sándor Balogh, ed. *Nehéz esztendőkrónikája 1949–1953: Dokumentumok* [Хроника тяжелых лет 1949–1953: документы] (Budapest: Gondolat, 1986), 496–510. См. длинные отрывки из резолюции венгерского ЦК в английском переводе: *1956 Revolution*, ed. Békés, Byrne, and Rainer, 24–33.

^{***} Ср.: Christian F. Ostermann, ed. *Uprising in East Germany 1953: The Cold War, the German Question, and the First Major Uprising behind the Iron Curtain* (Budapest: Central European University Press, 2001).

более эффективно проводить “новый курс”. Он предупреждал коллег по политбюро о “катастрофе”, которая может постигнуть страну без “глубоких преобразований... посредством «нового курса»”*. Однако его предостережения оказывали на сталинистов в политбюро прямо противоположное действие. Да, что-то нужно делать. Однако приводимые Надем факты убеждали их только в том, что его реформы зашли слишком далеко и что они могут привести к таким переменам в обществе, которые партия будет не в силах контролировать.

Так, разыгрывавшееся в Венгрии действие выходило за рамки обычной фракционной борьбы, присущей коммунистическому движению. В стране образовалось два институционализированных центра власти — уникальный случай в истории советского блока. Надя, возглавлявший правительственный аппарат в 1953–1955 годах, проводил преобразования сельского хозяйства и системы правосудия, опираясь в том числе на поддержку беспартийной общественности. Между тем Ракоши, по-прежнему руководивший партийным аппаратом, умело противодействовал начинаниям Нады, которые соответствовали указаниям Кремля и тогда еще не обнародованной резолюции венгерской компартии от 27 июня 1953 года.

Ракоши стремился донести до элиты, что ей не следует вступать в союз с Надем, потому что он, Ракоши, все еще руководит партией и со временем он полностью восстановит свою власть. По сути, почти сразу после назначения Нады Ракоши дал понять верным партийцам, что, несмотря на самокритику, сам он не одобряет программу Нады. Воспользовавшись арестом Берии 26 июня 1953 года (который почти совпал с принятием резолюции венгерской компартии от 27 июня), сознавая страх венгерской бюрократии перед потерей власти и намекая, что преобразования Нады дестабилизируют страну и поляризуют партию, Ракоши пытался склонить чашу весов в свою сторону**.

* Взгляды Нады и его оппонентов изложены в его эссе, см.: Imre Nagy. *On Communism*, в особенности гл. 5 (Significance of the June, 1953 Party Resolution and Its Effect on Our Party), 66–74.

** Анализ советско-венгерских отношений в означенный период см. в работе Крамера, где также рассматривается роль Берии: Kramer. *Early Post-Stalin Succession Struggle*. Еще задолго до того как Крамер получил доступ к важным архивным источникам, западные специалисты в области совет-

Уже через несколько дней, воодушевленный падением Берии, который был его самым суровым критиком в Москве, Ракоши выступил на собрании будапештского партактива, оспаривая планы Нады*. Внимая трансляции в радиозфире, страна могла слышать не только косную речь непримиримого Ракоши, но и ритмичные аплодисменты, сопровождавшие его неявные нападки на курс нового премьера. Ракоши заявил, что прошедшие испытание временем цели и программа партии не претерпят изменений и призвал к повышенной “бдительности” — словечко из сталинского лексикона — против тех, кого он считал внешними и внутренними врагами Венгрии. Подтвердив намерение партии перестать заносить в черные списки кулаков, он, после мастерски выдержанной паузы, пошутил: “Но кулак остается кулаком, в списке он или нет”. Последовал общий смех и аплодисменты**.

Надь парировал удар. Как содержание, так и тональность его выступления 4 июля — первой речи, произнесенной им в венгерском парламенте в качестве премьер-министра, — отличались от монотонной, празднично-пустой риторики, к которой уже привыкли люди в коммунистической Венгрии***. Он отметил пункты июньской резолюции, относящиеся к сельскому хозяйству и “социалистической законности”, но говорил и о новом — о необходимости проявлять терпимость к религиозным

ской политики часто поддавались соблазну “кремленологии”, то есть попыток анализировать слухи и отрывочные сведения о борьбе за власть в высшем советском руководстве. В данном контексте показателен случай с Берией. Дэниэл Белл пишет: “Ирония иногда оборачивается против надменного насмешника, как это произошло с “Нью-Йорк пост” [в середине июня 1953], когда [эта газета] высмеяла домыслы кремленологов, происходившие из факта, что на балете в Большом присутствовали все большевистские вожди, кроме Берии. “Может быть, Берия не любит балет”, — насмешливо замечала “Нью-Йорк пост”. Может, он и не любил балет, но мы этого уже не узнаем, ибо через два дня [27 июня 1953 года] пришло сообщение о том, что Берию арестовали как изменника”. Daniel Bell. *Ten Theories in Search of Reality: The Prediction of Soviet Behavior in the Social Sciences*, in *Soviet Conduct in World Affairs: A Selection of Readings*, comp. Alexander Dallin (New York: Columbia University Press, 1960), 12.

* *Szabad Nép*, 12 июля 1953 г.

** Там же.

*** *Szabad Nép*, 5 июля 1953 г.

верованиям и уважение к интеллигенции. Он, несомненно, привел Ракоши в ярость, умерив коммунистическое красноречие об “исторических” достижениях Венгрии. “Давайте не будем строить воздушных замков”, — заявил он*.

Предварявший Пражскую весну 1968 года и горбачевскую перестройку, “новый курс” Надя столкнулся с значительным сопротивлением уже в самом начале пути, однако программа все-таки сдвинулась с мертвой точки. Получив неожиданную политическую поддержку со стороны Эрнё Герё, верного заместителя Ракоши, обладавшего превосходными связями в Москве, и Михая Фаркаша, Надя приступил к осуществлению правительственной программы. В течение полутора лет было закрыто более 700 убыточных и непроизводительных колхозов (их число в целом по стране снизилось с 5100 до 4381); членство в колхозах упало с 370 000 до 230 000 человек, снизившись на 39 процентов**. Согласно правительственным директивам общий объем капиталовложений в тяжелую промышленность в 1954 году снизился на 40 процентов по сравнению с 1953 годом; в то же время уровень жизни населения вырос примерно на 15 процентов. Более 928 000 человек, или около 10 процентов населения, получили скромные прибавки к зарплате. Правительство начало выдавать лицензии и небольшие кредиты портным, водопроводчикам, электрикам и представителям других ремесленных

* В США речь Надя встретили скептически. Авторитетный журналист и эксперт в области внешней политики К. Л. Шульцбергер так писал в “Нью-Йорк таймс” 7 июля 1953 года: “Остается только гадать, что означают провозглашенные Имре Надем перемены в венгерской политике: что это, снова НЭП или просто тактический маневр без стратегических последствий?». Тем не менее днем ранее статья в той же газете гласила, что “обещания лучшего будущего в речи Надя произвели глубокое впечатление на простых людей”. Как говорится ниже в главе 3, официальный Вашингтон был к Надю вполне безразличен. В важном исследовании Беннета Коврига отмечается, что «Госдепартамент не считал, что Имре Надя несет с собой более либеральную, квазититоистскую разновидность коммунизма, а потому отношение к нему не отличалось от отношения к Ракоши; Венгрию и другие страны-сателлиты продолжали воспринимать как неразличимые приатки Советского Союза». Kovrig. *The Myth of Liberation: East-Central Europe in U.S. Diplomacy and Politics since 1941* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1973), 146.

** См.: Ignác Romsics. *Magyarország története a XX. században* [История Венгрии в XX в.] (Budapest: Osiris, 1999), 378.

профессий, чтобы те могли открывать частные мастерские при условии, что число наемных работников на таких предприятиях не будет превышать трех человек.

Мероприятия Надя были в основном направлены на увеличение потребления и смягчение экономических тягот населения; правительство не предлагало никаких структурных реформ, которые изменили бы баланс собственности в стране или снизили роль государства в экономике — промышленность, торговля и даже ремонтный сектор по-прежнему функционировали на основе централизованного планирования. Создав некие экономические стимулы для развития рентабельных колхозов и частных крестьянских хозяйств, Надя, возможно, следовал примеру ленинской и бухаринской новой экономической политики двадцатых годов. Однако, несмотря на популярность экономических мер Надя, венгерская бюрократия ожесточенно противилась проведению их в жизнь*.

Надю не удалось продвинуть своих сторонников на ключевые партийные посты. Только в начале 1954 года он добился назначения двух “московских” венгров — Золтана Ваши и Золтана Санто, которые в последние годы чувствовали себя обиженными Ракоши. Ваш начал заниматься экономическими вопросами в Совете министров, а Санто возглавил управление информации при правительстве Надя. Ваш и Санто примкнули к Надю не столько из-за того, что одобряли политику “нового курса”, сколько из обиды на Ракоши и его окружение**.

Все же, несмотря на нехватку политических союзников, Надю удалось объявить частичную амнистию, в соответствии с которой из тюрем вышли 748 000 человек (главным образом заключенные с незначительными сроками), и несколько ограничить сферу деятельности тайной полиции. К осени 1953 года

* Более ранний, хотя и очень неполный анализ экономической политики Надя содержится в работе Спалбера: Nicolas Spulber. *The Economics of Communist Eastern Europe* (Cambridge, Mass.: MIT Press, 1957).

** После подавления революции 1956 года и Ваши, и Санто похитили и вместе с Надем и другими переправили в Снагов, партийный санаторий недалеко от Бухареста, где они содержались под домашним арестом до 1958 года. В Снагове Ваш отмежевался от некоторых действий Надя, в то время как Санто, “друг” Надя по московскому изгнанию в тридцатых, предал его и в 1957–1958 годах дал против него формальные показания.

были закрыты несколько печально знаменитых трудовых лагерей и лагерей для интернированных, в том числе лагерь для депортированных представителей среднего класса в Хортобади, что в восточной Венгрии. Так, к ноябрю того же года на свободу вышли 15 761 венгров и 1170 иностранных заключенных, многие из которых были задержаны за незаконное пересечение границы и теперь подлежали высылке на Запад. Полиции было приказано прекратить слежку за 4500 гражданами*, хотя число осведомителей тайной полиции почти не снизилось**.

Реабилитация известных венгров началась в 1954 году. Выход на свободу антикоммунистов и беспартийных, таких как видный деятель венгерской социал-демократической партии Анна Кетли, происходил одновременно с освобождением коммунистов, заключенных в тюрьмы в конце сороковых и начале пятидесятых по сфабрикованным обвинениям — тогда их именовали титоистами, агентами империализма или предателями рабочего класса. Несмотря на то что главный ответчик и жертва показательных процессов над коммунистами Ласло Райк был мертв, его фактически восставшие из мертвых товарищи имели в партии высокопоставленных друзей. Появление этих людей на улицах Будапешта произвело своего рода сенсацию. Какая судьба ожидала тех, кто посадил их в тюрьму, в особенности самого Ракоши? Подразумевала ли реабилитация восстановление в партии? Кадар, Лошонци, Донат и Дюла Каллаи — бывшие члены ЦК партии и, в случае Кадара, — политбюро и секретариата ЦК — остались ли они коммунистами, несмотря на долгие годы, проведенные в тюрьме? Если так, примкнут ли эти четверо к Имре Надю в его борьбе со сталинистским аппаратом? Приведет ли их при-

* См.: *Iratok az igazságszolgáltatás történetéhez*, vol. 2, 586–295.

** В 1951 году их было 34 626 человек, в 1952-м — 40 842 человека, в 1953-м — 45 521 человек, в 1954-м — 35 900 человек, в январе 1955-го — 37 174 человека, в январе 1956-го — 35 793 человека. Примечательно, что все осведомители были венгерскими гражданами. Тайной полиции не удалось завербовать ни одного иностранца, работавшего в западных посольствах или дипмиссиях в Будапеште. *Erzsébet Kajári. Az egységesített belügyminisztérium államvédelmi tevékenysége, 1953–1956* [Государственная безопасность в Объединенном министерстве внутренних дел, 1953–1956], в *Államvédelem a Rákosi-korszakban* [Государственная безопасность в эру Ракоши], ed. György Gyarmati (Budapest: Történeti Hivatal, 2000), 166–167.

существование на политической сцене к дальнейшему расколу в партии и, возможно, в силовых ведомствах? Будапешт наполнился рассказами, слухами и домыслами.

Пытаясь отвлечь внимание от собственной роли в процессах над коммунистами, Ракоши уволил и отправил за решетку шефа тайной полиции Габора Петера, однако сам по себе этот арест не мог удовлетворить реабилитированных коммунистов; в конце концов, во главе партии по-прежнему стояла старая гвардия сталинистов. Тем не менее, когда бывшим арестантам представилась такая возможность, почти все они вернулись в партию и, похоже, не подвергали сомнению достоинства социалистического строя и возможность внутрисистемных преобразований. Некоторые примкнули к фракциям, иные встали на сторону Надя, третьи были слишком больны, чтобы принять предложение работы, наконец, большинство, подобно Кадару, заняли выжидательную позицию между Надем и Ракоши. Притом что свободой и восстановлением в правах они теперь были обязаны Надю и его “новому курсу”, никто из них не забыл, как во время арестов, с 1949 по 1951 год, Надь ни разу не вступился за них*. По этой причине, а также потому, что они не доверяли и не чувствовали себя свободно в обществе близких к Надю интеллектуалов, Кадар и Каллаи, назовем

* Комитет, ведавший вопросами государственной безопасности и еще недавно состоявший из пяти членов, вынес решение об аресте Кадара и Каллаи на заседании 20 апреля 1951 года. Из пятерых членов комитета Арпад Сакашич сидел в тюрьме с пожизненным сроком, а Кадар, которого вот-вот собирались арестовать, естественно, “отсутствовал”. Трое оставшихся членов — Ракоши, Герё и Фаркаш вместе с еще одним “москвичом”, Йожефом Ревай — вынесли решение и следующим утром представили его политбюро. С сентября 1949-го по февраль 1951 года Имре Надь не состоял в политбюро, однако был членом политбюро во время ареста и вынесения приговоров Кадару, Лошонци, Каллаи и Донату. Он, предположительно, присутствовал на заседании политбюро, когда оно одобрило арест Кадара и Каллаи. Ракоши немедленно телеграфировал в Москву Сулову о решении политбюро, назвав его “единодушным”. Архивные материалы этого чрезвычайно запутанного “дела” против Кадара и других венгерских коммунистов — семисотстраничный том, который читается как судебная драма с участием психопатов, цитируются в издании: *Kádár János bírái előtt: Egyszer fent, egyszer lent, 1949–1956* [Янош Кадар перед лицом судей: вверх и вниз, 1949–1956] (Budapest: Osiris, 2001), под редакцией и со вступительной статьей Ласло Варги.

лишь двоих, не стали отвергать “мирные предложения”, исшедшие от Ракоши*. Так, Кадар после освобождения из тюрьмы состоял с Ракоши в переписке и даже несколько раз встречался с ним лично. Однако во время одной из этих встреч, вероятнее всего 14 мая 1955 года, Ракоши, само коварство, долго убеждал Кадара, что только тот сможет привести враждующие партийные фракции к единству, а потом попросил его подписать заявление, согласно которому Кадар сам был ответствен за собственный арест и тюремное заключение. Говорят, что взбешенный этим предложением Кадар демонстративно вышел из кабинета Ракоши, выкрикивая невероятные, чудовищные непристойности**. Тем не менее после смещения Надя в начале 1955 года и Кадар, и Каллаи стали работать в руководстве партии и в правительстве именно благодаря хлопотам Ракоши.

Иные избрали другую линию поведения.

* Интервью с Каллаи 9 мая 1991 г.

** Многие венгры утверждают, что по богатству и разнообразию ругательств венгерский язык уступает только идишу. В конкретном случае, в бранной фразе Кадара — “*A kopsz kurva anyádat*” — лысина Ракоши сочеталась с образом его матери как шлюхи, или же его мать представляла лысой шлюхой. (За более точными разъяснениями любопытные читатели должны будут обратиться к венгероговорящему другу, которого нелегко смутить.) Эту историю рассказал мне генерал-лейтенант Йозеф Салма, тогда возглавлявший Департамент расследований тайной полиции и ведавший реабилитацией Кадара. Салма сопровождал Кадара в здание ЦК, где произошла описанная выше встреча с Ракоши. Интервью с Салма 10 июля 1991 года в городе Мако на юге Венгрии (где после развала коммунизма, оставив свою будапештскую квартиру, Салма жил практически скрываясь). Я благодарен Тибору Зиннеру за организацию интервью с генералом Салма. Существует косвенное подтверждение рассказу Салма в письме Кадара от 16 мая 1955 года на имя венгерского политбюро, в котором тот упоминает встречу, состоявшуюся у него с Ракоши двумя днями ранее. В письме Кадар жалуется на то, как к нему продолжают относиться после его освобождения в 1954 году, и даже угрожает, что станет разнорабочим. Он пишет: “Политбюро должно верить, что я не желал, я не сам сочинил «дело Кадара». Мне трудно понять, почему... даже сегодня я подвергаюсь дискриминации из-за дела, в котором, как известно всем, мне была предусмотрена роль страдальца и жертвы [*szemvedő alany*]”. Иными словами, Кадар отказался от участия в интриге Ракоши. См. текст письма: *Kádár János bírái előtt*, ed. Varga, 651–652.

Донат, который вышел из тюрьмы исполненный подозрения ко всем вокруг, поначалу не примкнул ни к Надю, ни к Ракоши, ни к Кадару*. Донат, некогда возглавлявший секретариат Ракоши, не мог простить бывшему шефу ареста и тюрьмы. Он не испытывал симпатии и к Надю (с которым, по инициативе Надя, он встретился осенью 1954 года и признал в беседе с ним необходимость усиления партийной демократии), так как на их отношения все еще бросали тень кулуарные схватки конца сороковых о приоритетах в сельскохозяйственной политике. Донат не считал возможным и союз с Кадаром, своим близким другом по антинацистскому сопротивлению. В последнем случае причина заключалась, вероятно, в личной

* Недостаток сна и еды в едва освещаемых камерах, многолетняя изоляция и пытки сделали освобожденных боязливыми и подозрительными. Вероятно, к Донату это относилось в большей мере, чем к остальным. Я познакомился с ним летом 1977 года в его квартире на холмах Буды. Мне вспоминается, каким он был настороженным и немногословным. Он недоверчиво осмотрел меня при встрече, а в продолжение всей беседы мы сидели в темной комнате при закрытых ставнях и задернутых занавесках. Он сказал, что его глаза по-прежнему болезненно реагируют на свет. Помню, я задавался вопросом, не пытается ли он воссоздать в комнате обстановку своей тюремной камеры. От его жены я узнал, что он никогда не говорил с ней о тюремном опыте. Он запретил ей открыто критиковать Советский Союз. Обращаясь к ней, он часто повторял фразу, которая была самоочевидна для любого, кто не был ослеплен коммунистическим фанатизмом, как некогда сам Донат: “Помни, что мы живем на оккупированной территории” (интервью с Евой Бозоки, вдовой Доната, 14 мая 1991 года). На следующий год после этого интервью меня посетил в Нью-Йорке один из сыновей Доната Ласло Донат, протестантский священник, ставший после развала коммунизма политиком-социалистом (в 2005 году он был членом венгерского парламента). Когда я сказал ему, что мне сложно совместить образ его отца, яркого догматика и помощника Ракоши в конце сороковых, с его ролью лидера так называемой демократической оппозиции в восьмидесятых, Донат бодро ответил, что мне не следует волноваться: “Люди, знавшие его в 1980-х как убежденного демократа, не должны забывать и о его ранних годах, когда он был ослеплен и обманут”. Когда я сказал ему, что мне очень непросто стаскивать его отца, Имре Надя и других с пьедестала, повествуя об их ужасных деяниях, а не только об их героизме, молодой Донат, говоря скорее как пастор, а не как политик, посоветовал мне открыть всю правду. Я благодарен этому храброму, мудрому человеку за его поддержку.

обиде, а не в идеологии*. Наконец в начале 1956 года Донат принял решение и стал ведущим экспертом по тактическим вопросам в лагере Надя.

Из этих четырех реабилитированных, некогда занимавших высокопоставленные посты коммунистов, только Лошонци безоговорочно принял сторону Надя сразу после освобождения из тюрьмы. Надя и Лошонци встретились 22 ноября 1954 года на правительственном курорте в горах Кекеш и сразу поладили. Лошонци был нездоров и не мог вернуться на свою прежнюю должность в министерстве культуры или принять какое-либо иное предложение работы; ему был необходим покой. В санатории его лечили от болезней и психологического расстройства, приобретенных в тюрьме. В 1955 году, уже после смещения Надя, Лошонци достаточно окреп и вскоре возглавил неформальный кружок утративших иллюзии коммунистов, приверженных идее возвращения Надя к власти. Гораздо позже, в последние дни революции, Надя попросил его занять должность государственного министра или вице-премьера в революционном правительстве**.

---

* В 1944 году, когда Кадар скрывался, страшая ареста, Донат предоставил ему укрытие и спас ему жизнь, однако Кадар, согласно Донату, не оценил его доброту должным образом. Все же следует отметить, что в 1958 году, когда Кадар встал у власти в Венгрии, а Донат наряду с Надем находился под судом за «контрреволюционную деятельность», в 1956-м Доната не повесили, но «всего лишь» отправили в тюрьму на двенадцать лет — несомненно, благодаря личному вмешательству Кадара.

** Драма жизни Лошонци лежит за пределами настоящего исследования. Достаточно сказать, что он сидел в коммунистической тюрьме с 1951 по 1954 год, а затем вновь — после революции 1956-го и до своей кончины в декабре 1957-го. Во время второго заключения, потеряв не только веру в идеалы, но и рассудок, он признался в немислимых преступлениях, принял все, самые невероятные обвинения и постоянно уверял себя, когда его оставляли в камере одного. В течение нескольких недель он отказывался от еды, его кормили насильно. Тюремные власти не стали его госпитализировать: ему позволили умереть. Письменные свидетельства о его словах, признаниях и поведении в тюрьме — один из самых страшных рассказов из коммунистического ада — всплыли немедленно после 1989 года из архивов оперативного подразделения венгерской тайной полиции. Оперативные документы Лошонци содержатся в архиве венгерского МВД: АНМІА, V-150.000, хх-5-н. См. также превос-

Ввиду того что Надя не мог рассчитывать на партийный аппарат, правительственную бюрократию или на недавно освобожденных из тюрьмы коммунистов, он стал искать поддержки у двух общественных сил. Одной из них было на удивление многочисленное сообщество писателей, журналистов и университетских студентов, с самого начала выразивших солидарность с “новым курсом”. Другой был Отечественный народный фронт — пребывавшая в бездействии общественная организация, в которую Надя решил вдохнуть жизнь осенью 1954 года.

Что касается инакомыслящих литераторов, то основным изданием, служившим выражению их возмущения против сталинистского прошлого Венгрии и клики Ракоши, была “Иродальми Уйшаг” (“Литературная газета”) — печатный орган Союза писателей. Большинство писателей состояли в партии и были верными коммунистами; теперь они призывали к “социалистическому обновлению”. Многие из них вступили в партию после Второй мировой войны руководствуясь убеждениями, а не оппортунистическими мотивами. Некоторые не знали о еще недавно бушевавшей в Советском Союзе волне террора, иные, казалось, не хотели в это верить, наконец, третьи сумели убедить себя, что венгерская версия социализма будет *другой*. По этим причинам многие из представителей интеллигенции сочли для себя возможным преклоняться перед Сталиным и почитать Ракоши.

Смерть Сталина и возвышение Надя многим открыло глаза. “До сих пор я жил на горных вершинах, и все в открывавшемся мне виде казалось светлым и прекрасным, а благосклонная судьба зашорила мне глаза, скрывая жестокую действительность”. Так молодой поэт Шандор Ксури рассказывал о впечатлении, которое в августе 1953 года произвел на него “новый курс” Надя. А спустя несколько месяцев на страницах того же еженедельного издания высказался Иштван Эркен: “В наши намерения не входило писать книги, которые дают искаженное представление о действительности, книги пустые как ореховая скорлупа. ...Однако мы писали такие книги. ...А какова, следует

ходную биографию Лошонци, в которой, впрочем, деликатно опущены подробности его самоумерщвления на глазах тюремщиков в 1957-м: György Kövér. *Losonczy Géza 1917–1957* [Геза Лошонци 1917–1957] (Budapest: 1956-os Intézet, 1998).

зататься вопросом, миссия писателя? ...Писатель сам, и никто другой, несет ответственность за написанное. Он должен быть экспериментатором, а не просто иллюстратором”*

Негодую, что их вера оказалась столь слепой, писатели превратились в безжалостных критиков коммунистической догмы. Они упрекали себя за то, что были обмануты сталинизмом, и обвиняли партийных вождей, за исключением Надя, за то, что те повели их по ложному пути. Поначалу их поддержка курса Надя была осторожной. Позже, к 1954 году и в особенности после смещения Надя в 1955-м (см. главу 4) они стали задавать более “неудобные” вопросы. “Иродалми Уйшаг”, в частности, столь быстро превращалась в форум пронадевских сил, что власти были вынуждены увольнять одного редактора газеты за другим. Ситуация менялась так решительно, а вчерашние лоялисты так стремительно становились диссидентами, что верхушке было сложно найти компетентного редактора, готового подчиниться партийному диктату**.

* Обе цитаты приведены по работе Дьёрдя Литвана: György Litván. *Mitoszok és legendák 1956-ról* [Цифы и легенды о 1956 г.], в *Évkönyv 2000* [Ежегодник 2000] (Budapest: 1956 Institute, 2001), 29.

** Почти все коммунисты-интеллектуалы, отказавшиеся от марксистско-ленинской догмы, расстались с иллюзиями или в 1953 году, после смерти Сталина, или в февралю 1956-го, после XX съезда КПСС. В Венгрии в числе немногих, кто испытывал сомнения в отношении коммунистической системы и до 1953 года, был Миклош Вашархейи, один из четырех или пяти ближайших советников Надя. “Что-то тут не так” — это была одна из его любимых фраз. Разумеется, в эпоху террора он делился своими сомнениями только с парой ближайших друзей, которых знал по молодым годам в Дебрецене. Мне довелось не раз обсуждать с ним его идеологическое “пробуждение” и многие другие вопросы начиная с 1982 года в Нью-Йорке (где, в нашем общем кабинете в Колумбийском университете, он начал писать свои воспоминания) и в течение 1990-х в Будапеште. Я благодарен ему за дружбу и за его пронизательные замечания, мне очень дорога память о нем. Тем не менее, при всем сходстве наших взглядов по ряду вопросов, я не думаю, что он согласился бы со всеми моими мыслями, в частности с моей трактовкой политических способностей Надя (он ставил их несколько выше, чем я). О том, как Вашархейи отказался от “коммунистического божка”, см., в частности, показания Дьёрдя Радо в тюрьме 23 мая 1957 года: АНМИА, V-150.009. См. также сборник автобиографических интервью и эссе Вашархейи: *Ellenzékben* [В оппозиции] (Budapest: Szabad Tér Kiadó, 1989).

Так имя Надя стало знаменем литературного сообщества; между тем ожидалось, что Отечественный народный фронт предоставит политическую площадку для беспартийных, в особенности в сельской местности. Фронт должен был стать общественной организацией внутри однопартийной системы и одновременно своеобразной альтернативой партии. Еще до учредительного съезда Фронта, который открылся 23 октября 1954 года — ровно за два года до начала революции 1956-го — Надь всеми силами старался обеспечить участие в его работе частных граждан. Однако политбюро отвергло его план: фронт должен был стать форумом существующих, а потому подконтрольных партии общественных организаций. Вновь обратившись к своей программе постепенного перехода к новому обществу и отмечая необходимость общенародной поддержки социалистических преобразований, Надь тщетно пытался доказать, что “в строительстве социализма имеют право участвовать интеллигенция, мелкобуржуазные и непролетарские слои общества... [что социализм] не может быть построен без сотрудничества с ними”. Он говорил, что “необходимо воспользоваться даже малейшей возможностью привлечь на свою сторону массы союзников, независимо от того, будут ли [эти союзники] временными, нерешительными, сомневающимися или ненадежными”*. Старая гвардия политбюро не разделяла этого мнения. Кроме того, Надь был лишен возможности назначать в руководство Фронта верных людей — правда, в конце концов генеральным секретарем Фронта был избран зять Надя Ференц Яноши. Именно Яноши удалось придать “Мадьяр немзет”, официальной ежедневной газете Фронта, сильную пронадевскую ориентацию.

Так или иначе, но учредительный съезд Отечественного народного фронта действительно стал историческим, если не роковым, событием исключительно благодаря речи Надя. Он говорил о “едином биении сердца” девяти с половиной миллионов венгров, а не о классовой борьбе. Он говорил, что совесть страны — это Фронт, и при этом не упомянул партию. Он говорил, что власть в стране принадлежит народу, и при этом не упомянул рабочий класс. Да, в своей речи он обрушился на

* Цит. по: Ferenc A. Váli. *Rift and Revolt in Hungary: Nationalism versus Communism* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1961), 125.

внешних и внутренних врагов Венгрии и не забыл о важной роли партии. Однако Надь обращался к собравшимся как участник предвыборной кампании в стране с многопартийной политической системой — он искал поддержки у делегатов, искусно пользуясь риторическими приемами: “Я спрашиваю: готов ли Отечественный народный фронт, готовы ли вы, уважаемые делегаты, оказать правительству поддержку и доверие, которые необходимы для преодоления трудностей, для последовательного осуществления [“нового курса”]?”

Когда зал отозвался громовым “ДА”, Надь добавил, что столь “воодушевляющее выражение” поддержки усилит решимость правительства “сражаться вместе с народом и за народ, несмотря на все препятствия”*. Речь Надь передавалась по радио в прямом эфире и потрясла всю страну. Такого не слышали уже много лет. Вместо партийного жаргона и пустых лозунгов, присущих собраниям подобного рода, Надь нашел верный язык: он говорил как венгр с венграми, он говорил серьезно и даже вдохновенно. Он излучал веру в идеалы и надежду на лучшее будущее Венгрии. Он был так весел и счастлив, что после речи даже пустился танцевать чардаш с одним из делегатов, что, разумеется, не прошло незамеченным, так как коммунистические вожди едва ли были способны на непосредственность. Уверенность и патриотизм Надь воодушевляли и его самого, и собравшихся.

Добившись столь широкого общественного отклика, Надь показал себя действенным политиком, подлинным вождем масс — качество, которое редко проявлялось в нем ранее или, по правде говоря, в последующем. Из расчета или от отчаяния, а может из сочетания обоих этих чувств, Надь надеялся, что съезд Народного фронта даст его “новому курсу” право на жизнь. Как оказалось, съезд стал последним политическим триумфом Надя. Несмотря на то что его речь была заранее одобрена политбюро (что могло быть ловушкой), Ракоши и его приспешники нашли ересь в словах Надя об общих целях и общем деле девяти с половиной миллионов венгров. Надь не подчеркнул “руководящую роль” пролетариата или Советского Союза, важность классово-борьбы и пятилетнего плана; он

* Речь перепечатана в сборнике *In Memoriam Nagy Imre* под ред. Áron Tóbiás (Budapest: Szabad Tér Kiadó, 1989), 62–72.

даже не стал рассказывать о достижениях народной демократии. В глазах его критиков искренний патриотизм Надя был ничем иным, как опасным потворством националистическим чувствам.

Как уже случалось в его политической карьере, Надя вновь воспринимали правым уклонистом. Уже в конце ноября 1954 года сторонники жесткой линии открыто говорили о том, что “новый курс” зашел слишком далеко. Советский посол в Венгрии Юрий Андропов писал в дневнике о тревоге, охватившей его из-за глубоких разногласий и хаотической ситуации в венгерском руководстве*. В январе 1955 года советское политбюро было готово понизить Надя в должности, но не выводить его из состава правительства, если он признает свои ошибки. Кремль просил Надя последовать примеру Маленкова, его главного покровителя в Москве, и занять более низкую должность. Надь отказался. Ракоши и советскому политбюро потребовалось три месяца, чтобы довести до конца процесс смещения Надя с поста главы правительства.

Отставка Надя была следствием перемен в советском руководстве, в том числе сворачивания напоминавшей “новый курс” Надя политики Маленкова и победы Хрущева над Маленковым. Ракоши, выступавший против Надя даже в то время, когда его поддерживала Москва, наконец перехитрил своего заклятого врага. Но почему в таком случае Надь отказался от должности заместителя председателя правительства и не последовал примеру Маленкова? Если бы он все же согласился, оказало ли бы это влияние на ход событий?

Надь не отвечает на эти вопросы прямо ни в двадцати пяти острейших эссе, датированных летом 1955 года**, ни в двух больших работах, написанных им зимой 1956–1957-го, когда он находился под домашним арестом в Румынии***. Также и в доку-

* Magdolna Baráth, ed. *Szovjet nagyköveti iratok Magyarországról 1953–1956: Kiszeljov és Andropov titkos jelentései* [Документы советских послов о Венгрии в 1953–1956 гг.: тайные донесения Киселева и Андропова] (Budapest: Napvilág Kiadó, 2002).

** См.: Imre Nagy. *On Communism*.

*** Одна из рукописей, завершающихся в сносочной ссылке в начале 1957 года, представляет собой автобиографию Надя вплоть до его знакомства с марксизмом во время Первой мировой войны. То, что Надь пред-

ментированных разговорах со своими сторонниками в 1955 или 1956 году Надь никогда не упоминал, что в январе 1955-го, ради сохранения собственной политической жизнеспособности, ему следовало согласиться на понижение в должности. Учитывая его упрямство и ненависть к сталинистам в венгерском политбюро, в особенности к Ракоши, его выбор вряд ли может вызвать удивление. Удивительно другое — впервые в политической карьере Надь отказался признать свои ошибки. Если это было осознанным решением, значит Надь предполагал, что постсталинские перемены в СССР и в странах социалистического блока будут нарастать, а в этом случае, возможно думал он, Кремлю придется вновь к нему обратиться. В конце концов, кто, как не он, мог бы спасти в Венгрии “дело социализма”? Если же решение Надя было сугубо эмоциональным, то, должно быть, его терпение истощилось и он более не считал для себя возможным иметь дело не только с товарищами в Будапеште, но и, в меньшей степени, с московским руководством, где борьба за власть затмила все серьезные попытки вдохнуть новую жизнь в “дело социализма” как дома, так и за границей.

Сильные, полемичные эссе Надя “О коммунизме” и две поздние работы, написанные им в румынском изгнании, свидетельствуют о том, что, при всем презрении к венгерским сталинистам, он не вполне поставил крест на советских вождях и по-

---

чувствовал конец, явствует из подзаголовка его автобиографии: “1896–195...?” См. прекрасное издание этой работы: Imre Nagy. *Viharos emberölto, 1896–195...?* [Бурное поколение, 1896–195...?] (Budapest: Nagy Imre Alapítvány, 2002). Вторая рукопись из снаговской ссылки ходила по Будапешту после крушения режима в 1989 году, но не была опубликована: на публикацию наложила запрет дочь Надя Эржебет. (Венгерское издание этой книги готовится к выходу в свет в 2006 году.) После прочтения этой длинной рукописи, в которой немало общего с эссе Надя, в 1957 году опубликованными по-английски под общим заголовком “О коммунизме”, у меня сложилось впечатление, что дочь Надя запретила публикацию, не желая чтобы читатели поняли, что ее отец остался верен марксизму-ленинизму даже после того, как Кремль сокрушил революцию 1956-го. Несколько сокращенный текст (наряду с многочисленными письмами и обращениями Надя, а также записями бесед в Снагове, сделанными пресловутой Секуритате, румынской службой контрразведки) доступен по-румынски в издании: Nagy, Imre. *Însemnări de la Snagov: Corespondență, rapoarte, convorbiri* [Имре Надь, записки из Снагова: переписка, отчеты, беседы], ed. Peana Ioanid (Bucharest: Polirom, 2004).

лагал, что они также не забыли о нем. Он верно оценил политическую ситуацию в Москве, считая ее изменчивой и непостоянной и надеясь, что Кремль оставил его в списке запасных и, возможно, однажды вновь к нему обратится. По этой причине он решил отказаться от предложения Кремля — он не мог играть роль *вице* премьер-министра в правительстве Ракоши. При этом он отказался и возглавить нарастающую антисталинистскую кампанию в среде интеллигенции. Скорее наоборот, он пытался ее сдержать. Он часто советовал своим прозападно настроенным союзникам, например Миклошу Гимешу, не поддаваться “буржуазному” влиянию*. Хотя воззрения Надя в корне отличались от взглядов сторонников жесткой линии, его поведение, разумеется, отражало политическое мышление “верного ленинца”.

Однако Надь сознавал, что альтернативой реформ в Венгрии станет не сталинизм, а антикоммунистическая революция. В работе, написанной в декабре 1955 года, которую он адресовал венгерскому и советскому партийному руководству и показал только нескольким ближайшим сподвижникам, Надь пророчески писал о том, что Венгрия движется в направлении многопартийной системы, если не революции: “Сегодня возвращение к политике “нового курса” и применение июньских принципов [1953 года] в экономической, политической и социальной сферах жизни страны все еще могло бы сдержать растущий кризис и предотвратить катастрофу. Однако вызывает сомнение, что возвращение к июньским принципам поможет нам завтра... существует опасность, что массы, потеряв веру, отвергнут как июньскую программу, так и Коммунистическую партию, и для того чтобы удержать ситуацию под контролем, придется идти на гораздо большие уступки”**.

---

* Я усматриваю поразительное сходство между отношением Надя в середине 1950-х к Гимешу и к другим его сподвижникам, заигрывавшим с идеями западной демократии, и отношениями между М.С. Горбачевым и Александром Яковлевым и Эдуардом Шеварднадзе в середине и конце 1990-х. Я благодарен Марку Крамеру за то, что он обратил на это мое внимание.

** Imre Nagy. *On Communism*, 49 (курсив мой. — Ч.Г.). Для Надя «гораздо большие уступки» были тождественны принятию политического и экономического плюрализма западного образца.

Никто из венгерских или советских руководителей не согласился в то время с выводами Надя и не прислушался к его совету. Они не оценили мудрость Надя и отказались понять, что его принципы и взгляды не зависят от того, наделен ли он властью, и совершали одну ошибку за другой. Кремль совершил первую ошибку, когда он поставил Надя у кормила власти в июне 1953 года и не принудил венгерскую партию поддержать его; вторую ошибку, когда он сместил Надя в начале 1955-го и вернул к власти группу сталинистов, неспособных предложить решение растущих проблем в сложной, нестабильной стране, каковой была Венгрия. И третья ошибка Кремля заключалась в том, что в 1955—1956 годах Надя жил на свободе в Будапеште, и поэтому общественность воспринимала его как альтернативу Ракоши и его приспешникам.

Поддержав, а затем свергнув Надя, советские вожди пробудили интеллектуальную элиту Венгрии и объединили ее в едином антисталинистском порыве, тем самым подготовив почву для яростного восстания против советской империи. *Удушив внутрисистемные реформы, Кремль сделал революцию почти неизбежной; отстранив Надя от власти, Кремль сотворил из него единственно возможного, хотя и нечаянного и, к сожалению, плохо подготовленного вождя восстания.*

Глава третья Вашингтон и Будапешт перед взрывом

Вице-президент отметил, что не будет абсолютным злом с точки зрения интересов США, если железный кулак Советского Союза вновь опустится на страны советского блока, хотя в целом было бы желательнее, чтобы нынешняя тенденция либерализации отношений между СССР и его сателлитами продолжалась.

Ричард Никсон, из выступления на секретном заседании Национального совета безопасности 12 июля 1956 года

1

Сегодня, читая некогда секретные и сверхсекретные документы Белого дома, Государственного департамента и ЦРУ, относящиеся к политике США в отношении стран Восточной Европы, непросто провести различие между намерениями американского правительства и его реальной политикой. Все послевоенные документы, содержащие внешнеполитические директивы и решения, указывают на то, что американская политика в Центральной и Восточной Европе была динамичной и ориентированной на противодействие советскому господству. Они свидетельствуют, что администрация Гарри Трумэна вынашивала далеко идущие и подробные планы избавления стран-сателлитов от советского ига еще задолго до брошенного республиканцами лозунга об освобождении народов Восточной Европы.

Однако эти тщательно разработанные планы не были превращены в жизнь. Провозглашенные намерения отражали реальную политику в той же мере, в какой соответствуют действительности обещания, которые дает себе человек под Новый год. При Трумэне и, даже в большей степени, при Дуайте Эйзенхауэре намерения американских политиков и чиновников в значительной степени отличались от их действий. В противовес распространённому мнению правительство США делало гораздо меньше, чем планировало или утверждало. Последнее с наи-

большей очевидностью проявилось в контексте американской политики в отношении Венгрии.

Если исключить такие одиночные операции, как предпринятое (и проваленное) вторжение в Албанию в 1949 году, спланированное США вместе с Великобританией, а также многоязычное вещание на страны Восточной Европы посредством РСЕ, Соединенные Штаты не сумели осуществить большинство своих планов. Пропасть разделяла не только слова и дела политиков — декларации о великом крестовом походе против коммунизма и ничтожество реальных политических шагов. Разрыв существовал также между сверхсекретными политическими директивами Национального совета безопасности (НСБ), направленными на подрыв советского режима, и мероприятиями по их претворению в жизнь. Первый из этих вопросов, то есть разрыв между официальными лозунгами и скупостью внешнеполитических действий, хорошо и полно документирован*. Гораздо менее известно то, что, несмотря на принятие НСБ в обстановке полной секретности подробных директив по проникновению за железный занавес, резидентура не смогла их осуществить.

Для того чтобы понять, что произошло, представляется целесообразным рассмотреть внешнюю политику США в отношении Восточной Европы, и в частности Венгрии, в контексте трех вопросов: что *говорило*, что *решало* и что *делало* американское правительство**. Во-первых, в публичных заявлениях, в особенности при администрации Эйзенхауэра, рисовались оптимистические перспективы политики сдерживания и победы над коммунизмом. Такие заявления, сделанные на простом и понятном языке и отражавшие весьма серьезный аспект наци-

* Лучшее из исследований по этой теме принадлежит перу Беннета Коврига: Bennett Kovrig. *The Myth of Liberation: East-Central Europe in U.S. Diplomacy and Politics Since 1941* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1973). Об истории этого вопроса в первые послевоенные годы см. также: Geir Lundestad. *The American Non-Policy towards Eastern Europe 1943–1947* (New York: Humanities Press, 1975). Другие источники см. в примечаниях к настоящей главе и в библиографии.

** Существует, конечно, и четвертое измерение, а именно фактор влияния этой политики в искомой стране или странах. С открытием некогда секретных архивов, включая венгерские, изучение этого аспекта представляется возможным.

ональной безопасности, а именно угрозу советской агрессии в Европе, а также их нравственный аспект, то есть угнетенность народов Восточной Европы, были призваны мобилизовать американскую общественность на предстоящие свершения. Во-вторых, решения НСБ, рассекречивание которых началось в 1970-х годах, указывают на наличие у американского правительства далеко идущих планов помощи Восточной Европе, в том числе содействия ее мирному освобождению от советского владычества. Третьим элементом политики, после публичных речей и тайных планов, следует считать фактические действия США: какие конкретные шаги предприняли Соединенные Штаты в послевоенное десятилетие в Восточной Европе, и в особенности в Венгрии, для достижения провозглашенных целей.

Сведения о предпринимавшихся США оперативных мероприятиях, рассекреченные по моей просьбе ЦРУ, приводят к удивительному заключению, а именно что США вели себя скорее как большой рычащий серый волк, нежели как сверхдержава, стремящаяся ослабить противника. Очевидно, что в первое десятилетие холодной войны официальный Вашингтон сочинил грандиозную небылицу о вовлеченности США в европейскую политику и о попытках изменить статус-кво в находящейся под советским игом Восточной Европе. Демократы распространяли эту историю не только из соображений национальной безопасности, связанных с политикой Сталина, но и для того чтобы ответить на обвинения республиканцев в недооценке коммунистической угрозы. Они хотели показать, что ясно сознают исходящую от Советов опасность и знают, как поступать в этой ситуации. Республиканцы, дабы продемонстрировать непоколебимую решимость и превзойти демократов, выдвинули после 1952 года “доктрину” освобождения, которая была призвана показать, что именно республиканцы знают, что делать перед лицом коммунистической агрессии*. Тем временем

* Лозунг “освобождения” играл немалую роль в президентской кампании республиканцев в 1952 году. Джон Фостер Даллес, ранее советник по внешнеполитическим вопросам в администрации Трумэна, в 1952 году заявлял, что освобождение увенчается успехом, если США “публично заявят, что они заинтересованы и надеются на освобождение [Восточной Европы]”. Даллес выдвигал доктрину “освобождения” как альтернативу

Советы и их восточноевропейские союзники с удовольствием эксплуатировали вашингтонские сказки об активном вмешательстве США в дела Восточной Европы с целью обвинить американцев в агрессивной внешней политике, в огромных военных расходах и ужасающих социальных условиях в капиталистических странах.

По сути, однако, Соединенных Штатов не было рядом ни во время волнений 1953 года в Восточной Германии* и Чехослова-

---

“статичной” или “оборонительной” политике сдерживания, проводимой администрацией Трумэна. John Foster Dulles. A New Foreign Policy: A Policy of Boldness. // *Life*, May 19, 1952, 146–148. Предположительно, одна из целей подобной риторики состояла в сколачивании политического капитала, в особенности среди американских избирателей – выходцев из Восточной Европы. (Мой коллега Стивен Сабо из школы Пола Нитце при университете Джона Гопкинса, родившийся и выросший в венгерском предместье Кливленда, вспоминая, что в пятидесятых годах “Даллес был героем этнических венгров”.) В свою очередь Джим Марччио, в исследовании, основанном на обширных архивных документах администрации Эйзенхауэра, заключает, что, хотя политика Эйзенхауэра-Даллеса в отношении Восточной Европы содержала изъяны, она “не ограничивалась рамками предвыборных баталий 1952 и 1956 годов”. См.: Jim Marchio. Resistance Potential and Rollback: U.S. Intelligence and the Eisenhower Administration’s Policies Toward Eastern Europe, 1953–56. // *Intelligence and National Security*, April 1995, 219–241, цит. на стр. 235. См. также обстоятельную докторскую диссертацию того же автора: “Rhetoric and Reality: The Eisenhower Administration and Unrest in Eastern Europe, 1953–1959” (American University, 1990). Критическое исследование политики администраций Трумэна и Эйзенхауэра, в котором рассматривается множество рассекреченных документов см.: Gregory Mitrovich. *Undermining the Kremlin: America’s Strategy to Subvert the Soviet Bloc, 1947–1956* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2000).

* После восстания в Восточной Германии в июне 1953 года правительство США оказало восточным немцам значительную помощь продовольствием. Хотя восточногерманские власти сделали все возможное, чтобы затруднить гражданам доступ к гуманитарной помощи, к октябрю 1953 года (когда программа завершилась) в стране было распределено более пяти с половиной миллионов комплектов продовольствия. См. Mark Kramer. The Early Post-Stalin Succession Struggle and Upheavals in East-Central Europe: Internal-External Linkages in Soviet Policy Making (Part 3). // *Journal of Cold War Studies* 1, № 3 (Fall 1999), 3–66. Крамер сообщает также, что в особом заявлении Кремль назвал программу гуманитарной помощи “неуклюжим пропагандистским маневром”. Ср.: Christian F. Ostermann. Keeping the Post Simmering: The United States and the East

кии, ни в 1956 году в Познани, Варшаве и Будапеште — когда на борьбу за свободу поднялись поляки и венгры. Это не значит, что США не играли в восточноевропейской политике никакой роли или что Америка была эдаким бумажным тигром. Значимость Соединенных Штатов заключалась не в действиях Вашингтона, но в том, что Вашингтон убеждал восточноевропейцев и других в действительности своей политики (даже если это и не соответствовало действительности). Сочетая наиболее передовые технологии Голливуда и Мэдисон-авеню, США рекламировали продукт — освобождение, доставить который они были не в силах. Рекламная кампания была обманом, но убеждала поработенные народы Восточной Европы, что Америка едина с ними, и давала понять советским угнетателям, что в лице Америки они имеют непримиримого врага.

Риторика Вашингтона вредила интересам США. Она не способствовала ни освобождению Восточной Европы, ни снижению напряженности в отношениях с Советским Союзом после смерти Сталина.

Венгрия ощутила негативное влияние обманчивых маневров вашингтонской дипломатии даже в большей степени, чем другие советские сателлиты и сам Советский Союз, ибо, как уже отмечалось во вступлении к этой книге, из государств Центральной и Восточной Европы она “наряду с балканскими странами обладала [для Вашингтона] наименьшим приоритетом”*. Хотя США поддерживали надежду венгров на свободу и независимость, в документах не содержится свидетельств сколько-нибудь серьезных попыток Вашингтона воплотить эту надежду в жизнь. До своего поглощения Центральным разведывательным управлением в 1952 году существовавшее с 1948 по 1952 год американское разведывательное ведомство под безобидным названием Офис политической координации (ОПК) не провело в Венгрии ни одной тайной

German Uprising of 1953. // *German Studies Review* 15, № 2 (Spring 1996), 61–89; Christian F. Ostermann, ed. *Uprising in East Germany 1953: The Cold War, the German Question, and the First Major Upheaval behind the Iron Curtain* (Budapest: Central European University Press, 2001).

* CIA, *Clandestine Service Historical Series (CSHP 323)*, май 1972; части, рассекреченные в марте 2005 года под названием MORI DocID: 1161462. Hungary, vol. II: External Operations 1946–1965, 82.

операции *. В 1952 году у Офиса не было в Венгрии “ни одного регулярно представляющего донесения резидента”**. В том же году ЦРУ сообщало о нескольких “проваленных” или “неудачных” операциях, связанных с переходом через венгерскую границу, и отмечало трудности набора “способных агентов для подобных миссий”. Подразумевая нескольких тайных агентов, которые предположительно находились в распоряжении ЦРУ, авторы отчета с сожалением констатировали, что “уровень их подготовки был слишком низок для разведывательных миссий, которые предполагали бы длительные поездки в различные географические пункты Венгрии”***. В 1953 году, как, впрочем, и в последующие годы, включая 1956-й, “все попытки [ЦРУ] установить и поддерживать контакты с источниками информации в Венгрии окончились неудачей”****.

Низкий приоритет Венгрии, помимо ее относительно невысокой стратегической значимости, объяснялся в том числе ее географическим положением: проникнуть в Венгрию было

---

* Информация, полученная от Джеймса Мак-Каргара, возглавлявшего отдел ОПК по Юго-Восточной Европе, включавшем Венгрию. (Интервью автору, Вашингтон, 17 июня 2005 г.) Данные подтверждены Френком Линдси, который занимал должность заместителя директора ОПК и ведал всеми операциями в странах советского блока. (Телефонное интервью автору 18 августа 2005 г.)

** CIA, *CSHP* 323 (см. прим. на с. 93), vol. 2, 51.

*** Там же, 52.

**** Там же, 74. Геза Катона, единственный сотрудник ЦРУ в Будапеште с 1952 по 1957 год (см. прим. ** на с. 14) вспоминает, что с 1953-го по 1956-й в Венгрии работали три агента. Он пересылал им деньги и передавал указания из центра, но никогда не встречался с ними лично и не получал от них донесений. К 1952 и началу 1953 года под вопросом стояла сама возможность успешной разведывательной деятельности в странах советского блока, и Френк Линдси тихо ушел в отставку (см. прим. *). В интервью Программе устной истории ЦРУ 26 июля 2000 года была приведена цитата из меморандума Линдси 1952 года, в котором тот предупредил, что план отбрасывания “коммунистов в Восточной Европе вряд ли сработает”. (Части интервью рассекречены по моей просьбе в декабре 2004 года под названием MORI DocID: 1161457.) Несколько позже, в 1954 году, аналитический отдел ЦРУ выпустил несколько отчетов, в которых подчеркивалась тщетность усилий по поддержке групп антикоммунистического сопротивления. Подробнее о Линдси см. работу Петера Гроуза: Peter Grose. *Operation Rollback: America's Secret War behind the Iron Curtain* (Boston: Houghton Mifflin, 2000).

сложнее, чем в Восточную Германию или Чехословакию. До 1955 года часть Австрии, граничащая с Венгрией, была оккупирована советскими войсками. После 1955-го нейтральная Австрия, серьезно воспринимавшая свои обязательства по Государственному договору, не выказывала желания видеть на своей территории американских разведчиков или полувоенных агентов*. Более того, лишь немногие из венгерских эмигрантов, завербованных США в конце сороковых — начале пятидесятых годов для проникновения в Венгрию с австрийской или югославской территории, сумели вернуться и рассказать об увиденном — большинство из них просто исчезли за железным занавесом. Некоторые, попав в сети советской и венгерской разведки, становились двойными агентами (хотя американские спецслужбы довольно успешно раскрывали их и увольняли из резидентуры).

Не имея возможности опираться для достижения поставленных целей на дипломатические или экономические средства, Вашингтон поставил на разведку, однако для служб разведки Венгрия не обладала приоритетом. Так или иначе, но скромные усилия американских разведслужб не привели к успеху. Пожалуй, только радиостанция “Свободная Европа”, основанная в 1951 году и финансируемая ЦРУ, была единственным влиятельным инструментом американской внешней политики: РСЕ вещала на все страны советского блока, включая Венгрию. Несмотря на глушение радиопередач, голос “Свободной Европы” был слышен и внушал надежду многим в коммунистическом лагере.

В этой главе рассматриваются конкретные шаги США в отношении Венгрии с конца Второй мировой войны и до восстания 1956 года. Соответственно, здесь лишь вскользь обсуждается дипломатическая и пропагандистская риторика Вашингтона и внешнеполитический курс США (например, директивы Национального совета безопасности и иных ведомств).

---

* Австрийские власти часто закрывали глаза на то, что союзники используют их территорию или воздушное пространство. См.: Michael Gehler. From Non-Alignment to Neutrality? Austria's Transformation during the First East–West Dittente, 1953–1958. // *Journal of Cold War Studies* 7, № 4 (Fall 2005): 104–136.

В разделе 2 повествуется о, возможно, единственной успешной операции США в Венгрии. Активное участие в ней принимал Джеймс Мак-Каргар, человек, который в 1946–1947 годах возглавлял маленькую и таинственную американскую разведывательную организацию в Будапеште, действовавшую под кодовым названием “Пруд”. В разделе 3 подытоживаются основные решения НСБ, относившиеся к Восточной Европе, и в частности к Венгрии, а также рассказывается о деятельности Офиса политической координации (предшественника ЦРУ) и самого ЦРУ. В разделе 4 говорится о вещании “Свободной Европы” на Венгрию и о ее пропагандистской деятельности. Наконец, в разделе 5 предложен краткий анализ международного положения США накануне венгерского восстания.

2

Когда в апреле 1946 года Джеймс Мак-Каргар прибыл в Будапешт, чтобы занять должность политического секретаря дипмиссии США, Вашингтон еще не сформировал концепцию своей политики в отношении Венгрии. Но показательно уже то, что он был направлен на работу в Будапешт. Мак-Каргар, большую часть Второй мировой войны прошедший во Владивостоке, говорил по-русски, то есть на языке, весьма полезном в Венгрии, которая была оккупирована Красной армией и находилась в ведении Союзной контрольной комиссии под председательством маршала Климента Ворошилова. Мак-Каргар знал, что несмотря на советскую оккупацию будущее Венгрии оставалось неопределенным. Так, свободные выборы 1945 года привели к формированию правительства, в котором коммунисты, даже с учетом тайных членов партии и сочувствующих беспартийных, оказались в меньшинстве.

В задачу Мак-Каргара входило поддерживать контакты со всеми политическими силами внутри и вне правительства, собирать информацию и представлять донесения в Госдепартамент США. Разумеется, люди, с которыми старался сблизиться Мак-Каргар, находились в оппозиции к коммунистам и к их беспринципной политике. Некоторые, как, например, Золтан Пфайфер, независимый политик из партии мелких хозяев, были членами коалиционного правительства (Пфайфер ушел с по-

ста государственного секретаря в министерстве юстиции 31 декабря 1946 года); иные, как Кароль Пейер, ветеран социал-демократической партии, вызывавший раздражение и у коммунистов, и у представителей левого крыла его собственной партии, принадлежал к оппозиции. Мак-Каргар был хорошо знаком и с представителями довоенной аристократии, некоторые из них остались в Венгрии после войны и надеялись, что после подписания мирного договора будет образована некоммунистическая Венгрия (как ненадолго случилось в начале 1947 года), и что Красная армия покинет страну.

Спустя три месяца после прибытия в Будапешт, по поручению Лесли Сквайрса, политического советника дипмиссии, которого переводили в Южную Африку, Мак-Каргар начал работать под прикрытием легенды. Он заменил Сквайрса как будапештский резидент тайной организации, известной посвященным под названием “Пруд”, — одной из немногих ячеек американской разведки, функционировавшей в Европе во время Второй мировой войны и в послевоенные годы*. В годы войны Мак-Каргар прошел подготовку в военно-морской разведке, и предстоящая работа была для него не новой, как свидетельствует его пронизательная книга о ремесле разведчика и о службе в Венгрии**. В дипмиссии США только шеф резиденту-

* Ср.: Mark Stout. The Pond: Running Agents for State, War, and the CIA. // *Studies in Intelligence* 48, № 3 (2004): 69–82.

** “Краткий курс тайной войны” (*A Short Course in the Secret War*) Мак-Каргара впервые увидел свет в 1973 году; тогда автор скрылся под псевдонимом “Кристофер Феликс”. Часть I этой работы представляет собой, по определению “Нью-Йорк таймс бук ревью”, “книгу шпиона-мыслителя”, а в ее второй части повествуется об опыте работы Мак-Каргара в Венгрии. Во вступлении к второму изданию (1988) “Феликс” раскрыл свое истинное имя; именно на это издание я ссылаюсь ниже (New York: Dell, 1988). Чтобы окончательно прояснить картину, спешу сообщить, что с Мак-Каргаром я познакомился в 1978 году, когда послал запрос в издательство “Даблдей” о возможности связаться с Кристофером Феликсом. Спустя примерно три месяца (о Феликсе я тогда не думал) в моем кабинете в Колумбийском университете раздался телефонный звонок. На другом конце провода человек с низким голосом представился Джеймсом Мак-Каргаром и спросил, чем он может мне помочь? Несколько раздосадованный неожиданным звонком, я поинтересовался, что могу сделать для него? Поддразнивая меня, он ответил, что я писал ему, и он решил мне позвонить. Я сказал, что не знаю никакого Мак-Каргара.

ры в ранге советника-посланника (министра) знал о реальной роли Мак-Каргара.

Сведения, которые представлял Мак-Каргар, были ценными и своевременными. От своего предшественника он унаследовал восемь “источников”, большинство из которых были аристократами, жившими в Венгрии и при режиме Хорти. По мере усиления борьбы за власть все больше людей в Венгрии хотели поделиться информацией с американской дипмиссией в надежде, что Вашингтон сделает что-нибудь для не состоявших в компартии венгров. Не следует забывать, что на выборах в конце 1945 года четверо из пяти венгерских избирателей проголосовали не за компартию, и тем не менее коммунисты, при активной поддержке Кремля, вели себя так, словно им принадлежит вся власть в стране. К примеру, при комплектовании персонала политической полиции они пренебрегли коалиционным принципом, служившим основой для набора кадров в иные ведомства. От “партнеров по коалиции” с коммунистами — партии мелких хозяев, социал-демократов и национальной крестьянской партии — в главном офисе, в будапештских и региональных отделах Управления государственной безопасности

Ах, сказал он, письмо, должно быть было адресовано Кристоферу Феликсу, но Кристофера Феликса не существует, ибо он и есть Джеймс Мак-Каргар. Хотя в ту минуту я не оценил его чувство юмора, с течением времени я научился ценить замечательный ум и цельность натуры Джима. Он помог мне чуть лучше понять мир разведчиков, о котором я ничего не знал, и я благодарен ему за помощь и интерес к моей работе. Наш диалог возобновился в 1980 году, когда он позвонил мне, чтобы сообщить хорошую новость. Ранее он отказывался назвать мне американскую службу разведки, в интересах которой он действовал в Венгрии. Мак-Каргар говорил мне, что это не ЦРГ (Центральная разведывательная группа), не ЦРУ и не военная разведка, но не мог предоставить точного названия организации, так как, по его словам, оно все еще было засекречено. В 1980 году, по телефону, он велел мне купить книгу “Великий инквизитор” (*The Great Inquisitor*) Джона Громбаха. Я повиновался. На задней странице обложки книги Громбаха называли главой “Тайной разведывательной службы госдепартамента и военного департамента”. Ввиду того что Громбах раскрыл имя этого ведомства, Мак-Каргар сообщил мне, что в Венгрии он работал для Тайной разведывательной службы и что Громбах был его шефом. Подробнее об этом и о моей последующей встрече с полковником Громбахом см. книгу Мак-Каргара: McCargar. *Short Course*, 168–170.

работало всего несколько человек, и всем им достались мало-значашие должности.

Один из них, молодой социал-демократ, которого Мак-Каргар позже назвал в своей книге “Эдмундом”, испытывал, подобно Пейеру, глухую вражду и к коммунистам, и к их союзникам социалистам на левом фланге. Эдмунд, сражавшийся во время войны против нацистов, считал, что просоветский тоталитаризм не альтернатива прогерманскому, авторитарному режиму Хорти. В ноябре 1945 года Эдмунд, с согласия Пейера, поступил на работу в политическую полицию (которая через год превратилась в зловещее Управление государственной безопасности — УГБ). В чине лейтенанта он руководил небольшим отделом полиции в пригороде Будапешта и использовал свое положение, чтобы вести подробные записи о том, что видел и слышал. Когда Эдмунд добровольно отнес все свои записи в дипмиссию США, он не знал, что Мак-Каргар, помимо службы в политическом отделе дипмиссии, работает резидентом.

Ни Эдмунд, ни другие осведомители Мак-Каргара не просили и не получали денег за предоставленные сведения. Они работали в надежде, что США поддержит их дело. Они добивались от Мак-Каргара информации о намерениях Вашингтона. Они были готовы помогать США в начавшейся холодной войне и надеялись, что Америка поможет им противостоять местным коммунистам и их советским покровителям. Однако, по причине того что Мак-Каргар сам не знал, чего ожидать от Вашингтона и в целом от западных держав, его ответы были уклончивыми.

Эдмунд предоставил в распоряжение дипмиссии поистине бесценные сведения. Мак-Каргар получил 160 рукописных страниц с подробнейшим поэтажным планом штаб-квартиры УГБ в доме номер 60 по улице Андраши, данными о местонахождении каждого подразделения, списком имен с указанием штатных обязанностей офицеров и сотрудников, вплоть до секретарей и машинисток в военной разведке*. В отчете Эдмунда

---

* Благодаря Эдмунду копия этого отчета находится в моем личном архиве. Мак-Каргар считает, что он “почти наверняка” был переведен на английский в Вашингтоне. См. краткое изложение отчета: McCargar. *Short Course*, 202–209. Список имен приведен в работе Роберта Габора: Róbert Gábor. *Az igazi szociáldemokrácia: Küzdelem a fasizmus és a kommunizmus ellen, 1944–1948* [Подлинная социал-демократия: борьба с фашизмом]

содержался также список не состоявших в компартии лиц, работавших на тайную полицию в качестве осведомителей, и описание методов их склонения к сотрудничеству.

Вербуя агентов, политическая полиция действовала в лучших мафиозных традициях, зачастую угрожая “объекту вербовки” мстостью со стороны русских. К примеру, 2 марта 1947 года, в полночь, на пустынной улице близ дома, где тот жил, сотрудники тайной полиции окружили Ласло Дерной Кокиша, “серого кардинала” в партии мелких хозяев. Приставив к его груди пистолет, они схватили его и потащили в полицейское отделение. Зная о том, что Дерной Кокиш близок к президенту страны Золтану Тилди, который также состоял в партии мелких хозяев, УГБ требовало от него информации о всех действиях Тилди. Кокиша не удалось подкупить, он не поддавался на шантаж, хотя полиция напомнила ему о его праворадикальной деятельности в годы войны. Только когда Кокишу сказали, что его выдадут советской военной полиции с обвинениями в антисоветском “заговоре”, он согласился сотрудничать с органами. Страх перед Сибирью сломил его. В течение долгих лет Кокиш оставался платным осведомителем УГБ*.

Действуя схожим образом, УГБ успешно завербовало даже члена венгерского кабинета министров. В марте 1947 года офицеры политической полиции нагрянули в дом министра информации, известного экономиста и деятеля партии мелких хозяев Йожефа Богнара, и сообщили, что у них есть неопровержимые доказательства его участия в “заговоре” против “новой Венгрии”. Они показали ему записи сфабрикованных признаний Белы Ковача, генерального секретаря партии, арестованного за участие в антисоветском заговоре и месяц назад отправленного в Советский Союз. Устрашившись такой участи, Богнар поставил подпись под документом и также стал одним из высокопоставленных осведомителей УГБ**.

мом и коммунизмом, 1944–1948] (Budapest: Századvég, 1998), 373–381. Несмотря на то, что в заголовке значится период 1944–1948 годов, в книге, среди прочего, рассматривается история венгерской политической полиции вплоть до середины 1950-х годов. См. с. 159–191.

* R. Gábor. *Az igaz szociáldemokrácia*, 165.

** Там же, 168. Человек безусловно одаренный, Богнар продолжил работать в правительстве, занимая, в сталинистскую эпоху, пост минист-

Вторая половина 1947 года выдалась для Мак-Каргара особенно сложной. Согласно большинству исторических работ, именно в 1947-м относительный плюрализм в Венгрии уступил место однопартийному правлению и послевоенная демократическая интерлюдия подошла к концу. В период с 1945 по 1947 год Венгрия прошла через свободные выборы (в 1945-м) и парламентские дебаты, в стране развивалась система частного предпринимательства и работала свободная пресса*. Иные историки, указывая на присутствие в стране Красной армии, экономическую эксплуатацию Венгрии Советским Союзом и деятельность политической полиции, защищавшей преимущественно интересы коммунистической партии, утверждают, что демократический период был миражом с самого начала**. Однако все авторы единодушны в том, что к 1947 году недолговечный период плюрализма закончился: партия мелких хозяев раскололась, что привело к поражению некоммунистических сил на фальсифицированных выборах 31 августа того же, 1947, года. Для Мак-Каргара, поддерживавшего тесные связи с оппозицией, вопрос заключался теперь в спасении и помощи тем людям, которые сотрудничали с ним и стремились покинуть страну. Он обратился к вышестоящим лицам за санкциями, и

ра торговли. Однако во время восстания 1956 года он вошел в кабинет министров Надя. Говорят, что после подавления восстания министерский портфель предложил ему и Янош Кадар. Согласно бытовавшим в Будапеште слухам, Богнар позвонил жене и попросил ее приготовить ему темный костюм для церемонии приведения к присяге. Жена якобы ответила Богнару, чтобы он не снимал костюма, потому что тот пригодится ему на следующий день — на ее похоронах. Так или иначе, но Богнар не вошел в правительство Кадара. Спустя много лет, в конце 1970-х и в 1980-х годах я неоднократно встречался с Богнаром в Будапеште и Нью-Йорке, но у меня так и не хватило духа справиться о правдивости этой истории.

* См.: Charles Gati. *Hungary and the Soviet Bloc* (Durham, N.C.: Duke University Press, 1986). См. классическую работу Збигнева Бжезинского: Zbigniew Brzezinski. *The Soviet Bloc: Unity and Conflict*, rev. ed. (New York: Praeger, 1961). Бжезински сообщает, что даже в 1948 году лишь половина промышленных рабочих Венгрии были заняты в государственном секторе; остальные по-прежнему работали на частных предприятиях. Там же, с. 100.

** См., например: László Borhi. *Hungary in the Cold War 1945–1956* (Budapest: Central European Press, 2004).

ему было позволено оказать помощь двадцати пяти человекам. Мак-Каргар сообщает, что в последние четыре месяца 1947 года ему удалось переправить на Запад шестьдесят семь известных венгров. В это время Пфайфер, предоставлявший Мак-Каргару протоколы заседаний правительства, уехал в Австрию, а затем в США. С помощью шахтеров, симпатизировавших социал-демократам, удалось достичь Австрии и Пейеру буквально за день до того, как контролируемый коммунистами венгерский парламент лишил его иммунитета. Пейер в конечном итоге также перебрался в Соединенные Штаты*.

Двадцать второго сентября 1947 года к Мак-Каргару обратились с весьма необычной просьбой. Пришедший к нему на квартиру зять президента Тилди Виктор Чорноки просил его помочь переправить за границу Тилди и всю его семью. *Президент республики готов был бежать из страны!* Ранее коммунисты потребовали от Тилди, чтобы тот подтвердил законность августовских выборов. Тилди было известно, что выборы сопровождались массовой фальсификацией. Он считал, что его политический конформизм исчерпал себя. Публично признав результаты выборов, Тилди стремился уехать на Запад и там рассказать правду о событиях в Венгрии.

Мак-Каргар был до крайности удивлен. Его обуревали противоречивые чувства. С одной стороны, он считал Тилди политиком слабым и чересчур осторожным перед лицом советской угрозы. С другой стороны, он понимал, что его побег может стать заметным событием в начавшейся холодной войне. «Я был необычайно взволнован, — писал позже Мак-Каргар. — Поведение Тилди в предшествовавшие два года трудно было извинить, но, тем не менее, он был президентом Венгрии. Один

---

* Пейер и Эдмунд покинули Венгрию как нельзя более вовремя. Почти сразу после их отъезда одна из их переводчиц показала под давлением, что Эдмунд снабжал Мак-Каргара подробной информацией о венгерской тайной полиции. Основываясь на ее показаниях, власти в феврале 1948 года провели заочный суд над Пейером и тринадцатью его сотрудниками. Пейер получил восемь лет тюрьмы, а Эдмунда, за передачу секретов УГБ Соединенным Штатам, приговорили к казни через повешение. По данным на 2005 год, Эдмунд все еще проживал в пригороде Вашингтона. Пейер умер своей смертью в Нью-Йорке 25 октября 1956 года, то есть на третий день венгерского восстания. Ему было семьдесят пять лет.

этот поступок [его побег] при умелом манипулировании мог бы компенсировать многие его ошибки; международный резонанс этого события был бы огромен**». Начальство немедленно согласилось, сообщает Мак-Каргар, что ему следует помочь Тилди уехать за границу.

Виктор Чорноки представил Мак-Каргару список из одиннадцати человек — Тилди, его жены и девяти родственников, включая самого Чорноки, — которые должны были образовать эту группу высокопоставленных политических беглецов. После консультаций со своим помощником Оливером Гаррисом, работавшим под кодовым именем «Гай», Мак-Каргар заключил, что Тилди и его семья не смогут беспрепятственно покинуть Будапешт — политическая полиция следила за ним круглые сутки. Поэтому он посоветовал Чорноки перевезти всю семью в президентский дом отдыха на озере Балатон. Однако вскоре возникли трудности. Чорноки увеличил число членов семьи, которых хотел взять с собой Тилди, с одиннадцати до четырнадцати человек, в то время как венгерский помощник Мак-Каргара настаивал, что на другой берег озера (где поджидавшие машины отвезли бы беглецов в безопасные дома, а затем, в подходящий момент, переправили их через австро-венгерскую границу) можно без большого риска перевезти не более восьми человек.

Обсудив ситуацию с Тилди, Чорноки заявил Мак-Каргару, что, хотя президент по-прежнему хочет бежать на Запад, он не покинет страну без всей своей семьи, то есть без указанных четырнадцати человек. Мак-Каргар ответил, что в условиях круглосуточной слежки со стороны УГБ такая группа беглецов подвергнет президента неоправданному риску. Так в конце концов Тилди остался в Венгрии. Он пробыл президентом до 1948 года, когда его посадили под домашний арест, продлившийся восемь лет. Чорноки же в 1948-м арестовали и казнили за валютные махинации и попытку вступить в контакт с западной разведслужбой в Египте.

Мак-Каргар, в свою очередь, вернулся в Соединенные Штаты**. После недолгого пребывания в Калифорнии он принял

---

* McCargar. *Short Course*, 237.

** «Пруд», в интересах которого Мак-Каргар действовал в Будапеште, просуществовал еще несколько лет. К тому времени донесения этой группы стали настолько недостоверными, что ни один из ее прежних

предложение Госдепартамента поработать в новообразованном Офисе политической координации. И в течение нескольких лет был ответственным за операции ОПК на юго-востоке Европы, включая Венгрию. В ОПК и позже, в Париже, получив высокую должность в Национальном комитете свободной Европы (связанном, но не тождественном радио “Свободная Европа”), он продолжал интересоваться Венгрией, венграми и венгерским вопросом*.

3

В Вашингтоне Мак-Каргар возглавил операционный отдел Офиса политической координации по Юго-Восточной Европе. ОПК, сформированный в июне 1948 года, преследовал задачи ослабления коммунистических режимов в Восточной Европе, в частности их связей с Советским Союзом (сбором информации занимался Офис особых операций, объединенный с ОПК в 1952 году). Восточной Европой занималось и еще одно ведомство — Корпус контрразведки, входивший в состав военного министерства. Поначалу его функции состояли в отслеживании и поимке нацистов и фашистов, однако вскоре после окончания войны Корпусу контрразведки было поручено также посылать агентов за железный занавес для сбора сведений о военных объектах в СССР и на территории стран-сателлитов.

спонсоров — Госдепартамент, Пентагон и, позже, ЦРУ, — не хотел ее финансировать. Полковник Громбах предложил свои услуги Конгрессу и ФБР, но получил отказ. Не вынеся вынужденной отставки и испытывая глухую вражду к ЦРУ, Громбах предложил информацию о якобы состоявшихся в компартии высокопоставленных чиновниках американской администрации сенатору Маккарти, но от него отвернулся даже Маккарти. В 1955 году «Пруд» перестал существовать. О последних годах этой организации — Мак-Каргар давно перестал в ней работать, а сама организация, похоже, уже не занималась Венгрией или Восточной Европой — см.: M. Stout. *The Pond*, 75–82.

* См.: Remarks of James McCargar at the International Conference, ‘Hungary and the World, 1956: The New Archival Evidence,’ at Budapest, September 1996, to the Radio Free Europe panel. См. также большое интервью с Мак-Каргаром: Their Man in Budapest: James McCargar and the 1947 Road to Freedom. // *Hungarian Quarterly* 42, № 161 (Spring 2001): 38–62. В 1992 году Мак-Каргар получил высокую награду от венгерского правительства.

Основанный по решению Национального совета безопасности, ОПК в первое время был самостоятельным ведомством: в мирное время он был подотчетен отделу политического планирования Госдепартамента, во время войны — Комитету начальников штабов. Хотя до 1950 года его отношения с ЦРУ были очерчены неясно, ОПК всегда располагался в том же комплексе зданий, что и ЦРУ; после 1950 года политические указания ОПК давал только шеф ЦРУ. Основанный согласно сверхсекретной директиве НСБ 10/2*, ОПК был призван дать ответ на “злонамеренную шпионскую деятельность СССР, стран-сателлитов и коммунистических групп, направленную на дискредитацию и подрыв целей и деятельности США и других западных держав”. Огромные полномочия, которыми был наделен ОПК, проявились со всей очевидностью, когда его первый директор Фрэнк Уиснер сообщил директору ЦРУ контр-адмиралу Роско Хилленкеттеру об “общей программе” ОПК. Эта программа, воспроизведенная ниже полностью, содержала поистине грандиозные планы**.

Функциональная группа I — Психологическая война
Программа А — Пресса (периодическая и непериодическая)
Программа В — Радио

* Michael Warner, ed. *The CIA under Harry Truman* (Washington, D.C.: Center for the Study of Intelligence, 1994), 213–216. Этот документ считался настолько секретным, что на его титульном листе значилась следующая надпись (подчеркнуто в оригинале): “При обращении с документом соблюдать особые меры предосторожности. Каждому члену Совета рекомендуется возратить экземпляр документа в кабинет исполнительного секретаря, где он будет доступен по запросу”. Тем не менее уже через два месяца, 22 августа 1948 года, “Правда” сообщила, что США учредило особое ведомство “для саботажа и терроризма в Восточной Европе”. См.: P. Grose. *Operation Rollback*, 121. Вероятнее всего, Кремль узнал об учреждении сверхсекретного ОПК благодаря Киму Филби, британскому агенту, ставшему советским шпионом. В самих США об ОПК знали тогда не более двух десятков людей.

** См.: Memorandum from the Assistant Director for Policy Coordination (Wisner) to Director of Central Intelligence Hillenkoetter (October 29, 1948), в сборнике *Foreign Relations of the United States, 1945–1950: Emergence of the Intelligence Establishment* (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1996), 730–731.

Программа С — Разное (прямые рассылки, анонимные письма, слухи и пр.)
 Функциональная группа II — Политическая война
 Программа А — Поддержка сопротивления (подполье)
 Программа В — Поддержка перемещенных лиц и беженцев
 Программа С — Поддержка антикоммунистов в свободных странах
 Программа D — Поддержка отступников и перебежчиков
 Функциональная группа III — Экономическая война
 Программа А — Торговые операции (тайные закупки, манипулирование рынком и операции на черном рынке)
 Программа В — Фискальные операции (валютная спекуляция, подделка денежных знаков)
 Функциональная группа IV — Превентивные прямые действия
 Программа А — Поддержка партизан
 Программа В — Саботаж, контрсаботаж и уничтожение объектов
 Программа С — Эвакуация
 Программа D — Поддержка агентов-“кротов”
 Функциональная группа V — Разное
 Программа А — Организация фронтов
 Программа В — Военные планы
 Программа С — Управление
 Программа D — Разное

Как явствует из вышеизложенного, на деятельность ОПК не налагалось практически никаких ограничений — запрещено было разве что развязывать третью мировую войну. Директива 10/2 НСБ гласила, что деятельность ОПК “не должна охватывать вооруженные конфликты с участием идентифицируемых военных подразделений, шпионаж, контршпионаж, а также прикрытие военных операций”. Кроме того, НСБ предписывал, что деятельность ОПК должна “планироваться и осуществляться таким образом, что... если она будет раскрыта, правительство США могло бы правдоподобным образом отказаться от всякой ответственности за эти действия”*

* M. Warner. *CIA under Harry Truman*, 216.

Хотя главой новой организации стал Фрэнк Уиснер — ветеран Офиса стратегических служб, в последние годы Второй мировой занимавшийся оперативной работой в Румынии, фактическим вдохновителем ОПК был Джордж Ф. Кеннан, один из виднейших американских советологов, которого называли отцом доктрины сдерживания. Защитник принципов реалистичной политики в отношениях с СССР и сторонник доктрины Трумэна, предполагавшей сдерживание советской экспансии, но не прямую конфронтацию, Кеннан, тем не менее, тайно выступал за отпор советскому влиянию. Летом 1948 года, когда был основан ОПК и формировалась внешнеполитическая доктрина США, Кеннан утверждал, что главной целью Соединенных Штатов должно быть “содействие превращению соответствующих восточноевропейских стран в независимых участников международной политики”. Второй целью, согласно Кеннану, было содействие объединению региона Балтийского моря, что “позволит возродить национальную жизнь [в данном регионе]”. Третьей целью называлась необходимость подрывать доверие к Москве методами психологической войны и “любимыми иными находящимися в нашем распоряжении способами”. Наконец, четвертой, наиболее общей и амбициозной целью, было “создание ситуаций, которые заставили бы советское руководство признать практическую нецелесообразность действий на основе существующих концепций”*

У подобного подхода была альтернатива, которую недолгое время в 1948 году (и позже, в середине пятидесятых) рассматривали вашингтонские политики, включая самого Кеннана: речь идет о «национал-коммунистическом» сопротивлении советской гегемонии. Пример подала Югославия Тито. Поначалу США относились к расколу между Тито и Сталиным как к туманным идеологическим дебатам в среде коммунистов, не имев-

* Меморандум Кеннана, озаглавленный “Цели США в отношении России” от 2 августа 1948 года был подготовлен для состоявшегося в тот день заседания Совета национальной безопасности. Данный меморандум рассматривается в работе Митровича: *Undermining the Kremlin*, 15–46. См. также: P. Grose. *Operation Rollback*, 87–99. Позиция Кеннана по ряду существенных политических вопросов была двойственной. Он открыто пишет в своих воспоминаниях, что одобрял содержание, но не “тональность” доктрины Трумэна. См.: George F. Kennan. *Memoirs, 1925–1950* (Boston: Atlantic–Little, Brown, 1967), 25–50.

шим геополитического значения. Однако после того как Коминформ (преемник Коминтерна) в июне 1948 года исключил из своих рядов Югославию, Вашингтон стал присматриваться к происходящему внимательнее. Разумеется, югославская диктатура не воспринималась как привлекательная модель развития для Центральной и Восточной Европы, однако стало очевидно, что отход Тито от Советского Союза — реальность. Хотя никто из американских должностных лиц не заходил так далеко, чтобы считать “врага своего врага” другом, администрация Трумэна начала осуществлять преференциальный курс в отношении Белграда и готовилась оказать содействие схожим национал-коммунистическим режимам, если таковым суждено было появиться на свет. Джордж Кеннан проницательно заметил, что “аура таинственного всеисилия и непогрешимости, окружавшая кремлевскую власть, прорвана”. Он добавил, что “возможность бегства от Москвы в той или иной форме отныне будет присутствовать в мыслях каждого [восточноевропейского лидера]”*. В начале 1949 года Кеннан сказал, что у Тито, если он ослабит диктатуру в стране, может не хватить сил противостоять Кремлю, а это достойно всяческого сожаления. “Тито сегодня это, наверное, наше самое большое достояние в борьбе за сдерживание и ослабление русской экспансии”, — писал Кеннан**.

Позицию Кеннана в отношении хитросплетений коммунистической политики поддерживали некоторые высокопостав-

* The Attitude of this Government toward Events in Yugoslavia, PPS/35, dated June 30, 1948, в сб.: *State Department Policy Planning Staff Papers* (New York: Garland Press, 1983), vol. 2 (1948), 317–321. Впрочем, иногда Кеннан отзывался о перспективах перемен в Восточной Европе с большим скепсисом. Отвечая на вопрос из аудитории после одной из лекций в Военном колледже, Кеннан устало ответил: “Дело в том, что в Восточной Европе у нас нет возможностей идти дальше разговоров. ... Нам остается только заявлять о своей позиции”. Daniel Yergin. *Shattered Peace: The Origins of the Cold War and the National Security State* (Boston: Houghton Mifflin, 1977), 255. Об эволюции взглядов Кеннана см.: Wilson D. Miscamble. *George F. Kennan and the Making of American Foreign Policy, 1947–1950* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1992); в особенности гл. 6 “Titoism, Eastern Europe, and Political Warfare”.

** Economic Relations between the United States and Yugoslavia, PPS/49, dated February 10, 1949, в сб.: *State Department Policy Planning Staff Papers*, vol. 3 (1949), 20–24.

ленные лица как в администрации Трумэна, так и в правительстве Эйзенхауэра — с идеей оказания поддержки титоизму заигрывал даже госсекретарь Даллес. Тем не менее Соединенным Штатам не удалось сколько-нибудь действенным образом повлиять на отношения внутри или между коммунистическими партиями. Не существует свидетельств того, что американская разведка стремилась к “созданию” титоистов или вбиванию клина между лидерами различных компартий. Люди, которых в Болгарии, Венгрии и Чехословакии сороковых и пятидесятых годов обвиняли в пособничестве титоизму или американскому империализму (или тому и другому), в действительности были верными просоветскими коммунистами, и показательные процессы над ними преследовали цель запугать коммунистов и беспартийных призраком врага. “Свидетельства” против них *не* были сфабрикованы ЦРУ. Исключение составляло только “дело Сланского”, когда, согласно разработанной западными спецслужбами роковой схеме, Рудольфа Сланского, генерального секретаря чехословацкой компартии, обвинили в антикоммунистическом заговоре, а затем судили и казнили в 1952 году. Этот план, в центре которого был подложный документ о связях Сланского с западной разведкой, был осуществлен чехословацкой эмигрантской группой под названием ОКАПИ, самостоятельно действовавшей в Западной Германии*. ОКАПИ стремилась посеять раздор в руководстве чехословацкой компартии и таким образом ослабить режим. Впрочем, “успех” операции по дискредитации Сланского превзошел самые смелые ожидания ОКАПИ.

В свою очередь, ОПК, пользуясь полномочиями, данными ему согласно директиве НСБ 10/2 и пытаясь осуществить грандиозные замыслы Уиснера, инициировала (например, в Алба-

* Igor Lukes. The Rudolf Slanský Affair: New Evidence. // *Slavic Review* 58, № 1 (Spring 1999): 16–187. Лукес сообщает, что офицеры американской разведки, которые узнали об операции ОКАПИ только после того как в ноябре 1951 года роковое для Сланского письмо было переправлено в Чехословакию, “пришли в ярость”. Однако не вполне ясно, пришли ли они в ярость потому, что не одобряли операцию ОКАПИ или же потому, что не знали о ней заранее. Достоверно лишь то, что КАР (Корпус армейской разведки США) прервал всякие отношения с ОКАПИ еще до казни Сланского. О связях ОКАПИ с ЦРУ ничего не известно.

нии) или поддерживала (например, в Польше) ряд тайных операций, однако ни одна из них не увенчалась успехом. К слову, в Венгрии не было даже попыток таких операций.

Спланированная совместно американцами и британцами высадка албанских эмигрантов в 1949 году была первой и единственной попыткой западной “интервенции” против правительства страны, входившей в советский блок (Лондон называл ее операцией “Драгоценность”). Эмигранты прошли подготовку на Мальте, в Риме и в Афинах — обучение проводилось главным образом офицерами британского разведывательного ведомства МИ-6 на деньги ОПК. Со стороны американцев, то есть ОПК, руководство операцией осуществлялось Уиснером, Френком Линдси, Майклом Берком*, Джоном Ричардсоном (который позже стал главным представителем ЦРУ в Вене, а затем в Сайгоне)** и Мак-Каргаром. Фактически именно последний занимался операцией на постоянной основе: он поддерживал связь с британцами через их вашингтонского представителя и через Кима Филби, оказавшегося советским двойным агентом***. Если бы отрядам эмигрантов уда-

* См.: Michael Burke. *Outrageous Good Fortune* (Boston: Little, Brown, 1984).

** Ср.: John H. Richardson. *My Father the Spy: An Investigative Memoir* (New York: HarperCollins, 2005).

*** Насколько мне известно, ЦРУ до сих пор не признало самого факта албанской операции. Наиболее полная работа по этой теме написана Николасом Бетеллом: Nicholas Bethell. *Betrayed* (New York: Times Books, 1984). См. также: John Prados. *Presidents' Secret Wars: CIA and Pentagon Covert Operations from World War II through Iranscram* (New York: Quill / William Morrow, 1986), 45–52; Grose. *Operation Rollback*, 154–159 и Michael W. Dravis. *Storming Fortress Albania: American Covert Operations in Microcosm, 1949–1954*. // *Intelligence and National Security* 7, № 4 (1992), 425–442. Интересные детали и критические замечания содержатся в работе дочери Френка Уиснера: Elizabeth W. Hazard. *Cold War Crucible* (Boulder, Colo.: East European Monographs, 1996). Британский взгляд на этот эпизод холодной войны представлен в работе Стивена Доррила, каковая, впрочем, иногда опирается на неназванные или спорные источники: Stephen Dorril. *MI6: Inside the Covert World of Her Majesty's Secret Intelligence Service* (New York: Simon & Schuster / Touchstone, 2002), 355–403. Об албанской операции я знаю также из бесед с Джеймсом Мак-Каргаром, которого Бетелл называет “американским командующим” албанской операции.

лось свергнуть албанский режим, во главе которого стоял зловещий диктатор и, на то время, верный союзник Кремля Энвер Ходжа, попытки таких операций предполагалось повторить в других странах-сателлитах СССР. Уиснер как-то сказал коллеге, что Албания была “клиническим экспериментом, призванным показать, насколько вообще реалистичны операции по освобождению [Восточной Европы]”*. Предполагалось, что опыт антинацистского сопротивления в годы Второй мировой можно применить против коммунистов в послевоенные годы.

Продолжавшаяся пять лет албанская операция обернулась горьким фиаско. Какую бы роль ни сыграл в провале операции Филби**, планы прямой интервенции были обречены на неудачу и по причинам глубинного, системного порядка. Видный британский специалист по Балканам Реджинальд Гибберт более чем через три десятилетия заметил, что было “пустой надеждой ожидать, будто изгнанные националисты, потерпевшие поражение в 1944 году, смогут... поднять восстание против железной диктатуры албанской коммунистической партии после шести лет драконовской социальной инженерии. План операции был разработан и осуществлен людьми, не сумевшими понять революционные силы, которые в 1944 году привели к вла-

* Цит. По: J. Prados. *Presidents' Secret Wars*, 46.

** Несмотря на собственные рассказы Филби и множество работ о нем, неизвестно, какие именно указания давали ему советские хозяева и верил ли его отчетам Сталин. Возможно, что Филби и не сообщал о подробностях албанской операции. В противоположность некоторым авторам (см., в частности, William R. Carson. *The Armies of Ignorance: The Rise of the American Intelligence Empire*. New York: Dial Press, 1977), программа ОПК или ЦРУ Редсокс не была связана с Албанией или Восточной Европой. Нет никаких свидетельств в пользу того, что, согласно Карсону (цит. соч., с. 369), “венгерским революционерам оказывали помощь силы Редсокс/Редкепс”. Проводившаяся с 1949 по 1959 год программа Редсокс состояла в организации нелегального перехода через границу и была направлена исключительно против СССР. Из восьмидесяти пяти таких миссий по пересечению границы шестьдесят два человека (засланные агента) пропали, были схвачены или убиты. CIA, *Clandestine Service Historical Series (CSHP 98)*, Jul 1971; части, рассекреченные под названием MORI DocID: 1161460 в декабре 2004 г.), *The Illegal Border-Crossing Program 1946–1959*, appendix B.

сти Ходжу и КПА [коммунистическую партию Албании]”. Схожим образом высказался еще один видный британский эксперт по оборонным вопросам Джон Киган: “Это страшная история, и она еще более печальна потому, что в противоположность надеждам вдохновителей и организаторов операции, албанские, так же как и югославские, коммунисты, знали, как строить будущее своей страны гораздо лучше, чем кучка романтических зануд с приличным образованием и неограниченным доступом к взрывчатке”*.

ОПК, формально слившись с ЦРУ в августе 1952-го, причем Уиснер продолжал руководить оперативной деятельностью организации, попыталось осуществить еще одну масштабную диверсионную акцию против советского блока. Она состояла, среди прочего, в широкой финансовой поддержке польского подполья, которое, по мнению ОПК, вело борьбу с советским режимом. «Движение за свободу и независимость Польши» (известное по польской аббревиатуре как ВиН), выросло из польской добровольческой армии в 1945 году при поддержке Великобритании и якобы насчитывало 500 активистов, 20 000 сочувствующих и около 100 000 потенциальных сторонников. Однако вследствие инфильтрации в эту организацию своих агентов и планомерной ликвидации ВиНа коммунистическими властями, к 1952 году польское подполье превратилось в миф. ВиНа больше не существовало. Переданные агенту ОПК в Лондоне фотографии, на которых были запечатлены успешные операции по саботажу, например взорванные танки и сожженные казармы, были подделкой. Польская тайная полиция прикарманила выделенный ОПК миллион долларов золотом. В декабре 1952 года радио “Варшава”, захлебываясь, передало рассказ о “западной разведке и ВиНе”, не только протестуя против вмешательства американцев во внутренние дела Польши, но и издеваясь над их наивностью. Стремясь уязвить Вашингтон побольнее, поляки не переставали муссировать этот сюжет несколько недель. Весть о том, что польская контрразведка почти четыре года водила ОПК за нос, была тем более болезненной, что, как отмечает Эван Томас, она пришла почти сразу после “одного из величайших предательств холодной войны — веро-

* См.: S. Dorril. *MI6*, 402.

ломства Кима Филби”*. (Меньше, чем через два года удача улыбнулась ЦРУ. Американская разведка приняла и опросила подполковника Йозефа Святло, первого высокопоставленного перебежчика из польской тайной полиции, который на радио “Свободная Европа” рассказал польской аудитории все, что он знал.)

Не вполне ясно, в какой мере Френк Уиснер сознавал, что случилось с его планами в Албании или в Польше. С другой стороны, он, как и большинство американцев, горячо верил, что Соединенным Штатам предуготована особая роль в спасении мира от коммунистов. Учитывая его опыт работы в Офисе стратегической службы в Румынии в конце Второй мировой войны, он питал глубокий интерес к будущему Восточной Европы. Наконец, судьба подпольной деятельности интересовала его и как чиновника. Бюджет его ведомства, большая часть которого во время и после корейской войны расходовалась на операции на Дальнем Востоке, а не в Восточной Европе, вырос с 4,7 миллиона долларов в 1947-м до почти 82 миллионов в 1952 году; а фонд заработной платы возрос с 302 000 долларов в 1949-м до 2 182 000 долларов в 1952-м (не считая 3142 человек, работавших по контракту за границей)**.

При этом Уиснер был мыслящим человеком с серьезными антикоммунистическими убеждениями, а не психопатом вроде Маккарти. В Джорджтауне, где он жил с семьей, Уиснер окружил себя друзьями, известными, уважаемыми американцами, среди которых были Чарльз (Чип) Болен, братья Элсоп, Филип Грэм и его семья, владельцы “Вашингтон пост”. Все они принадлежали к политической элите, признававшей советскую угрозу***. Тем не менее джорджтаунская группа с презрением относилась к маккартистскому крылу республиканской партии, искавшей в Америке козлов отпущения; Мак-

* Evan Thomas. *The Very Best Men: Four Who Dared—The Early Years of the CIA* (New York: Simon & Schuster / Touchstone, 1995), 68.

** M. Warner. *CIA under Harry Truman*, xxv.

*** См. замечательную работу Эвана Томаса об Уиснере и его окружении: E. Thomas. *Very Best Men*. О духе, царившем в то время в салонах Джорджтауна, я узнал также от одного из сыновей Уиснера Эллиса Уиснера (интервью 25 марта 2005 г.) и от дочери посла Болен Авис Болен (интервью 20 июня 2005 г.).

карти, считали они, скорее схватит простуду, чем советского шпиона*.

Очевидно, раздираемый между желанием сохранить ведомство и стремлением избежать еще одной Албании или Польши, Уиснер поступил так, как и следовало ожидать от вашингтонского чиновника: в 1952 году он сократил “восточноевропейские операции примерно на треть”**. Он понимал, что влияние

---

* Я вспоминаю, с немалым смятением, как у меня формировалось представление об американских политиках. В начале 1950-х, когда я заканчивал среднюю школу, венгерские газеты были полны ядовитыми выпадами в адрес сенатора Джозефа Маккарти за его «истерический» антикоммунизм. Учитывая ненависть к Маккарти коммунистической пропагандистской машины, я полагал (в той мере, в какой я вообще об этом задумывался), что он — славный малый. То есть Маккарти якобы поступал правильно, а коммунисты его за это ненавидели. Спустя годы, обособившись в Соединенных Штатах и познакомившись с недавней историей Америки, я, разумеется, избавился от ребяческого восторга перед этим лицемером и самозванцем, сколотившим политический капитал на страхе людей перед коммунизмом. Мой случай показывает, что людям, жившим за железным занавесом, следовало подвергать сомнению не только риторику в коммунистической прессе, но и, зачастую, противоположные утверждения. (Я благодарен Юлиусу Варалье за это замечание.) Прошли годы, прежде чем я научился оценивать политиков в США и в других странах не на основе эмоционального удовлетворения, которое могли мне принести их лозунги, но на основе рациональных ожиданий от их деятельности. Сложно поверить, что для смягчения разрушительных последствий маккартизма потребовались годы. Когда я начал преподавать в начале 1960-х годов, в университетских кругах все еще царили нравственное разложение и страх. Люди порядочные все еще не могли открыто отвергать маккартистские инсинуации: им приходилось занимать “ответственную позицию” между протестом и уступчивостью. Как пишет Джеймс Гершберг, Джеймс Б. Конант, ректор Гарвардского университета в эпоху маккартизма олицетворял “кризис либеральной системы образования, стремившейся установить равновесие между принципами академической свободы и догматами холодной войны”. См. замечательную работу Гершберга: James G. Hershberg. *James B. Conant: Harvard to Hiroshima and the Making of the Nuclear Age* (New York: Alfred A. Knopf, 1993), в особенности главу 31, “McCarthyism and the Crisis of the Liberal Educator 1950–1953”.

** Dorril. *MI6*, 400. Уолтер Смит, директор ЦРУ, так объяснял недавние неудачи разведки высшему руководящему составу управления: “Директор, упомянув, что ЦРУ недавно испытало трудности в разных регионах мира, отметил, что эти трудности происходят главным обра-

Кремля в странах-сателлитах столь велико, что у него почти не осталось шансов воплотить в жизнь грандиозные планы, очерченные в приведенном выше меморандуме от 29 октября 1948 года, который был адресован шефу разведки. Хотя сердцем он все еще хотел дать отпор коммунистическим силам в Европе, особенно в Румынии, теперь его внимание переключилось на Дальний Восток — притом что республиканцы продолжали громогласную кампанию за освобождение Восточной Европы. В действительности, вопреки общепринятым представлениям, при Трумэне американская разведдеятельность в Европе была гораздо более динамичной, чем при Эйзенхауэре. Как уже отмечалось в главе 1, основной целью республиканцев было, похоже, изгнание демократов из Вашингтона (в чем они преуспели), а не освобождение Восточной Европы от советского владычества (что им не удалось).

Френк Линдси, заместитель Уиснера, извлек гораздо больше уроков из неудач в Албании и Польше. Линдси, сыгравший важную роль в тайных операциях США во время и после Второй мировой войны, в 1953 году оставил ЦРУ, заняв руководящую должность в фонде Форда. Уходя в отставку, он составил длинный меморандум на имя Уиснера и Аллена Даллеса, к тому времени занимавшего пост заместителя директора ЦРУ, в котором предупреждал, что “план отбрасывания коммунистов в Восточной Европе не сработает”*. “Френк, так нельзя говорить”, — увещевал его Даллес, призывая Линдси изменить

зом из использования плохо обученных агентов. Он заявил, что до тех пор пока ЦРУ не сможет нарастить резерв высококвалифицированных кадров, разведке необходимо ограничиться проведением ограниченного числа операций, которые имеют все шансы на успех, а не пытаться охватить широкое поле, не имея должных навыков”. Minutes of Meeting [on] Monday, 27 October 1952, in *CIA under Harry Truman*, ed. Warner, 469–470.

* Интервью Линдси для Программы устной истории ЦРУ, см. прим. **** на с. 94. В телефонном интервью автору (18 августа 2005 г.) Линдси подтвердил справедливость своего заключения. По его словам, приведенным в работе Эвана Томаса, он “начал сомневаться в том, что железный занавес можно отбросить на восток. Так или иначе, это было время мира, а не войны. То, что срабатывало против немцев, не работало против русских; русские казались неуязвимыми. Надо было отступить и хорошенько все продумать”. E. Thomas. *Very Best Men*, 71.

текст*. Согласился ли Линдси внести соответствующие изменения или нет, но этот окончательный девятистраничный меморандум по-прежнему читается как резкое опровержение самой *возможности* привнести в советский блок системные изменения: “Средства, которые предлагаются ныне для ослабления советской власти, неадекватны и неэффективны в отношении советской политической системы”, — писал Линдси. “Сплоченное коммунистическое государство, посредством полицейского и политического контроля, пропаганды и провокаций, сделало практически невозможным существование организованного тайного сопротивления, способного в обозримом будущем существенно ослабить власть государства”**. Разумеется, эти слова не пришлись по вкусу ни Аллену Даллесу, ни, в особенности, Джону Фостеру Даллесу, честолюбивому госсекретарю-республиканцу, известному стороннику доктрины освобождения.

Что касается Венгрии, то здесь ОПК/ЦРУ поставило несколько относительно скромных целей, соответствовавших американским интересам в регионе.

Цели ЦРУ в Венгрии основывались на разумной оценке возможностей. Среди благоприятных факторов называлась неприязнь венгров к коммунизму, а также признаки “недовольства, разочарования и оппортунизма” в коммунистической партии***. К неблагоприятным с точки зрения планируемых операций факторам относились “господство в стране” политической полиции и советских войск и “вероятность вмешательства Красной армии при реальной угрозе свержения правительства”****. В этих условиях следовало “расширять местную оппозицию по всей стране на основе римско-католической веры и сопротивления крестьян коллективизации”*****.

* Peter Grose. *Gentleman Spy: The Life of Allen Dulles*, 356.

** Там же.

*** CIA, *CSHP 323*, vol. 2, 32.

**** Там же.

***** Там же, 32–33. Ср.: Anti-Communist Resistance Potential in the Sino-Soviet Bloc (National Intelligence Estimate 10-55), April 12, 1955, http://www.foia.cia.gov/docs/DOC_0000269420_0003.gif. В этом важном отчете разведки говорится, что в Венгрии “пассивное сопротивление... промышленными и сельскохозяйственными рабочими препятствует попыткам режима построить сильную, жизнеспособную экономику”.

К ранним методам психологической войны следует отнести рассылку “серийных” писем (их посылали из Швейцарии и из самой Венгрии), которые были призваны побуждать молодых венгров покидать страну (при этом документы ЦРУ гласят, что “нет доказательств того, что попытки побудить венгерскую молодежь к отъезду увенчались успехом”)*. Иные письма, подготовленные в США, рассылались в Будапеште коммунистическим чиновникам, вероятно для того, чтобы вызвать смущение в партийных рядах. В ноябре 1955 года советский посол Андропов докладывал в Москву, что Ракоши получает множество подписанных и анонимных писем, содержащих “компрометирующие материалы” на его коллег и на него самого. Ракоши утверждал, что “вражеские элементы” будут счастливы, если его сместят с поста генсека**.

ЦРУ стояло также за четырьмя периодическими изданиями, поступавшими в Венгрию из-за границы: “Бузакерест” (“Скирда пшеницы”), антикоммунистическим шестистраничным ежемесячником; “Мадьяр комуништа” (“Венгерский коммунист”), изданием с титоистской направленностью; “Тоборзо” (“Вербовщик”), националистическим изданием, ориентированным на крестьянство; и “Мадьяр Йёвё” (“Венгерское будущее”), 150 экземпляров которого были сфабрикованы таким образом, чтобы показать, будто это издание было одобрено венгерскими властями***. Когда коммунистическая пресса, включая “Сабад Неп”, опубликовала резкий официальный протест, ЦРУ сочло, что его программа работает. Неизвестно, было ли это так на самом деле, ведь вся почта с Запада перлюстрировалась цензорами. Возможно, “Сабад Неп” знала, что эти публикации не доходят до читателей, но использовала удобный предлог для усиления “бдительности” против иностранных врагов.

* CIA, *CSHP 323*, vol. 2, 36.

** Интервью Катона, см. прим. ** на с. 14 и прим. **** на с. 94. Пытаясь избежать слежки, Катона выходил из своего дома ночью и бросал письма в почтовые ящики в разных районах Будапешта. В беседе с Андроповым Ракоши мог говорить и об этих письмах. Отчет Андропова приведен в сборнике: *Szovjet nagyköveti iratok Magyarországról 1953–1956: Kiszélfjöv és Andropov titkos jelentései* [Документы советских послов о Венгрии в 1953–1956 гг.: тайные донесения Киселева и Андропова], ed. Magdolna Baráth (Budapest: Napvilág Kiadó, 2002), 260–264.

*** CIA, *CSHP 323*, vol. 2, 37–38.

Что до полувоенных операций на территории Венгрии, у ЦРУ существовали планы использовать Венгерский национальный комитет, эмигрантскую организацию политиков в изгнании, образованную в 1951 году Комитетом свободной Европы и финансировавшуюся ЦРУ. Американская разведка с уважением относилась к председателю этого комитета Беле Варга. Согласно разработанным планам предполагалось учредить “Венгерский трудовой отряд”, который поначалу должен был охранять американские военные склады в Германии, а затем, в будущем, мог быть использован для “других типов деятельности”, направленной против коммунистического режима в Венгрии*. Учитывая, что в состав отряда входило не более шести человек, масштаб подобной операции не мог быть велик, однако ЦРУ предполагало, что отряд “имеет потенциал развивать движение венгерского сопротивления и руководить им”**. Впрочем, не существует доказательств осуществления даже этих, вполне скромных планов.

Что касается сбора разведывательной информации, в доступных мне документах ЦРУ не значится имя офицера разведки, работавшего на США в Будапеште. Однако, согласно утверждениям Гезы Катона, в 1950-х годах он был единственным американским резидентом в Венгрии***. В архивных документах ЦРУ говорится, что “Центр запрещал ему [резиденту] участвовать в операциях”, возлагая на него обязанности по “поддерживающим мероприятиям”, таким как покупка почтовых марок и бумаги, пересылка писем и общие вопросы безопасности****. Многие из тех, кого западные разведслужбы посылали в Венгрию за оперативными сведениями, просто не могли проникнуть в страну. В одном случае, после того как венгерские пограничники поймали агента, пересекшего австро-венгерскую границу, он смог бежать, переплыл реку и пробрался через минное поле, потеряв при этом доверие начальства. История его побега показалась ЦРУ слишком невероятной. Его уволили из разведки, однако позволили поселиться на Западе ввиду отсутствия улики*****.

* Там же, 45.

** Там же, 46.

*** Интервью Катона. См. прим. ** на с. 14 и прим. **** на с. 94.

**** CIA, *CSHP 323*, vol. I, 66.

***** CIA, *CSHP 323*, vol. 2, 54.

Как ЦРУ вообще получало информацию о Венгрии? Представляется вероятным, что, большей частью, сведения доходили до американцев посредством ресурсов РСЕ в Мюнхене (см. раздел 4). Еще одним источником были донесения дипмиссии США, каковые, впрочем, основывались преимущественно на сообщениях венгерской прессы; однако после смерти Сталина и во время первого премьерства Надя сотрудники дипмиссии сумели установить связь с представителями венгерской оппозиции и иных общественных сил. К тому времени, в особенности к концу 1954 года ЦРУ также заручилось обещаниями сотрудничества от венгерских дипломатов в Афинах, Мюнхене и Берлине, но в конечном итоге сообщенные ими сведения оказались “малозначащими или ничтожными”*. В 1953 году в американское представительство в Вене пришел ценный “доброволец”, бывший сотрудник венгерской политической полиции, который, предположительно, дополнил сведения об УГБ, содержащиеся в отчете “Эдмунда” Мак-Каргару в 1947-м. Так или иначе, для получения информации о Венгрии ЦРУ все в большей степени основывалось на сообщениях западной прессы и немногих путешествующих венгров.

Несмотря на ослабление режима внутри страны во время первого премьерства Надя, задача проникновения через австро-венгерскую границу все более усложнялась. В одном донесении ЦРУ говорится: “Хотя работа по поиску, оценке и вербовке потенциальных агентов продолжается, немногие из кандидатов оправдывают ожидания. Например, ...[имя вырезано] был отставлен за ложь; ...[имя вырезано] был отставлен из соображений безопасности, после того, как он был арестован за кражу велосипеда; ...[имя вырезано] был отставлен после того, как провалил тест на полиграфе [детекторе лжи] и в целом был признан несоответствующим оценочным требованиям”**. Возрастающие сложности с проникновением за железный занавес шли параллельно с убыванием интереса в Вашингтоне к восточноевропейским, и в частности венгерским, операциям. В 1953 году ЦРУ закрыло центры подготовки агентов в Западной Европе и прервало весь “трансгранич-

* Там же, 74.

** Там же, 67.

ный” проект*. В небольшом Отделе венгерских операций, располагавшемся в Европе, продолжало работать только “три штатных сотрудника и одна стенографистка”, а в штаб-квартире ЦРУ “венгерский отдел [состоял] из шести офицеров разведки и двух машинисток”**. Несмотря на отсутствие до-

* После политического доклада Хрущева XX съезду КПСС в феврале 1956 года ЦРУ, согласно некоторым данным, вновь открыло центр подготовки агентов в Западной Германии. Некоторые сотрудники ЦРУ возражали против публикации и трансляции на Восточную Европу «тайного» доклада Хрущева до того как полувоенные формирования ЦРУ “будут приведены в готовность”, очевидно предполагая, что их можно использовать, если речь Хрущева вызовет нестабильность в регионе. См.: David Binder. 56 East Europe Plan of C.I.A. is Described. // *New York Times*, 30 ноября 1976 г. Предоставленные мне для изучения документы ЦРУ не содержали свидетельств того, что работа этого центра подготовки была возобновлена в 1956 году. Даже если центр был действительно повторно открыт, это не означает, что среди тех, кто проходил в нем подготовку, были венгры.

** CIA, *CSHP 323*, vol. 2, 70. Здесь следует упомянуть и военную разведку. Американский Корпус армейской разведки (КАР), действовавший после Второй мировой войны в Австрии и Германии, стремился получить информацию о советских и восточноевропейских (в том числе венгерских) военных объектах и подразделениях. Как показывают архивные документы (некоторые из них были рассекречены по моей просьбе в 2004 году), пик деятельности армейской разведки пришелся на первые послевоенные годы и на период после венгерского восстания. После войны армейская разведка занималась поиском военных преступников, нередко используя их в оперативных целях. Так, на военную разведку США работали члены пронацистской партии стреловидного креста, покинувшие Венгрию с отступавшими немецкими войсками, а также представители иных эмигрантских групп с сомнительным происхождением и целями. Корпус армейской разведки установил связи с генерал-майором Андрашем Зако из ультраправой Венгерской ассоциации ветеранов (хотя у того были еще более тесные связи с французской разведкой). Венгерскими делами занимался 430-й отряд КАРа. Лишь немногие из агентов, проникших в Венгрию, сумели вернуться на Запад, а предоставленная ими информация о советских и венгерских военных частях была весьма скудной (например, они сообщали номера армейских грузовиков). Десятки агентов были схвачены советской и венгерской контрразведкой, некоторых судили, иные становились двойными агентами, третьи просто исчезали. За жалкие крохи часто сомнительной информации КАР платил непомерную цену, вербуя агентов, многие из которых были просто неграмотными, пронацистскими хулиганами. Десятки тысяч страниц архивных материалов о КАРе содержатся, в частности, в архивном под-

кументальных свидетельств представляется вероятным, что число венгерских агентов в Западной Европе было тогда значительно выше, чем американских агентов в Венгрии.

Так или иначе, если не считать информационного и пропагандистского вещания “Свободной Европы”, ЦРУ в преддверии восстания 1956-го не вело в Венгрии никаких значимых операций. В отсутствие “кротов” (то есть агентов, создавших себе легальное положение в Венгрии в порядке подготовки к выполнению возможных заданий) американской разведке не на кого было рассчитывать. В период до 1953 года ЦРУ осуществило подготовку нескольких венгерских эмигрантов на случай внутреннего или международного кризиса, однако связь с ними была потеряна; если в 1956 году и проводилась подготовка немногочисленных новых агентов (утверждать это с достоверностью невозможно), они не были готовы к выполнению заданий.

разделении 319 Управления национальных архивов и записей: Record Group 319 (Record of the U.S. Army Intelligence Command), National Archives and Records Administration (College Park, Md.). См. также свидетельства Иштвана Фехервари, венгра, по памяти восстановившего обстановку в неправедных судах и лагерную жизнь в коммунистической Венгрии: István Fehérváry. *Börtönvilág Magyarországon* [Мир тюрем в Венгрии] (Center Square, Pa.: Alpha Publications, 1978). См. также две работы, содержащие весьма разные взгляды на одни и те же события: Ian Sayer and Douglas Botting. *America's Secret Army: The Untold Story of the Counter Intelligence Corps* (New York: Franklin Watts, 1989) и Christopher Simpson. *Blowback: The First Full Account of America's Recruitment of Nazis, and Its Disastrous Effect on Our Domestic and Foreign Policy* (New York: Weidenfeld & Nicholson, 1988). К сожалению, все вышеназванные книги содержат фактические ошибки. Исчерпывающую работу “коммунистических” авторов из венгерского МВД, изучавших дела схваченных и преданных суду агентов КАРа см.: *Az állam biztonsága ellen kifejtett tevékenység és az ellene folytatott harc* [Попытки подрыва государственной безопасности и противодействие им], Архив венгерского МВД, АНМИА, А-1364/2. См. также: Ildikó Zsitnyányi. Egy 'titkos háború' természete: A Magyar Harcosok Bajtársi Községe tagjaival szemben lefolytatott internálási és büntetőeljárás gyakorlat, 1948–1950 [Природа “тайной войны”: практика интернирования и уголовного преследования в отношении членов Венгерской ассоциации ветеранов, 1948–1950]. *Hadtörténelmi Közlemények*, 2002/4, 1086–1101. После советской интервенции в 1956 году деятельность агентов КАРа вновь стала интенсивной: они встречались с сотнями венгров, бежавших в Австрию и Германию; пытались получить данные о военных объектах и частях, а также о лицах, связанных с коммунистическим режимом.

Что до сбора информации, и ЦРУ, и другие государственные ведомства США следили за событиями в Венгрии из Западной Европы, опираясь на источники РСЕ и сообщения прессы, но не на агентурную сеть. Согласно донесениям венгерской разведки, исключениями служили два случая в 1949—1950 и в 1952 годах, когда дипмиссия США в Будапеште получила секретную информацию о годовом бюджете министерства обороны и политической полиции*.

Во время восстания 1956-го (см. главу 5) у ЦРУ не было ни единого венгероговорящего сотрудника в столицах сопредельных с Венгрией западноевропейских стран и только один в Будапеште**. У американской разведки, конечно же, не было боевого отряда, способного проникнуть в Венгрию и помочь восставшим. Более того, если бы ЦРУ приняло решение передать повстанцам оружие или боеприпасы (29 октября штаб-квартира ЦРУ в категорической форме отвергла возможность военной помощи восставшим), эта передача не смогла бы состояться, так как — поразительно! — разведка не имела сведений о “точном местонахождении и характере” оружия, доступного ей в Западной Европе. Похоже, что это оружие “нашли” только в начале декабря 1956-го, спустя примерно месяц после того как Советский Союз разгромил восстание***.

4

Радиостанция “Свободная Европа” была, по сути, единственным фактором присутствия США в Венгрии: для большинства венгров РСЕ олицетворяла США, а США — “Свободную

* *Az állam biztonsága*, 122–123. В этом отчете венгерских спецслужб с сожалением отмечается, что венгерской контрразведке не удалось установить источник, передавший эту засекреченную информацию о бюджете в дипмиссию США. В то же время в отчете говорится, что венграм удалось проникнуть в дипмиссию и, возможно, снять копии с переданных документов.

** См. прим. * и ** на с. 14.

*** CIA, *Clandestine Service Historical Series (CSHP 6)*, январь 1958; документы, рассекреченные под названием MORI DocID: 1203072 в марте 2005 г.), *The Hungarian Revolution and Planning for the Future*, 23 October–4 November 1956, vol. 1, 92.

Европу”*. В пятидесятые годы между двумя странами практически не было дипломатических или экономических связей. Хотя большинство венгров в сельской местности не имело коротковолновых радиоприемников, необходимых для принятия сигнала иностранных радиовещателей, аудитория РСЕ в Будапеште и в других городах неуклонно росла. Преимущество РСЕ над Би-би-си, которое пользовалось заслуженным уважением интеллектуалов, над “Голосом Америки” и “Немецкой волной” состояло в его широкой сетке вещания: РСЕ была в эфире практически круглые сутки. Кроме того, благодаря последовательной критике коммунизма и словам надежды, РСЕ благоприятно влияла на *мироощущение* слушателей. Правда, поймать голос «Свободной Европы» было нелегко. Коммунистические власти Венгрии глушили сигнал РСЕ, так что новости и комментарии едва пробивались через помехи. Однако и то немногое, что удавалось расслышать, поддерживало в венграх огонек надежды.

Вдохновителем учреждения РСЕ в 1949 году был Джордж Кеннан, тогда возглавлявший Отдел политического планирования Госдепартамента. Он полагал, что новая вещательная компания сможет стать домом для эмигрантов-антикоммунистов из Восточной Европы, позволив им, говоря на родном языке, обращаться к радиослушателям на родине и рассказывать им о событиях на Западе и в странах советского блока. В правление номинально негосударственного Национального комитета свободной Европы, образованного в 1949 году, вошли такие уважаемые американцы, как Дуайт Эйзенхауэр, Аллен Даллес, Люций Клей и другие. С самого начала комитет почти исключи-

* Мне бы хотелось выразить признательность А. Россу Джонсону, который завершает работу над фундаментальным трудом о РСЕ. Он не раз делился со мной своими широчайшими познаниями в области истории формирования политики РСЕ в Вашингтоне (в ЦРУ и в Госдепартаменте), в Нью-Йорке (в Национальном комитете свободной Европы) и в Мюнхене, а также снабжал меня документами из своего архива, связанными с моей работой. Учитывая высочайший уровень его прежних трудов о Центральной и Восточной Европе, его опыт работы директором исследовательского отдела, а затем, в последние годы холодной войны, президентом РСЕ, исследование Джонсона обещает пролить свет на многие стороны деятельности РСЕ в пятидесятых и в более поздние годы, когда над “Свободной Европой” более не доминировала пустая риторика Вашингтона.

тельно финансировался ЦРУ, хотя фонду по сбору средств РСЕ, “Крестовому походу за свободу”, удавалось привлекать и частные пожертвования. Все же “Крестовый поход за свободу” был не более чем вывеской, призванной скрыть тайную роль ЦРУ в финансировании и руководстве радиостанцией.

Вещание РСЕ на Восточную Европу началось в 1951 году и закончилось спустя четыре десятилетия. Люди, которые воспринимали холодную войну и противостояние Америки с коммунистическим блоком серьезно и признавали существование советской угрозы, считали РСЕ важным инструментом внешней политики США. В США “Свободную Европу” поддерживала широкая двухпартийная коалиция; в Западной же Европе отношение к РСЕ было не однозначным. К 1953–1954 году как американские, так и западноевропейские дипломаты нередко высказывались в том духе, что их работа могла быть значительно проще, если бы РСЕ не существовало, или она была бы менее конфронтационной. Здесь срабатывали и бюрократические инстинкты. Так, люди, профессионально занимавшиеся “психологической войной” против Советского Союза, считали, что РСЕ полезна, коль скоро она отравляет жизнь коммунистам. Те же западные дипломаты, которые регулярно общались с представителями коммунистических правительств, полагали, что беспощадная критика этих режимов на волне “Свободной Европы” лишь осложняет задачу дипломатии — они хотели бы видеть РСЕ менее радикальной и более информативной*.

После смерти Сталина в 1953-м руководству радиостанции пришлось разрешать серьезные противоречия при выработке политики вещания на страны Восточной Европы. Основная трудность заключалась в согласовании трех “измерений” американской политики в отношении советского блока. Первым измерением была *конфронтация* — стремление всеми средствами (за исключением открытого военного конфликта) противоборствовать с Советским Союзом. Хотя конечной целью политики конфронтации было освобождение от советского владычества, ее непосредственной целью было противодействие государственной и пропагандистской машине Москвы. Вторым

* См., например: Summary Minutes of the Chiefs of Mission Meeting at Vienna, September 22–24, 1953, в *Foreign Relations of the United States, 1945–1950*, vol. 8, 86–102.

измерением было *соревнование*, то есть стремление завоевать поддержку непримкнувших стран и народов, а также всех европейцев, включая людей с левыми убеждениями. Приоритетным здесь было желание лишить коммунизм идеологической привлекательности. Третьим измерением было *сотрудничество* или *разрядка*: желание договориться или снизить напряженность в отношениях с Кремлем в надежде на то, что время будет работать на Запад.

В контексте Восточной Европы эти три компонента, если их рассматривать изолированно, создавали конфликт целей — *конфронтация* означала попытку добиться свободы для восточноевропейских стран; *соревнование* означало поддержку национал-коммунистических или титоистских режимов; наконец, *сотрудничество* подразумевало заинтересованность в реформах и в долговременной эволюции внутри советского блока. Взятый в отдельности, каждый из этих подходов содержал рациональное зерно. Освобождение улучшило бы стратегическое положение Америки в мире и исполнило мечту восточноевропейцев об освобождении. Распространение режимов титоистского толка раскололо бы советский блок и положило конец претензиям Москвы на безусловное лидерство в международном коммунистическом движении; тем не менее титоистская модель, несмотря на ее относительную реалистичность, была непривлекательна с нравственной точки зрения, не удовлетворяла чаяния многих восточноевропейцев и шла вразрез с иллюзией американского всемогущества. Наконец, реформы и эволюция посредством разрядки отвечали надеждам на мирные преобразования в Восточной Европе и популярной тогда идее социализма с более человеческим (или менее сталинистским) лицом, однако ни Соединенные Штаты, ни Советский Союз не были готовы к внутривнутриполитическим последствиям подобных перемен.

В целом внешнеполитическая доктрина США, сочетавшая риторику освобождения с неуверенной поддержкой титоизма и реформ коммунистической системы, содержала внутренние противоречия, которые делали ее неосуществимой.

К середине пятидесятых годов, если не раньше, многие американские дипломаты и экс-дипломаты, в частности Джордж Кеннан, попытались отставить конфронтационный компонент в пользу доктрины соревнования и сотрудничества. Наблюдая

за советской “оттепелью”, они надеялись на ослабление напряженности в отношениях с Кремлем, даже если последнее означало временный отказ от противодействия господству Москвы в Восточной Европе. Президент Эйзенхауэр также придерживался прагматических взглядов — в конце концов, именно он инициировал историческую Женевскую встречу 1955 года, надеясь найти хоть какие-то точки соприкосновения с новыми советскими правителями. Ему тайно оппонировал вице-президент Ричард Никсон. В июле 1956 года он критиковал тех, кто считал, что “существование множества чистеньких маленьких коммунистических государств по всему миру поможет решить проблемы безопасности США”. А в ноябре 1956-го, вероятно думая только о предстоящих выборах, подчеркнул, что “не может быть ничего хуже с точки зрения нашей внутренней политики или международных отношений, если произойдет утечка информации, которая свидетельствовала бы о том, будто мы на высшем уровне готовы при каких-либо обстоятельствах согласиться на поддержку национал-коммунизма”^{*}.

Эйзенхауэр не мог принудить собственную администрацию принять присущие ему относительно неконфронтационные взгляды в основном потому, что не был уверен в готовности Кремля к переменам, отчасти же потому, что любой компромисс с Москвой был чреват яростным негодованием все еще могущественных сторонников жесткой линии в республиканской партии^{**}. В подобной обстановке представлялось невоз-

^{*} См.: Minutes of the 290th NSC Meeting, July 12, 1956, в сборнике: Csaba Békés, Malcolm Byrne, and János M. Rainer, eds. *The 1956 Hungarian Revolution: A History in Documents—A National Security Archive Cold War Reader* (Budapest: Central European University Press, 2002), 129–135. Ратуя за “освобождение”, Никсон говорил, что “не будет абсолютным злом с точки зрения интересов США, если железный кулак Советского Союза вновь опустится на страны советского блока, хотя в целом было бы желательнее, чтобы нынешняя тенденция либерализации отношений между СССР и его сателлитами продолжалась”. Что до распространения титоизма, госсекретарь Даллес, публично защищая доктрину “освобождения”, в частных беседах отмечал, что титоизм может быть полезным шагом на пути к независимости. Даллес, впрочем, несколько раз менял свою позицию по этому вопросу.

^{**} То, что президент Эйзенхауэр сомневался в необходимости проведения жесткого “курса на освобождение” и был заинтересован в диалоге

возможным “принести мечту о свободной Восточной Европе на алтарь титоизма или разрядки”, не отказываясь при этом от доктрины «освобождения поработенных народов». По этой причине конфронтация или, по меньшей мере, риторика конфронтации оставалась основным компонентом внешнеполитической доктрины, которую США предлагали собственному народу и всему миру.

Пока Соединенные Штаты лавировали между рифами конфронтации, соревнования и сотрудничества в водах несколько изменившейся после смерти Сталина международной политики, руководство и сотрудники РСЕ *слушали* все сигналы из Вашингтона, но *слышали* только призывы к противостоянию. Притом что американские и западноевропейские дипломаты были склонны смягчать конфронтационный фактор в политике США, РСЕ, напротив, старалась его усилить. В стремлении ослабить советский режим, “Свободная Европа” вынуждала Москву защищаться и поддерживала в восточноевропейцах надежду на то, что однажды каким-то чудесным образом они станут свободны. Как, собственно, могла еще поступать “Свободная Европа”, по своей сути нацеленная на подрыв и трансформирование коммунистической системы, а не на ее реформирование. Как могла радиостанция, созданная правительством США во имя идеала свободной Европы, ратовать за установление титоистского режима (подразумевавшего независимость во внешней политике и репрессивный курс во внутренних делах) или за примирение с Кремлем (что означало бы

с Москвой, проявилось, в частности, в его разговоре с госсекретарем Даллесом в феврале 1956 года. Еще до доклада Хрущева XX съезду Эйзенхауэр, подразумевая программу РСЕ по засылке воздушных шаров с пропагандистскими материалами на территорию Восточной Европы, сказал Даллесу, что он “сомневается в результатах [программы]”. Он “полагал, что операцию следует приостановить”. (Программа по запуску воздушных шаров началась в августе 1951 года и была остановлена только после подавления венгерского восстания в ноябре 1956-го.) Формально согласившись с президентом, Даллес сказал ему, что мы “не должны действовать так, словно нас, как нашкодивших детей, застали с банкой варенья”. См. John Foster Dulles. Memorandum of Conversation with the President, February 6, 1956, цит. по: Johanna C. Granville. *The First Domino: International Decision Making during the Hungarian Crisis of 1956* (College Station: Texas A&M University Press, 2004), 169.

хоть частичное признание существовавшего статус-кво)? Простой ответ на эти риторические вопросы состоит в том, что, хотя РСЕ не могла не подчеркивать конфронтационную составляющую в политике США, ей следовало отражать и комплексные вопросы вашингтонской политики в отношении советского блока в постсталинскую эпоху.

Если не считать некоторых сотрудников и журналистов РСЕ — таких как Ян Новак из польской или Имре Ковач и Дюла Борбанди из венгерской редакции, едва ли кто-то в Вашингтоне или в штаб-квартирах РСЕ в Нью-Йорке или Мюнхене серьезно задумывался о том, как именно Соединенные Штаты собираются добиваться “освобождения”. Как оно произойдет? Лондонский “Экономист” предупреждал, что “поощрять, даже случайно, веру в то, что Запад готов начать войну за освобождение Польши, Чехословакии и др., означало бы ввести в заблуждение миллионы достойных людей”. Видя несоответствие между публичными заявлениями, в том числе риторикой РСЕ, и реальной политикой, авторитетный британский еженедельник также отмечал, что “опасно, когда неофициальная, тайная политика активной поддержки пассивного сопротивления развивается в отсутствие реальных политических действий в отношении Восточной Европы”*. Ян Новак, возглавлявший польскую редакцию РСЕ с 1952 по 1976 год, признался спустя несколько лет: “В 1952–1956 годах мне было крайне сложно истолковывать и объяснять слушателям истинное значение проповедваемой администрацией Эйзенхауэра-Даллеса политики освобождения. Было непонятно, подразумевают ли США под освобождением войну с Советами, или угрозу войны, или намерение поддержать освободительное повстанческое движение”**. Между прочим, благодаря трезвомыслию и проницательности Новака “Голос свободной Польши” отличался меньшей эмоциональностью и склонностью к конфронтации, чем передачи его чехословацких и венгерских коллег.

Как и все в РСЕ, сотрудники венгерской редакции, конечно же, были яростными антикоммунистами. Большинство придер-

* *The Economist*, April 26, 1952, 203–204.

** Jan Nowak. Poles and Hungarians in 1956, доклад на международной конференции “Венгрия и мир, 1956: Новые архивные свидетельства”, Будапешт, 26–29 сентября, 1996, 1.

живалось правых, хотя и не праворадикальных взглядов; некоторые из сотрудников (используя современный политический язык) были центристами; один ведущий в дни юности исповедовал левые убеждения; наконец, один или двое из сотрудников до или во время Второй мировой войны были связаны с венгерскими праворадикалистскими партиями*. Те люди на Западе, которые отождествляли редакторов и журналистов РСЕ с “фашистами”, заблуждались**. Как принято среди политических изгнанников, сотрудники часто осуждали и обвиняли друг друга — Уильям Гриффит, политический советник, а фактически главный редактор радиостанции сказал в одной из наших бесед много лет спустя, что “венгры были [людьми] приятными, но сложными”.

Так или иначе, но до 1956 года между руководящими принципами, формулируемыми заокеанскими шефами РСЕ, и программами венгерской редакции не было серьезных различий. Ведущие говорили страстно, даже неистово и почти всегда были убеждены в собственной правоте, однако содержание их выступлений отражало инструкции американцев. Соответственно, радиопередачи, основанные на мастерском анализе венгерской и западной прессы, содержали новости, интересные для венгерских слушателей, в частности о событиях за же-

* О перипетиях развития венгерской редакции “Свободной Европы” см. превосходно написанную и очень обстоятельную работу Борбанди: Gyula Borbándi. *Magyarok az Angol Kertben: A Szabad Európa Rádió története* [Венгры в английском саду: история радио «Свободная Европа»] (Budapest: Eurypa, 1996), passim. Cf. Arch Puddington. *Broadcasting Freedom: The Cold War Triumph of Radio Free Europe and Radio Liberty* (Lexington: University Press of Kentucky, 2000), 95. В контексте событий, рассматриваемых в этой книге, см., в частности, главу Паддингтона о Венгрии “Revolution in Hungary and Crisis at Radio Free Europe”, 89–114, и его же главу о нападках ультраправых на РСЕ в 1950-х годах (“Right-Wingers and Revanchists”), 73–88.

** Американский журналист Лесли Б. Бейн, родившийся в США, но свободно владевший венгерским, сообщает, что “по мнению борцов за свободу” многие сотрудники РСЕ были “дискредитировавшими себя фашистами и военными преступниками”. См.: Leslie B. Bain. *The Reluctant Satellites: An Eyewitness Report on East Europe and the Hungarian Revolution* (New York: Macmillan, 1960), 202. Бейну также принадлежит авторство множества статей о Венгрии во влиятельном журнале “Рипортер”, редактором которого был легендарный Макс Асколи.

лезным занавесом. Часто слышались гневные инвективы в адрес коммунистических чиновников в Будапеште, Москве и в других коммунистических столицах. Основываясь на письмах слушателей, изредка доходивших до редакции в Мюнхене, ведущие венгерских радиопередач иногда даже называли по имени того или иного местного негодяя-чиновника, давая понять коммунистическим властям, что за ними следят. Еще одной популярной темой была эксплуатация Венгрии Советским Союзом. Учитывая, что в то время Венгрия производила некоторое количество урана, РСЕ поддерживала расхожее мнение, что в Венгрии большие залежи урана (что не соответствовало действительности) и что Москва недоплачивает за поставляемый продукт (это была чистая правда). Обличая владычество Москвы в странах-сателлитах, РСЕ подчеркивала, что однажды Венгрия и ее соседи обретут свободу и независимость*.

Как и надеялись основатели РСЕ, “Голос свободной Венгрии” стал неотъемлемой частью местного политического ландшафта, голосом угнетенного народа, жаждущего перемен. В результате РСЕ в Венгрии по сравнению с аудиторией “Голоса Америки”, “Би-би-си” или любой другой иностранной радиостанции пользовалась феноменальной популярностью**. Аудитория РСЕ слышала то, что хотела услышать. Тем не менее РСЕ с самого начала столкнулась с рядом трудностей.

Первая проблема заключалась в невозможности примирить официально провозглашаемую цель радиостанции — “поддерживать надежду в поработанных народах Восточной и Центральной Европы” — с другой “основной обязаннос-

* Пленки и тексты этих радиопередач можно найти в пока еще неклассифицированном каталоге РСЕ в Институте Гувера (Стэнфорд, Калифорния) и в Венгерском национальном архиве в Будапеште. Особый отдел политического руководства Венгрии подготовил в те годы ценную сводку радиопередач всех “вражеских станций”, включая РСЕ. Под грифом “совершенно секретно” микропленки с этими сводками хранятся в Венгерском национальном архиве.

** А. Puddington. *Broadcasting Freedom*, 95. Опросы РСЕ, основанные на интервью с венграми, посещавшими Австрию и Германию, следует подвергать критической оценке: опрашиваемые могли принижать значение конкурирующих западных радиостанций. В целом, однако, данные этих опросов кажутся вполне правдоподобными.

тью”, а именно с необходимостью воздерживаться от поощрения или разжигания “самоубийственных действий, происходящих из надежды на освобождение посредством вооруженной помощи извне”*. Хотя это различие, вероятно, было понятно для радиоведущих, сомнительно, чтобы венгерские слушатели, и так еле улавливавшие сигнал РСЕ из-за помех и глушения, могли распознать, что США предлагали им *надежду*, но не *помощь*. Разумеется, многие, если не большинство слушателей, загипнотизированные американской пропагандой, предпочитали не замечать, что предлагаемое не соответствует обещанному**.

Еще одной проблемой была склонность РСЕ к преувеличениям. Показателен в этой связи незначительный, на первый взгляд, эпизод с обсуждением подзаголовков для листовок, которые составлялись РСЕ-пресс в Нью-Йорке или Мюнхене для их последующей рассылки венгерским адресатам или сбрасыванию с воздушных шаров над территорией Венгрии. Название не вызывало сомнений — листовки были озаглавлены “Szabad Magyarorszag” (“Свободная Венгрия”). При этом было предложено два варианта подзаголовка: “A Nemzeti Ellenállási Mozgalom Lapja” (“Листок национального сопротивления”) и “A Nemzeti Ellenzéki Mozgalom Lapja” (“Листок национальной оппозиции”)***. В каждом из этих случаев акроним подзаголовка звучал как NEM, что по-венгерски означает “нет”. Было решено использовать слово *сопротивление*, а не *оппозиция*, несмотря на то, что в 1950-х годах в Венгрии не было сопротивления как такового****.

* Эволюция политики РСЕ (The Evolution of RFE’s Policy), без даты, архивы РСЕ, Институт Гувера.

** Показательны слова венгерского беженца — молодого рабочего ткацкой фабрики, у которого РСЕ взяла интервью 22 октября 1954 года в Вене: “Все рады знать, что за нашей спиной кто-то стоит. Было бы хорошо, если б американцы оккупировали Венгрию, тогда мы могли бы жить как нормальные люди”. Архив РСЕ, Институт Гувера.

*** Информация, полученная от Роберта Габора, который работал над составлением этих листовок РСЕ-пресс в Нью-Йорке (интервью 25 июля 2005 года).

**** См. необычайно важное заключение в тайном отчете, подготовленном для военного ведомства США 5 января 1956 года под названием “Венгрия: потенциал сопротивления”. В заключении говорится: “Если

Естественно, что пропаганда сродни рекламе: чтобы быть эффективной, она стремится к преувеличениям. Но преувеличения могут привести к нежелательным последствиям. В данном случае “изобретение” движения сопротивления способствовало раздуванию коммунистической истерии “бдительности” против внутренних и внешних врагов и в некотором смысле ужесточило режим внутри Венгрии. Увы, желание ведущих РСЕ видеть сопротивление в Венгрии затмило для них действительность.

Третья проблема состояла в том, что руководители, советники и редакторы РСЕ, в частности сотрудники венгерской редакции, не обратили должного внимания на изменившиеся после смерти Сталина политические обстоятельства. Подобно большинству вашингтонских политиков они не поняли значения нерешительного процесса десталинизации в Советском Союзе, не восприняли серьезно титоистскую (национал-коммунистическую) угрозу господству Москвы в международном коммунистическом движении и недооценили реформаторский курс Имре Надя во время его первого премьерства в 1953–1955 годах. Они продолжали выставлять максималистские требования, отказываясь проводить различие между сталинистами, антисталинистами, титоистами, ревизионистами, догматиками, маоистами и т. д. В то время как, учитывая опыт премьерства Надя в указанные годы, именно сотрудники венгерской редакции должны были первыми понять, что не все коммунисты одинаковы.

Главным образом по этим трем причинам руководители РСЕ даже не рассматривали возможность частичного успеха: их одур-

---

верить утверждениям эмигрантских организаций и сообщениям коммунистической прессы, в Венгрии существует организованное подпольное движение сопротивления [режиму]. Однако анализ доступной информации подводит к выводу, что в настоящее время [в Венгрии] нет организованного тайного сопротивления. ...Более того, согласно некоторым данным, коммунистический режим сам финансировал некоторые из так называемых организаций сопротивления или же придумал их с целью отстранения нежелательных лиц от участия в политической и общественной жизни”. Полный текст см. в Национальном архиве безопасности в Вашингтоне: National Security Archive, Washington, “Soviet Flashpoints” collection. Более развернутую цитату см.: Békés, Byrne, and M. Rainer, *1956 Hungarian Revolution*, 86–105.

манивали великие замыслы. Показательна с точки зрения непримиримости РСЕ карикатура, напечатанная на листовках, которые были сброшены с воздушных шаров над территорией Венгрии в начале 1955 года. На карикатуре с подписью “Двойные похороны” изображались недавно пониженный в должности Георгий Маленков в гробу и лежащий рядом — в гробу поменьше — Имре Надь. В комментарии, сопровождаемом подписью “Московские лакеи”, саркастически говорилось об уходе еще одного “великого вождя” и отмечалось, что нет никакой разницы, какой “товарищ” находится у власти — Ракоши, Надь или Хегедюш (то есть преемник Надя — сталинист Андраш Хегедюш). Покуда изменники и советские лакеи стоят у власти, эксплуатация Венгрии по приказу хозяев из Москвы будет продолжаться*. Для венгров, которым при Наде позволили выйти из ненавистных колхозов, для венгров, освобожденных из тюрем и трудовых лагерей, это звучало оскорблением. Для них было *действительно* важно, какой товарищ стоит у власти, и отставка Надя *была* действительно серьезным поражением**.

Максималистские взгляды РСЕ нашли отражение и в комментариях к Женевской встрече 1955 года. В листовках и радиопередачах, посвященных “духу Женевы”, принижалось значение первой в послевоенное время советско-американской встречи на высшем уровне. “Свободная Европа” говорила о неискренности Кремля и о том, что Советы не сделали никаких уступок в Восточной Европе, что, конечно же, соответствовало действительности***. Но не было ничего сказано и о значимости шага американского президента, решившего выяснить намерения новых, послесталинских властителей Кремля. РСЕ, казалось, говорила венгерским слуша-

---

* Архив РСЕ, Институт Гувера.

** Впрочем, Надь вряд ли мог вызывать симпатии РСЕ. В своем в целом проникновенном обращении к Патриотическому народному фронту 24 октября 1954 года (см. гл. 2) Надь обрушился на программу венгерских листовок РСЕ, назвав их авторов изменниками. Однако проницательным анализикам было понятно, что это была политическая игра — такую цену Надь платил за право утвердить свою программу реформ.

*** Genfi szellem [Дух Женевы]. // *Szabad Magyarország*, №12, n.d., 1. Я благодарен Иштвану Деаку из Колумбийского университета за доступ к

телям и читателям, что, коль скоро Москва не капитулировала в Восточной Европе, нет смысла обсуждать другие вопросы. При оценке Женевской встречи для восточноевропейской аудитории редакционные статьи и радиопередачи РСЕ во всем следовали установкам американского руководства радиостанции*.

Тем временем, наблюдая в 1955 году Женевскую встречу, подписание Австрийского государственного договора и поездку Хрущева к Тито, некоторые из относительно непредвзятых редакторов и авторов в венгерском отделе РСЕ начали задаваться вопросом, в какой мере Америка привержена идее освобождения? Одним из первых об этом заговорил Имре Ковач, во время войны сражавшийся против нацистов, а позже возглавивший антикоммунистическое крыло небольшой национальной крестьянской партии. Бежав из Венгрии в 1947 году, он поселился в Швейцарии, а затем в Нью-Йорке и стал работать в РСЕ-пресс. Обладая безупречной “антикоммунистической” репутацией и выступая как частное лицо, как политик в изгнании, он опубликовал в январе-феврале 1956 года статью в мюнхенском эмигрантском журнале “Латохатар” (“Горизонт”), в которой прямо говорил, что король — голый: “Запад не станет начинать войну ради освобождения стран Восточной Европы”. Пришло время, писал он, подготовить венгерский народ к более реалистичным перспективам — к реформам и постепенным преобразованиям**. Он намекал на то, что Венгрию может ожидать титоистская развязка. Отзываясь на эссе Ковача, Дюла Борбанди, редактор “Горизонта” и сотрудник РСЕ в Мюнхене, писал в следующем номере того же журнала, что интерес Запада к свободе Восточной Европы весьма ограничен, и что заявле-

---

его коллекции листовок за 1955–1956 годы. Тогда молодой сотрудник РСЕ-пресс, Иштван Деак стал одним из виднейших американских специалистов по современной истории Центральной Европы. Благодаря ему я лучше узнал, как работала РСЕ-пресс.

* См.: On the Four Power Conference, Особое руководство 22 от 2 июня 1955 г. Архив РСЕ, Институт Гувера. RFE archives, Hoover Institution.

** Imre Kovács. Kijózanult emigráció [Трезвомыслящая эмиграция]. // *Látóhatár*, January–February 1956, 4–11, цит. по G. Borbándi. *Magyarok az Angol Kertben*, 195–196.

ния западных политиков об освобождении не следует принимать за чистую монету*.

Неудивительно, что политики-эмигранты, не желающие считаться с новыми реалиями холодной войны, поспешили осудить обоих авторов. Нападки происходили преимущественно с правого фланга. Вероятно, находясь под давлением в условиях предвыборной кампании в США, руководство РСЕ вызвало “еретиков” на ковер и сообщило им, что их взгляды “ошибочны”. Двадцать первого июня 1956-го Гриффит, политический советник РСЕ, вызвал к себе Борбанди и прочел ему лекцию о роли радиостанции как инструмента пропаганды в бескомпромиссной борьбе с коммунизмом, отметив, что сотрудники не всегда свободны выражать свое мнение, если их взгляды коренным образом расходятся с позицией РСЕ. Гриффит сказал, что такую точку зрения следовало изложить в меморандуме, а не на страницах журнала. Хотя ни Ковач, ни Борбанди не собирались отступить от своих взглядов, Борбанди пообещал опубликовать в ближайших номерах и противоположные мнения. На этом официальная часть закончилась, но Гриффит пригласил Борбанди и на частную беседу. Согласно рассказу Борбанди, Гриффит сказал ему, что его не уволят, не понизят в должности и даже не объявят ему выговор, но ему следует быть осторожным, так как враги Борбанди сделают все возможное, чтобы досадить ему**. Не впервые Гриффит — либеральный демократ, придерживавшийся твердых антикоммунистических принципов***, защитил сотрудника от нападков с правого фланга****.

---

* Gyula Borbándi. Az emigráns politika új útjai [Новые пути эмигрантской политики]. // *Látóhatár*, March–April 1956, 113–118, цит. по: G. Borbándi. *Magyarok az Angol Kertben*, 196.

** G. Borbándi. *Magyarok az Angol Kertben*, 196–198.

*** Гриффит принадлежал к числу американских интеллектуалов, придерживавшихся либеральных убеждений и одновременно жестко выступавших и против коммунизма, и против фашизма. Збигнев Бжезинский, хорошо знавший Гриффита с 1953 года, согласился с этой характеристикой и назвал Гриффита человеком “острым, знающим и искренне приверженным делу свободы Центральной и Восточной Европы” (Интервью с Бжезинским 9 сентября 2005 года).

**** Известно, что Гриффит выступал в защиту сотрудников венгерской редакции РСЕ и раньше, в частности в 1951 году, когда дипломат из посольства США в Лиссабоне обвинил двух сотрудников РСЕ в “комму-

Хотя формально Ковач и Борбанди не подверглись гонениям или остракизму, их доводы не упали на благодатную почву. Летом 1956 года, по мере того как президентская кампания в США набирала обороты и брожение в Венгрии усиливалось, РСЕ и его венгерская редакция продолжали упорствовать в бесплодной риторике освобождения*.

5

Венгерское восстание застигло Соединенные Штаты врасплох. К подобному повороту событий не был готов ни один чи-

---

нистических связей”. А. Puddington. *Broadcasting Freedom*, 82. Уместно процитировать отрывок из работы Паддингтона, в которой описывается контекст тех событий: “Почти все недруги радиостанции принадлежали к ультраконсерваторам, которые были убеждены, что вещание РСЕ недостаточно “антикоммунистично”. Учитывая недавние яростные споры о политике США в годы холодной войны, может показаться странным, что главные хулители РСЕ происходили из среды ультраправых. Однако в 1950-х годах дебаты о внешней политике США велись преимущественно не между правыми и левыми, а между антикоммунистами и “ультраантикоммунистами”. С точки зрения некоторых “ультра”, разновидность антикоммунизма, практиковавшаяся РСЕ, была недостаточно радикальной”. Там же, с. 81. Сотрудники РСЕ, в отличие от сотрудников “Голоса Америки”, были в основном защищены от нападок ультраправых благодаря таким американским советникам, как Гриффит, а также благодаря Корду Мейеру, начальнику отдела международных организаций ЦРУ, контролировавшего “Свободную Европу” (но не “Голос Америки”). Некогда Мейера отстранили от должности, так как ФБР приняла его юношеские “либеральные склонности” за “коммунистические связи” и Мейер предположительно считал делом принципа защищать РСЕ от нападок ультраправых. Его собственный рассказ об эпизоде с ФБР см.: Cord Meyer. *Facing Reality: From World Federalism to the CIA* (New York: Harper & Row, 1980). По иронии судьбы, Мейер после ухода из ЦРУ стал обозревателем американской газеты, известной своими крайне правыми взглядами.

* Здесь и в главе 5 я критически оцениваю передачи венгерской редакции РСЕ до и во время восстания. Спешу отметить, что к деятельности РСЕ в последующие годы я отношусь вполне благоприятно. В 1980-х я составил обзор недельного цикла венгерских передач РСЕ для Бюро международного вещания, надзорного органа “Свободной Европы”, и пришел к выводу, что все они были информативными и политически сдержанными. К сожалению, многие критики РСЕ, такие как сенатор Дж. Фулбрайт, продолжали говорить о радиостанции исходя из контекста пятидесятых годов.

новник в Вашингтоне, ни один сотрудник штаб-квартиры радио “Свободная Европа” в Нью-Йорке или Мюнхене. Ни одно правительственное ведомство США не выработало планов на случай такого исхода. Но почему? Почему отдел политического планирования Госдепартамента не подготовил ранее дипломатического предложения, которое можно было положить под сукно, а затем, в нужное время, представить госсекретарю или Президенту США? Почему ЦРУ не разработало планов явных или тайных операций? Почему управляющие РСЕ не внесли предложения о включении в вещательные программы серьезных комментариев, которые отвечали бы как интересам США, так и стремлению венгерского народа к лучшей жизни.

Причина, в двух словах, заключалась *не* в отсутствии информации, а в отсутствии интереса к частичным переменам.

К началу и к середине 1956 года, в основном благодаря тому, что у западных корреспондентов расширился доступ к официальным и неофициальным источникам в коммунистических столицах, США обладали достаточной информацией о событиях в странах советского блока. Узнав в марте, что Хрущев сделал незапланированный, секретный доклад на XX съезде партии в феврале, разоблачив преступления Сталина, ЦРУ поставило целью заполучить текст доклада — и разведке это удалось*. Разумеется, текст был переведен на венгерский, и РСЕ донесла его до слушателей в полной и в сокращенной версиях. Кроме того, радио передавало отклики и статьи в мировой прессе о смысле и значении хрущевского доклада: в них чаще всего высказывалось мнение, что, хотя коммунизм вынужден защищаться, режим по-прежнему очень силен, и, следовательно, необходимо усиливать давление на власть, вынуждая ее пойти на существенные уступки. Речь Хрущева и антисталинистская кампания в целом воспринимались, скорее, не как признак перемен, но как полезный пропагандистский инструмент бичевания и противодействия коммунистической системе. На фоне трех важнейших событий — Женевской встречи лидеров четырех великих держав в 1955 году, мирного договора с Австрией и советско-югославского сближения — полити-

---

* Ср. прим. * на с. 122.

ческий доклад Хрущева позволил Западу внести еще одну ноту в антисоветскую риторику, а именно что Сталина считали чудовищем даже его преемники.

У США не было недостатка и в информации о положении в Венгрии. Несмотря на нехватку собственных секретных источников в Будапеште, к тому времени вашингтонские аналитики научились читать венгерские газеты между строк. Донесения дипмиссии США указывают на то, что дипломаты были осведомлены о политическом и интеллектуальном брожении в стране. Так, дипмиссия достаточно компетентно писала о возможном подтексте отставки Ракоши в середине 1956 года, которая совпала с остановкой Анастаса Микояна в Будапеште по пути из Москвы в Белград. Так ли Кремль стремился улажить Тито, что предложил ему в знак добрых намерений голову Ракоши? В Венгрию теперь довольно часто заезжали и западные корреспонденты, и некоторые из них, в частности прекрасно осведомленный Симон Бургин из журнала «Тайм», посещали на обратном пути Мюнхен, делаясь впечатлениями с РСЕ**.

Хотя и Вашингтон, и Мюнхен теперь обладали более полной информацией, их представления об уязвимых местах коммунистических режимов не отражали изменившихся реалий. РСЕ и занимавшиеся Венгрией американские аналитики и разведчики недооценили возможность того, что основной силой, противостоявшей сталинистскому режиму, стали Имре Надь и его сподвижники. По их мнению, будущее страны призваны были определить католическая церковь и крестьянство. В отношении церкви это утверждение могло быть справедливо в 1946-м, но не в 1956 году. В условиях, когда кардинал Йозеф Миндсенти и десятки священнослужителей сидели в тюрьмах, а среди остав-

* См., например: Dispatch from the Legation in Hungary to the Department of State, 30 августа 1956 г. в *Foreign Relations of the United States, 1955–1957* (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1985), vol. 25, 231–241.

** Благодаря Бургину, конспекты трех его лекций в бюро РСЕ в Мюнхене (от 22 мая, 5 июля и 31 августа 1956 года) находятся в моем архиве. Его единственная озаглавленная лекция (прочитанная в июле) носит название «Интеллектуальное восстание в Венгрии и дебаты в кружке Петёфи (рассказ будапештского гостя)» (*Intellectual Revolt in Hungary and Petöfi Circle Discussion (From a Recent Visitor to Budapes)*).

шихся на свободе, но запуганных венгерской тайной полицией священников процветали донос и предательство, церковь утратила былое влияние. Что до крестьянства, то оно ни тогда, ни ранее не было революционной силой венгерского общества и смиренно подчинялось властям.

Итак, если Венгрии суждено было измениться, перемены могли придти только благодаря некоторым силам в коммунистической партии и разочаровавшимся в системе, разгневанным красноречивым интеллектуалам (см. главу 4). Хотя аналитикам РСЕ было хорошо известно, что партию сдает фракционная борьба, они не понимали, что некоторые из вчерашних сталинистов превратились в подлинных реформаторов-антисталинистов. Между тем в передачах РСЕ не содержалось и толики одобрения Надя и его последователей. Признать, что именно Надь со товарищи, а не католическая церковь представляют собой ту силу, которая способна ослабить коммунистический режим, было бы равносильно признанию целесообразности внутрисистемных преобразований, то есть утверждению, что на сегодняшний день единственно реалистичной, практической альтернативой коммунизму следует считать реформированный коммунизм, а не капитализм, свободу и независимость. Действительно, если не считать ситуации с Кореей, США не стремились к частичным победам — целью провозглашалось безусловное поражение коммунизма. Не входил компромисс и в планы американских или восточноевропейских эмигрантских радиовещателей, в конце концов опасность коммунизма была вполне реальной. Враги Америки из коммунистического лагеря были могущественны, решительны и настроены враждебно, а холодная война находилась в самом разгаре.

Помимо этого, поиску компромиссных решений мешала и бюрократическая инерция. Страхась коммунизма и стремясь обезопасить Соединенные Штаты от внешних врагов, Вашингтон в 1946–1947 годах выработал политический курс, отойти от которого было непросто. ЦРУ и РСЕ было велено делать все возможное, чтобы избавиться от коммунизма навсегда, а не способствовать его реформированию и смягчению режима. Хотя некоторые чиновники Госдепартамента и пытались рассмотреть пути достижения промежуточных целей, их влияние в американском правительстве было невелико. Кроме того, госсекретаря Даллеса вполне удовлетворяла прежняя внешнеполитическая доктрина.

Отказу от доктрины “освобождения” не способствовали и политические обстоятельства. Обе крупнейшие американские политические партии признавали существование “этнического электората” в таких ключевых штатах как Иллинойс, Мичиган, Огайо, Пенсильвания, Нью-Йорк и Нью-Джерси, в которых поляки, венгры, чехи и представители иных этнических групп голосовали блоком за ту партию, которая была *действительно* привержена идее освобождения Восточной Европы. Тон задавали республиканцы, обещавшие положить конец “негативной, бесполезной и безнравственной политике сдерживания, из-за которой бесчисленные люди становятся жертвами деспотизма и безбожного терроризма”*. Такая бравада усиливалась и за счет захлестнувшей Америку волны маккартизма, которая фактически свела на нет рациональные тенденции в американской внешней политике. Последнее, в частности, проявилось и в избирательной программе демократической партии в 1956 году: демократы, стремясь превзойти республиканцев, обвиняли администрацию Эйзенхауэра “в бессердечном нарушении обещаний, данных несчастным жертвам коммунизма. ...Мы с нетерпением ожидаем дня, когда все плененные народы вновь обретут свободу”**.

Знали ли те, кто писал, распространял и поддерживал такие пламенные заявления, что у этой риторики нет политических оснований? Представляется, что знали об этом далеко не все. Френк Линдси дал разумное обоснование провалу политики освобождения (и в начале 1953 года ушел из ЦРУ). Имре Ковач в эссе, опубликованном в эмигрантском журнале “Латохатар” в начале 1956-го, говорил, что перемены в Восточной Европе должны носить постепенный характер. К.Л. Шульцбергер, знаменитый международный обозреватель “Нью-Йорк таймс”, часто и справедливо отмечал необходимость содействия титоизму в Восточной Европе***. Но на каждого Линдси, Ковача или Шульцбергера приходилось

* Избирательная платформа республиканской партии в 1952 г.: <http://www.presidency.ucsb.edu/platform.phb>, 55.

** Избирательная платформа демократической партии в 1956 году: <http://www.presidency.ucsb.edu/platform.phb>, 66.

*** American Policy in Eastern Europe. // *New York Times*, April 18, 21, and 23, 1956.

несколько тысяч чиновников и политиков, предпочитавших не идти против течения. Так, опасаясь обвинений в робости и потворстве коммунизму, выборные политики не прислушивались к трезвым советам. Однако идея о том, что ослабление напряженности в отношениях с Кремлем или с Тито может стать первым шагом на пути к свободе, не находила отклика в “этнических” избирательных округах, в то время как лозунги освобождения были созвучны настроениям в восточноевропейских общинах на северо-востоке и Среднем Западе США. Все, что меньше безусловной победы, было равносильно соглашательству. В часто цитируемом эссе “Иллюзия американского всеисия” (1952 год) Д.У. Брган писал: “Возможно, единственный народ в мире, который сегодня обладает историческим сознанием неизбежной победы, — это американцы”*.

На мой взгляд, именно в 1950-х годах американская политическая культура менее всего благоприятствовала достижению ограниченных внешнеполитических целей. Классический принцип, изложенный Уолтером Липманом еще в 1943 году, — “Народ должен сохранять равновесие между своими целями и своей силой, причем цели должны быть сообразны средствам, а средства — целям, обязательства — ресурсам, а ресурсы — обязательствам”** — осознавался разве что профессиональными исследователями внешней политики. Такие политологи как Липман, Ганс Моргентау и Чарльз Бертон Маршал вновь и вновь говорили о необходимости соблюдать баланс между целями и средствами, утверждая, что Соединенным Штатам следует делать то, что в их силах, а не то, что, как представляется, они обязаны делать, однако в контексте тогдашней американской политической культуры то были непрошенные советы***. Эти

* *Harper's Magazine* 205 (December 1952): 21–28. Брган игнорирует тот факт, что коммунисты тоже долго испытывали “историческое ощущение [своей] неизбежной победы”.

** Walter Lippmann. *U.S. Foreign Policy: Shield of the Republic* (Boston: Little, Brown, 1943), 7.

*** См., в особенности: W. Lippmann. *U.S. Foreign Policy*; Hans Morgenthau. *In Defense of the National Interest* (New York: Alfred A. Knopf, 1951); Charles Burton Marshall. *The Limits of Foreign Policy* (New York: Henry Holt, 1954) и J. W. Fulbright. *The Arrogance of Power* (New York: Vintage Books, 1967). Пожалуй, самое красноречивое изложение рационального

эксперты — в своей первой научной статье я назвал их “лимитационистами”^{*} — предлагали альтернативу, лишённую эмоционального накала: они считали, что американцам следует задумываться о выигрыше шахматной фигуры не менее серьёзно, чем о победе в партии.

До героических дней венгерского восстания американцы хотели верить, что не следует стремиться к выигрышу фигуры, когда можно разом выиграть партию. Они полагали, что соблазн свободы настолько велик, что угнетённые народы поднимутся на борьбу сами, без помощи извне и каким-то образом одержат победу. Им верилось, что Вашингтон, предложив “надежду”, сможет обойтись без предложения помощи. В подобных обстоятельствах немногие задавались вопросом, как же все-таки произойдет это освобождение? Стадное чувство и культура американской исключительности удушали сомнения. *В атмосфере триумфального сознания собственной правоты дипломатическая стратегия, направленная на достижение частичных побед, оказалась вытеснена на обочину американской внешней*

взгляда на вещи, состоявшего в том, что проблемы за рубежом не всегда возможно решить, содержится в строках Чарльза Бертон Маршалла: “Если бы только деньги росли на деревьях. Если бы только могущества можно было достичь по мановению руки. Если бы только время можно было расширять и сжимать как в сказке Герберта Уэллса. Если бы только лампа Алладина, сапоги-скороходы и иные волшебные предметы стали реальностью и оказались в исключительном распоряжении американцев. Тогда мы могли бы делать все, что заблагорассудится. Тогда мы могли бы приравнять нашу политику к нашим целям. Однако в реальном мире внешняя политика делается совсем иначе. Внешняя политика заключается не в одобрительных возгласах, но в кропотливом планировании. Основная работа состоит не в том, чтобы наметить цели (это самое простое), но в определении того, как этих целей достичь. Формулировать внешнюю политику государства только с точки зрения его целей так же бессмысленно, как писать биографию человека, основываясь только на его предновогодних обещаниях. Внешняя политика состоит в реальных действиях государства на мировой арене, а не в его устремлениях и декларациях. В свою очередь, сфера реальных действий, в отличие от сферы желаний и устремлений, ограничивается определенными рамками”. Charles Burton Marshall. *The Exercise of Sovereignty: Papers on Foreign Policy* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1965), 41.

^{*} Charles Gati. Another Grand Debate? The Limitationist Critique of American Foreign Policy. // *World Politics* 21, № 1 (октябрь 1968 г.): 133–151.

политики. Вот почему между венгерскими радиовещателями в Мюнхене и их американским руководством почти не возникало конфликтов: редакторы, журналисты и обозреватели венгерской редакции получили добро от американских шефов на “подстрекание” венгерских слушателей.

И вот почему американская политика в отношении Венгрии, да и Восточной Европы в целом, жиддилась на словах, а не на делах, на лозунгах и обещаниях, а не на политике малых побед.

Глава четвертая

Москва и Будапешт перед взрывом

Подобно тому как сегодня люди вспоминают молодых героев 1848 года [которые воевали за независимость Венгрии с австрийскими и русскими угнетателями], так, я надеюсь, история будет помнить и молодых людей 1956 года, которые помогут нашему народу обрести лучшее будущее.

Тибор Дери, из речи, произнесенной на бурном девятичасовом собрании кружка Петефи 27 июня 1956 г.

1

Притом что у Кремля было предостаточно причин тревожиться по поводу экономической и политической нестабильности в Венгрии, политика Москвы в отношении своего мнимого союзника преимущественно отражала разворачивавшуюся на вершине советской иерархии после смерти Сталина борьбу за власть. В частности, в результате “ястребиного” альянса между Молотовым и Хрущевым в канун 1955 года Маленков проиграл политическую схватку в политбюро, и Надя, протеже Маленкова, также вынужден был уйти. Наперекор политике, которую оно выработало и начало осуществлять в июне 1953 года, советское руководство убрало Надя, вопреки тому, что было известно Микояну, Хрущеву, Маленкову, даже Ворошилову и догматичному, но проницательному Сулову, а именно что только Надя и продолжающиеся реформы могут спасти “дело социализма” в этой беспокойной стране. План подобного политического и идеологического кульбита был разработан Хрущевым, который, для того чтобы подорвать влияние своего бывшего союзника Маленкова и стать первым лицом в правительстве, вступил в сговор со своим некогда злейшим врагом Молотовым. С этой целью в течение нескольких месяцев в 1954–1955 годах Хрущев принял сторону Молотова по ряду вопросов, включая оппозицию переменам в Центральной и Восточной Европе.

Свернув начавшийся в 1953 году процесс десталинизации Венгрии, советские правители руководствовались, в первую

очередь, соображениями *собственной* внутренней политики и искаженным представлением о том, как обеспечить стабильность в Центральной и Восточной Европе. В 1953 году, озабоченные сохранением стабильности, они выдвинули Надя; в 1955 году, по тем же соображениям сохранения стабильности, они его сместили. То есть в 1953 году они понимали, что им нужен Надя и реформы, а уже в начале 1955 года они не помнили того, что понимали в 1953-м.

Кроме того, дело осложнялось “разрывом в понимании” — венгры называют это “задержкой фазы” — между Москвой и Будапештом во второй половине 1955 года (когда на июльском пленуме ЦК КПСС начал разваливаться недолговечный альянс Хрущева и Молотова) и в особенности в 1956-м (после того как в феврале этого года на XX съезде КПСС Хрущев формально развенчал культ личности Сталина). В середине 1955 года венгерское руководство, казалось, даже не обратило внимание на удивительный поворот Кремля в отношениях с Австрией и Югославией. Андраш Хегедюш, который к тому времени сменил Имре Надя на посту председателя правительства, позже вспоминал, что он и его коллеги не извлекли должных уроков из новой политики Кремля, направленной на “мирное сосуществование”: “Несмотря на подписание [в мае 1955] Варшавского договора, в международных отношениях продолжалась оттепель. Мы не ожидали этого и не были к этому готовы. Мы не сделали надлежащих выводов из двух важных событий: подписания Австрийского государственного договора и похода Хрущева и Булганина “в Каноссу” — в Белград. Мы отстали на ход или два! Мы не читали знаки на стене!”*

В результате такого разрыва в понимании венгры перестарались с выполнением приказов из Кремля. Москва хотела, чтобы Надя понизили в должности: вместо этого его лишили всех постов и даже исключили из партии.

Советские властители пошли против Надя в конце 1954 года. Хотя основная причина опалы заключалась в непрекращающейся борьбе за власть и влияние внутри советского руководст-

* András Hegedüs. *A történelem és a hatalom igazságában: Életrajzi elemzések* [Зачарованный историей и властью: автобиографическая оценка] (Budapest: Kossuth, 1988), 235.

ва, немаловажную роль здесь играл и страх потери влияния над странами социалистического блока. После волнений 1953 года в Восточном Берлине и Пльзене Кремль потерял желание продолжать процесс десталинизации в странах-сателлитах*. В отличие от июня 1953 года речь более не шла о том, что Матьяш Ракоши слепо следует сталинским догматам: теперь Кремль был обеспокоен возможными последствиями реформ Надя. Старые, имперские, интересы и методы вновь возобладали в Москве над возникшей было после смерти Сталина надеждой, что некоторые уступки народам Центральной и Восточной Европы приведут к стабильности в регионе. Во время драматической встречи в Кремле в январе 1955 года (об этом подробнее ниже) Хрущев со товарищи унизили Надя — того самого человека, которого они возвели на вершину власти менее двух лет назад, ожидая, что он лучше других сумеет смягчить враждебное отношение своего народа к коммунистической системе. Теперь же в глазах советских вождей Надя превратился в правого уклониста, оппортуниста, любимца классовых врагов и империалистов.

Были, конечно, и другие причины, по которым в конце 1954 — начале 1955 года Москва отвернулась от Надя. Помимо ожесточенной подковерной борьбы в Кремле и возросших опасений, что при Наде Венгрия стала нестабильной, возможно даже более нестабильной, чем раньше, решение политбюро стало результатом и мастерской политической игры Ракоши. Во-первых, в конце 1954 года, находясь на отдыхе в СССР, Ракоши сумел убедить нескольких членов политбюро, что Надя, его заклятый враг, — опасный националист-антисоветчик**.

* См. замечательную трехчастную работу Марка Крамера: *The Early Post-Stalin Succession Struggle and Upheavals in East-Central Europe: Internal-External Linkages in Soviet Policy Making*. // *Journal of Cold War Studies* 1, № 1, 2, and 3 (1999).

** Хотя записи предположительно неформальных бесед Ракоши с советскими правителями не были обнаружены ни в российских, ни в венгерских архивах, его собственный рассказ, учитывая смену настроения советских вождей и донесения посла Андропова, представляется вполне точным. См.: Mátyás Rákosi. *Visszaemlékezések 1940–1956* [Воспоминания, 1940–1956], 2 vols. (Budapest: Napvilág, 1997), vol. 2, 971–972. Ср.: András Hegedüs. *Élet egy eszme árnýékában: Életrajzi interjú* [Жизнь в тени идеала: интервью-воспоминание] (Vienna: Zoltán Zsille, 1985), 216–217. Осенью 1954 года Хегедюш, тогда заместитель председателя правительства, дважды

Во-вторых, в лице советского посла в Венгрии Юрия Андропова Ракоши имел влиятельного союзника, который знал, как манипулировать Кремлем. Искусно составленные донесения посла в 1954–1956 годах, всплывшие из тайных кремлевских архивов, свидетельствуют о поддержке, которую тот оказывал партийному вождю Ракоши в противовес всем остальным венгерским деятелям, особенно Надю*. Несмотря на кажущуюся беспристрастность, Андропов исполнил роль Яго при кремлевском Отелло: он убедил политбюро, что альтернативой Ракоши будут не реформы, а хаос.

В-третьих, к январю 1955 года прежние покровители Надя в Кремле были либо мертвы (Берия), либо понижены в должности (Маленков). В свою очередь Маленков, спасая карьеру, пошел на попятный, поддержал новый альянс в политбюро и решительно отмежевался от своего бывшего венгерского протеже. Наконец, в-четвертых, решение Кремля поддержать непримиримых венгерских сталинистов в 1955–1956 годах могло быть продиктовано геополитическими причинами, а именно страхом перед возможностью создания миниальянса между Австрией, Югославией и Венгрией. Мысль о таком региональном сою-

---

ды посещал Ракоши в Москве (где тот лечился в санатории). Ракоши сообщил ему, что советские правители «недовольны поведением Имре Надя и считают создавшиеся в Венгрия обстоятельства опасными». В беседах с Хегедюшем Молотов подтвердил точность оценок Ракоши.

* Осуществляя свой вполне очевидный план, состоявший в том, чтобы отвратить Москву от Надя, Андропов проявил хитрость и коварство, с которыми миру придется столкнуться позже, когда Андропов станет главой КГБ и в конечном итоге Генеральным секретарем ЦК КПСС. См.: Magdolna Baráth, ed. *Szovjet nagyköveti iratok Magyarországról 1953–1956: Kiszérv és Andropov titkos jelentései* [Документы советских послов о Венгрии в 1953–1956 гг.: тайные донесения Киселева и Андропова] (Budapest: Napvilág Kiadó, 2002). В этом превосходном сборнике содержится восемьдесят одна тайная депеша от посольства СССР в Будапеште руководству ЦК КПСС, Совету министров СССР и КГБ. Во время интервью летом 2003 года и в письме, пересланном мне электронной почтой в начале 2005-го, Александр Яковлев подчеркивал зловещую роль Андропова в восточноевропейских делах, особенно в Венгрии. Я благодарен светлой памяти г-ну Яковлеву за интерес к моей работе, в частности за готовность написать предисловие к русскому изданию этой книги, которую он выразил за два месяца до своей безвременной кончины в октябре 2005 года.

зе вполне могла зародиться в голове Тито или Имре Надя* — очевидно, что для Москвы перспектива подобного альянса была чревата потерей абсолютного лидерства в мировом коммунистическом движении и, что еще более важно, в недавно учрежденной организации Варшавского договора.

Если бы Советский Союз действовал в духе новых внешнеполитических инициатив и стремился распространить на Венгрию собственную, пусть и непоследовательную программу десталинизации, Москва должна была сместить Ракоши, Эрнё Герё, Михая Фаркаша и иже с ними, одновременно укрепив позиции Надя в политбюро, секретариате и ЦК венгерской компартии. Этого, однако, не произошло. Напротив, свернув реформистский курс Надя, Кремль тем самым расколол венгерскую партию и вызвал яростное сопротивление интеллигенции против возвращения “старой гвардии”. Именно политический раскол наверху и недовольство интеллигенции стали основной причиной роста революционных настроений.

Кроме этого, как уже отмечалось, между Москвой и Будапештом существовал определенный “разрыв в понимании” двух внешнеполитических инициатив Кремля середины 1950-х годов.

Одна из них заключалась в советско-югославском сближении. Ранее, в особенности в период с 1948 по 1953 год, советская и венгерская риторика в отношении югославского диктатора Тито была необычайно враждебной; так, Тито нередко именовали “цепным псом американского империализма”. После смерти Сталина отношения с Белградом несколько улучшились, однако эти изменения затрагивали, в первую очередь, межгосударственную, а не межпартийную политику. Поэтому мир был ошеломлен, когда в мае 1955 года Хрущев, сойдя в Белграде с трапа самолета, приветствовал облаченно-го в белоснежную маршальскую форму Тито — бывшего отступника и архиврага — словами “Дорогой товарищ Тито!”. *Товарищ* Тито? Некоторые члены советского политбюро, в частности Молотов, выступали за улучшение межгосударственных, но не межпартийных, “товарищеских” отношений с

* Ср.: Imre Nagy. *On Communism: In Defense of the New Course* (New York: Praeger, 1957).

Югославией — страной, которую они продолжали считать не-социалистической. За такими идеологическими оговорками скрывалась тайная поддержка сталинской и молотовской позиции, в соответствии с которой Югославия Тито была изгнана из коммунистического содружества в 1948 году, однако на этот раз возобладали линия Хрущева*. Венгерская компартия неохотно последовала за Москвой, однако не спешила с примирительными мерами, которых ожидал Тито; Ракоши не желал извиняться за язвительные выпады в адрес Югославии и ее вождей, на которые он не скупился в конце сороковых и в начале пятидесятых годов.

Будапешт не вполне разделял советскую политику и в отношении еще одного непосредственного соседа Венгрии — Австрии. В мае 1955 года, после многих лет неуступчивости Кремль согласился на подписание с Австрией государственного договора, согласно которому из страны выводились все базировавшиеся в ней с 1945 года иностранные войска, включая советские; в обмен Австрия обязалась воздерживаться от вступления в НАТО в будущем. Договор с Австрией имел важные последствия для Венгрии и Румынии: теперь Москва была вынуждена искать новое обоснование для сохранения своего военного присутствия в этих странах. Доктрина, в соответствии с которой советские войска в Венгрии и Румынии якобы обеспечивали связь между военными подразделениями в Австрии и Советским Союзом, внезапно оказалась недействительной. По этой причине в мае 1955 года, буквально за день до подписания государственного договора с Австрией, Кремль учредил организацию Варшавского договора. Будучи политическим союзом лишь по форме, Варшавский пакт служил инструментом гос-

* В превосходно написанной биографии Хрущева Уильям Таубман сообщает, что, когда Молотов продолжал противодействовать политике Хрущева и после визита последнего в Белград, Хрущев обвинил его в том, что тот настраивает против Советского Союза весь мир. “Хрущев указал на Корею. “Это мы начали корейскую войну. Об этом всем известно», — заявил он”. Под «мы» Хрущев подразумевал Молотова. (Уильям Таубман. *Хрущев*. Пер. с англ. Н.Л. Холмогоровой. — М.: Молодая гвардия, 2005, с. 296.) Напротив, Хрущев, похоже, выступал сторонником доктрины «мирного сосуществования»: не делайте лишних врагов, но жестко соревнуйтесь и оставайтесь бдительны.

подства Москвы над восточноевропейскими доминионами, в частности позволив Москве сохранить в Венгрии “временное” военное присутствие для защиты коммунистического режима. Тем не менее обретение Австрией независимости и ее нейтралитет знаменовали перемены во внешней политике Советского Союза.

С точки зрения официального Будапешта эти два события выглядели тревожными, даже зловещими. Не за тридевять земель, но в непосредственной близости от Ракоши Советы начали проводить новый внешнеполитический курс. После женевской встречи на высшем уровне в 1955 году создалось впечатление, что Москва склонна к заключению новых договоренностей в Европе, которые оказали бы существенное влияние на отношения СССР с государствами — участниками Варшавского блока, и в частности с Венгрией (по причине ее географической близости к Югославии и Австрии). Однако, учитывая подкововерную борьбу в Кремле и изменчивую партийную тактику, истинные намерения Москвы оставались неясными. Озадачены были даже хорошо осведомленные, входящие в высокие кабинеты лица. Что мог означать поход русских в Белград, вывод войск из Австрии, улыбки в Женеве? Были ли они новым воплощением ленинской внешнеполитической тактики, или Москва действительно готовилась к серьезным уступкам, пытаясь найти общий язык с Западом?

У Ракоши были (или должны были быть) все основания для беспокойства из-за перемен в Советском Союзе в отношениях Москвы с Австрией и в особенности с Югославией. Если Кремль действительно экспериментировал с новым внешнеполитическим курсом и если таковой предполагалось распространить на вассальные государства Восточной Европы, Ракоши пришлось бы уйти. В конце концов, еще в июне 1953 года Кремль дал понять, что именно он, Ракоши, несет ответственность за провалы и неудачи *его* сталинистской Венгрии (см. об этом главу 2). Разумеется, Ракоши с тех пор не изменился: в 1955 году он ни йоту не отличался от прежнего диктатора. Из всех восточноевропейских вождей Ракоши нападал на Тито с наибольшим ожесточением. Станет ли Тито мстить? Попробует ли он унижить высокомерного венгерского врага? Попробует ли он убедить Москву вернуть к власти Надя? В конечном итоге Надя был более приемлем для Югославии. Кроме того, его

взгляды соответствовали новой антисталинистской риторике Кремля.

Резкие колебания советской внешней политики в регионе привели к странному парадоксу. Вновь вставшие у кормила государства венгерские сталинисты своими действиями подрывали коммунистическую систему *в силу того, что оставались сталинистами*, а бывшие сталинисты, превратившись в сторонников Надя и реформ, расшатывали режим *потому, что стали антисталинистами*. По сути, именно на фоне схватки между догматичными и утратившими иллюзии коммунистами разворачивались события осени 1956 года.

Эта глава книги посвящена отношениям между Москвой и Будапештом в период, предшествовавший венгерской революции. В разделе 2 описывается драматичная встреча в Кремле 8 января 1955 года, в результате которой к власти в Венгрии вернулся Ракоши. В разделе 3 говорится о росте антисталинистской оппозиции в 1955 году и в особенности после XX съезда КПСС 1956-го: это движение, в котором активное участие приняли многие представители венгерской интеллигенции еврейского происхождения, было направлено на возвращение Надя к власти. В разделе 4 дается краткий очерк роли Надя в советско-венгерских отношениях летом 1956 года и в сложных политических маневрах, которые Москва, Будапешт и Белград вели в канун венгерской революции.

2

В состав венгерской делегации, участвовавшей в четырехчасовой встрече в Кремле 8 января 1955 года, входили Ракоши, Надя, а также Фаркаш и два молодых члена политбюро, Лайош Ач и Бела Салаи. Салаи вел подробный протокол встречи*. За

* См.: Notes of Discussion between the CPSU CC Presidium and a HWP Leadership Delegation in Moscow on January 8, 1955, в *The 1956 Hungarian Revolution: A History in Documents*, под ред. Csaba Békés, Malcolm Byrne, and János M. Rainer (Budapest: Central European Press, 2002), 60–65. Чаба Бекеш перевел этот документ с венгерского на английский. К сожалению, в этих записях почти нет сведений о том, что говорили во время встречи

исключением Берии, к тому времени расстрелянного, советская делегация состояла практически из тех же людей, которые в 1953 году возвысили Надя, сделав его председателем правительства, и лишили премьерства Ракоши. На встрече присутствовал и советский посол в Венгрии Юрий Андропов, однако он не принимал активного участия в обсуждении. В схватке между венгерскими руководителями, как свидетельствуют записи Салаи, советское политбюро приняло на этот раз сторону Ракоши. Хрущев даже намекнул, что Надя может разделить участь репрессированных в тридцатых годах.

Открывший заседание Ворошилов упрекнул Надя в тщеславии и недисциплинированности и потребовал, чтобы тот безоговорочно признал свои ошибки. К ошибкам относилось в том числе пренебрежение нуждами промышленности, особенно тяжелой промышленности, и чрезмерное увлечение сельскохозяйственными вопросами. В противоположность общеизвестным фактам Ворошилов утверждал, что земля в Венгрии “не национализирована”, подразумевая, что вина за это лежит на Наде. Свою речь он закончил самыми тяжкими с точки зрения советского руководства обвинениями: “выступая против некоторых членов [венгерского] Политического комитета [политбюро]” Надя обратился “к общественности”, а это “граничило с изменой”. То были сильные слова.

Следующим говорил Молотов. “Выступая с речью в июле 1953 года, — сказал он, — товарищ Надя призывал крестьян выходить из колхозов. [Его прерывает товарищ Надя: “Это была не моя идея. Нам посоветовали это здесь...”] Действительно, в то время вам посоветовал это Берия, однако после ареста Берии мы предупреждали вас о необходимости быть осмотрительным и осторожным. Товарищ Надя с большим пафосом выступал за выход из колхозов, и это усугубляет его ошибку”. Цитируя статью Надя, опубликованную в венгерской партий-

---

пятеро членов венгерской делегации, за исключением нескольких реплик и заявления, что “они высказали свое мнение об основных вопросах политической и экономической ситуации в Венгрии, с ударением на ошутимые конфликты внутри партийного руководства и их возможные причины”. Протокол заседания венгерского политбюро 13 января 1955 года косвенно подтверждают записи Салаи. Записи об этой встрече в российских архивах пока не найдены.

ной газете 20 октября 1954 года*, Молотов обвинил его в принижении успехов советского сельского хозяйства и иных достижений в СССР и в Венгрии до июня 1953 года, как если бы все положительные события в Венгрии произошли только после назначения Надя председателем правительства. “Вы говорили, что не можете работать вместе с товарищем Ракоши, — заключил Молотов. — В Венгрии нет лучшего руководства, чем товарищ Ракоши”.

Слово взял Каганович: “Советский Союз освободил Венгрию. Почему товарищ Надя не упомянул об этом в своей статье [от 20 октября 1954 года]? Вы ничего не пишете и о событиях последних десяти лет. Вы считаете, что все [было] неправильно. Мы придерживаемся иного мнения”. Разгорячившись, Каганович заявил, что идеи Надя “отражают мнение мелкой буржуазии *и отчасти* [мнение] *врага*... Разглаживая об [улучшении] уровня жизни, вы поддерживаете сельскую буржуазию. *Процветание было любимым словечком Бухарина*... Вы просто перефразируете идеи, которые уже ис-

---

* A Központi Vezetőség ülése után [После заседания Центрального комитета], *Szabad Nép*, 20 октября 1954 г. Первоклассный анализ статьи Надя см. в работе Яноша М. Райнера: János M. Rainer. *Imre Nagy: Politikai életrajz* [Имре Надя: политическая биография], 2 vols. (Budapest: 1956–os Intézet, 1996), vol. 2, 92–93. Райнер справедливо замечает, что для своего времени статья Надя была действительно “радикальной”. Надя утверждал, что до июня 1953 года (когда он возглавил правительство) дела в стране обстояли неважно, а в партии не было “коллективного руководства”; он выступал за реабилитацию невинных жертв политических репрессий и обещал скорую демократизацию Венгрии. Как ему напомнили о том советские вожди, Надя не нашел ни одного доброго слова для достижений социализма в Венгрии до 1953 года; разумеется, те же советские вожди во время июньской встречи 1953 года в Кремле и сами поносили ракошистскую Венгрию. Кроме того, чуть больше чем через год, в феврале 1956-го, Хрущеву предстояло развенчать Сталина и дать оценку сталинистскому прошлому СССР в словах гораздо более жестких, чем это сделал Надя в статье о Венгрии. Надя показал, что он способен на независимое мышление. Его статья *предварила* доклад Хрущева на пятнадцать месяцев. Тем не менее теперь представляется странным, что советские правители предпочли цитировать эту статью Надя, а не его гораздо более известную и спорную, с точки зрения коммунистической догмы речь на съезде Отечественного народного фронта в октябре 1954 года. См. прим. ** на с. 82.

коренены в Советском Союзе” (курсив мой. — Ч. Г.). Повторяя упреки, сделанные в адрес Надя другими членами политбюро, Каганович, тем не менее, не настаивал на его смещении. “Было бы гораздо лучше, — сказал он, — если бы вы исправили свои ошибки и продолжили работать”.

Именно это рекомендовал Надю и Маленков: возьмите на себя всю ответственность за пренебрежение капиталовложениями в тяжелую промышленность (несмотря на то, что Надя и Маленков сократили эти инвестиции при полной поддержке советского политбюро). Маленков, ссылаясь на ту же октябрьскую статью Надя в “Сабад неп”, сказал, что “прочел ее с большой тревогой. Если бы под ней не стояла подпись товарища Надя, можно было бы подумать, что ее написал человек, чуждый марксизму. За спиной товарища Надя прячутся гнилые элементы”. Тут былой покровитель Надя стал советовать венгру, как тот может спасти свою должность и голову: “Товарищ Надя должен сам написать о совершенных им ошибках и представить [эту записку] в Политический комитет”.

Микоян в своем кратком и относительно мягком выступлении оказался единственным из членов политбюро, кто упомянул советско-венгерскую встречу 1953 года: “Когда товарищ Ракоши совершал ошибки, мы подвергли его критике, и он исправил свои ошибки. ...[Но] товарищ Надя сказал: “Я не могу работать с Ракоши”. Это язык ультиматумов. ...Если он думает об интересах партии и о марксизме, ему следует признать свои ошибки”.

Последним говорил Хрущев. В отличие от коллег он признал, что критика Надя в адрес Ракоши не лишена оснований и что Ракоши еще не исправил свои ошибки. Затем, однако, Хрущев яростно обрушился на Надя, которого всего полтора года назад выдвигал на должность венгерского премьера, и обвинил его во всех возможных грехах. Надя способствует распространению “антипартийных идей”. Он “слаб”. Он призывает крестьян выходить из колхозов. Он — тщеславная примадонна. “Вам не дали возможность реализовать свою программу, и вот вы собираетесь уходить и говорите, что ни за что не несете ответственности. Ваша отставка и ваша скрытность — не что иное, как нападки на партию”. Согласно Хрущеву, Надя был повинен даже в “скверном состоянии” пролетарского интернационализма в Венгрии — свидетель-

ством тому были частые “вспышки националистических чувств” на различных спортивных состязаниях*.

Захлебываясь словами, Хрущев заявил, что “Голос Америки” надеется на то, что Надя “станет предателем. Они надеются, что будут советская, югославская и венгерская [разновидности] социализма. ...Черчилль сейчас потирает руки. ... (Реплика Ворошилова: “Они надеются, что Венгрия будет такой же, как Югославия”)). Позже Хрущев вновь помянул Черчилля: “Вы [Надя] подпали под влияние масс. Людям необходимо говорить правду. Уровень жизни может повыситься только в том случае, если люди сами начнут производить больше. Это знает даже буржуазия; это знает даже Черчилль”.

Вторя Кагановичу, Хрущев дал понять Надю, что он находится под пристальным наблюдением и что его дурное поведение повлечет за собой серьезные последствия. Обратив-

---

* Не вполне ясно, что именно подразумевал Хрущев. В середине 1950-х годов, когда национальные сборные Венгрии по футболу и водному поло были, возможно, лучшими в мире, это, конечно, вызывало радость и энтузиазм болельщиков. В те годы я нередко посещал футбольные и ватерпольные матчи, но не припоминаю случаев политических демаршей или насилия со стороны болельщиков. Единственное исключение относится к 1954 году, когда на чемпионате мира по футболу Венгрия, обыграв всех соперников, проиграла в финале Западной Германии со счетом 3:2. Тогда болельщики обвиняли в поражении тренера сборной и требовали его отставки. Я также помню ватерпольный матч между Венгрией и СССР, кажется, в 1954 году, который выиграли венгры, и, хотя болельщики вели себя пристойно, все последующие матчи между двумя странами проходили за закрытыми дверями, чтобы не обнаружить “неполноценность Советов”. Хрущевская интерпретация пролетарского интернационализма: венгры, дескать, не должны болеть за свои команды, поражает воображение. Гораздо позже, после того как Москва сокрушила восстание и уж точно после того, как Хрущев сказал эти слова, на Мельбурнской олимпиаде 1956 года состоялся еще один, печально известный матч между двумя ватерпольными командами. Шестого декабря, во время полуфинального матча, когда венгры вели со счетом 4:0, игра была приостановлена на последней минуте. Арбитры пытались остановить разъяренных венгерских болельщиков после того как советский ватерполист Валентин Прокопов кулаком ударил в глаза венгерского игрока Эрвина Задора. Завязалась драка, вода окрасилась кровью. (Я видел документальный фильм, запечатлевший этот матч). Венгрия получила золотую медаль. Так венгры “отомстили” за предательство и поражение в ноябре 1956 года.

шись к неприкрытым угрозам, которые глубоко возмутили Надя, Хрущев сказал, что, хотя Надя “не лишен достоинств... Зиновьев и Рыков тоже не были лишены достоинств, однако мы не колеблясь предприняли против них жесткие меры, когда они стали представлять опасность для партии”. Надю было прекрасно известно, что Зиновьев, один из ближайших сподвижников Ленина и глава Коминтерна в 1919–1926 годах был расстрелян по приказу Сталина в 1936-м; Рыков, председатель советского правительства в 1924–1930 годах, был казнен в 1938-м. Переживший сталинский террор Надя мог без труда сделать должный вывод.

Он, безусловно, понял угрозу, но — случай в истории советского блока почти исключительный — отказался повиноваться. Надя сознавал, что в Москве его ждет политическое линчевание: он готов был согнуться, но не сломаться. Вернувшись в Будапешт, он отверг требование Кремля о капитуляции. Его упрямое желание оставаться самим собой перевесило преданность партии и Советскому Союзу. Если бы советские вожди *попросили* его признать ошибкой публикацию той октябрьской статьи, которую он не согласовал с Ракоши (тогда он был в отпуске), он мог бы пойти им навстречу. Если бы они *попросили* его увеличить капвложения в тяжелую промышленность, он мог бы последовать примеру Маленкова и изменить бюджет в свете изменившихся приоритетов. Но советские вожди поставили все с ног на голову, заявив, что Надя не сделал ни одного правильного шага, хотя он в точности следовал указаниям, данным ему во время кремлевской встречи в июне 1953-го.

Кроме того, Надя был не готов отступить и становиться одним из рядовых Ракоши даже ради сохранения поста премьера. Он был достаточно умен и понимал, что самоуничтожение теперь приведет к полному поражению в недалеком будущем — храбрость и гордость не позволяли ему участвовать в собственном политическом убийстве. Наконец, несмотря на недавний арест и казнь Берии, Надя, похоже, понимал, что Каганович и Хрущев блефуют: они не собирались его убивать. Их угрозы звучали неубедительно. В этом смысле, по крайней мере, времена изменились. Теперь, после смерти Сталина, ему не придется разделить участь Бухарина, Зиновьева или Рыкова.

После встречи в Кремле Надя чувствовал себя глубоко уязвленным: его иллюзии были поколеблены*. Хотя он по-прежнему уважал Советский Союз, страну победившего социализма, он не мог позволить, чтобы им помыкали Хрущев и его клика.

В тот день, 8 января 1955 года, в нем родилось отрицание Кремля.

Спустя пять дней, 13 января 1955 года на заседании венгерского политбюро партии Надя не стал каяться в приписываемых ему грехах**. Он не выказал благодарности за то, что Москва позволила ему не уходить с поста председателя правительства, хотя советские вожди якобы обещали Ракоши отправить его в отставку***. Кремль хотел, чтобы Надя покаялся, а не уходил. В случае его отставки внимательная венгерская общественность, в том числе писатели, журналисты, университетские студенты (а в среде интеллигенции было много партийных), поймет, что партия раскололась и поспешит встать на защиту Надя. Во избежание этого советские вожди ожидали, что Надя займет “антинадевскую” позицию, а затем притворится, что ничего не произошло, что он-де работает в русле прежней политики. (То же самое ранее проделал Маленков, разве что его понизили до должности заместителя председателя Совета министров.) Достойно удивления, что Надя, политик московского склада, отказался стать венгерским Маленковым. Он думал о судьбе своей политической программы, а не о должности.

Заседание политбюро в Будапеште было, надо полагать, жалким зрелищем. Все члены венгерского политбюро, кто поддерживал Надя в предшествующие месяцы, теперь обратились

* Такое впечатление он произвел на заседании венгерского политбюро спустя пять дней. См. прим. **.

** Подробный отчет об этом заседании см.: György T. Varga, ed. A Politikai Bizottság 1955. január 13. ülésének jegyzőkönyve [Протокол заседания политического комитета 13 января 1955 г.], в *Jalta és Szeuez között: 1956 a világpolitikában* [Между Ялтой и Суэцем: 1956 год в мировой политике] (Budapest: Tudósítások Kiadó, 1989), 39–86.

*** В своих воспоминаниях Ракоши утверждал, что советские товарищи обещали ему отнестись к Надю более строго, и поэтому он был «очень огорчен», когда Кремль позволил Надю сохранить пост премьера и остаться членом политбюро. M. Rákosi. *Visszaemlékezések 1940–1956*, 974.

против него. Перед лицом единодушного, враждебно настроенного политбюро Надь оказался в полном одиночестве. Само “обсуждение”, продолжавшееся несколько часов, напоминало скорее политиканство, чем политику. Как если бы они были лингвистами, а не партийными писаками, члены политбюро долго выясняли, следует ли в готовящейся резолюции признать их политику при Сталине верной “в основном” или “по существу”; в венгерском и в других языках — это мнимое различие. Еще один “вопрос”, имеющий отношение к языку, состоял в ответе Надя на критику Кремля. Надь: “Я *выслушал* добрый совет [советских] товарищей и попытаюсь исправить ошибки”. Ракоши: “Как мы понимаем, товарищ Надь *воспринял* критику и *сделает* все возможное, чтобы исправить ошибки” (курсив мой.— Ч. Г.).

А как насчет готовности Надя работать с Ракоши? Надь заявил, что хочет вынести вопрос на рассмотрение ЦК партии и попросить ЦК освободить его от работы как в политбюро, так и в правительстве, так как согласно партийным правилам он имеет право это сделать. Фаркаш: “Как вы объясните свою отставку? Вы что, больны? Нет! Вы устали? [Если так] Возьмите отпуск! ...Конечным следствием [отставки] будет формирование вокруг вас группы, которая причинит огромный вред партии”. Надь: “Что ж, сколько мне еще быть председателем Совета министров?”. Фаркаш: “До тех пор, пока вы нужны на этой должности партии”. Надь: “[Вы все говорите] что я не способен руководить правительством, что я очень плохой марксист, что я никудышный экономист”. Ракоши: “А вы что, не можете исправить ошибки? Разве люди не признают свои промахи?”.

Попросив, чтобы ему дали время обдумать “мнение товарищей”, Надь попытался закончить встречу на примирительной ноте. Однако заключение Ракоши и предложенная им формальная резолюция политбюро вовсе не дышали миром. “Мы” напишем длинную статью, сказал Ракоши, которая через несколько недель будет опубликована в партийной ежедневной газете за подписью Имре Надя. В обращение будет введен партийный документ, в котором утверждается, что “политика партии была в основном верной и до июня 1953 года”. В резолюции политбюро говорилось, что “замечания, высказанные на заседании товарищем Имре Надем, не способствовали решению ключевых

вопросов”. Политбюро также уполномочило Ракоши освободить от работы Золтана Ваша, заведующего секретариатом Совета министров, возглавляемого Надем. Точнее сказать, Ракоши приказал политбюро приказать Ракоши, чтобы тот уволил Ваша.

В течение следующих нескольких месяцев Надь был бесцеремонно смещен со всех постов в правительстве, партии и даже в Академии наук. Таково, впрочем, было решение Ракоши, а не Кремля: Ракоши превысил свои полномочия. В марте венгерские товарищи публично обвинили Надя в таких страшных “коммунистических” преступлениях, как “принижение руководящей роли партии”, “правый оппортунистический уклон... в отношении социалистической индустриализации” и крестьянства, а также “ревизия марксистско-ленинской доктрины диктатуры пролетариата”*. Хотя Кремль предполагал оставить Надя “в резерве”, Ракоши сделал все, чтобы отомстить за испытанное в 1953 году унижение. С тайным поручением Кремль послал в Будапешт Сулова — тот должен был поговорить с Надем о его будущем. Надь, со своей стороны, вновь отказался признать ошибки и не согласился на меньшую должность; он отверг “формулу Маленкова”** . Миссия Сулова провалилась. В апреле Надь лишился всех партийных и правительственных постов. Ему даже запретили преподавать экономику. В ноябре Надя исключили из партии, которую он помогал создавать в 1918 году, — это потрясло его больше всего. В тот день, когда это случилось, он сказал другу, писателю Тамашу Ацелу: “Смотри, что они со мной сделали. ...После стольких лет, что я был воином партии. ...Эти совершенные ничтожества. ...Но я сказал им правду”***.

* *Szabad Nép*, 9 марта 1955 г.

** Tamás Aczél and Tibor Méray. *The Revolt of the Mind: A Case History of Intellectual Resistance behind the Iron Curtain* (New York: Praeger, 1959), 324.

*** Tibor Méray. *Thirteen Days That Shook the Kremlin: Imre Nagy and the Hungarian Revolution* (New York: Praeger, 1959), 41. Опубликованная более чем за три десятилетия до открытия относящихся к Надю и событиям 1956 года архивов эта работа, наряду с книгой *Revolt of the Mind* (см. прим. **), остается одним из наиболее значительных трудов по рассматриваемой теме. Теперь нам известно гораздо больше подробностей, в особенности о механизме принятия решений в Кремле, однако с точки

Теперь, когда Имре Надь был всего лишь пенсионером, его популярность внезапно стала общенациональной. Для молчаливого антикоммунистического большинства этот «москвич» вдруг стал своим. Для утратившей иллюзии антисталинистски настроенной элиты, которая восхищалась, почти поклонялась Надю, он превратился в символ социалистических идеалов.

3

Движение венгерских коммунистов-интеллектуалов за реформирование сталинистской системы, так называемое восстание умов, началось в последний период премьерства Надя в 1953—1955 годах, незадолго до его отставки. Именно тогда, после смерти Сталина большинство писателей, журналистов и представителей иных творческих профессий отвернулись от своего марксистско-ленинского божка. Некоторые из них испытывали дурные предчувствия в отношении построения коммунизма — если не жизнеспособности самой системы — и ранее, до 1953 года. Для них процесс постепенного разочарования в коммунистической идеологии начался с репрессий против видных венгерских коммунистов в начале пятидесятых.

Миклош Вашархейи, например, после Второй мировой войны работал в редакции коммунистической ежедневной газеты «Сабад Неп». Он был убежденным коммунистом. Когда в 1949 году он узнал об аресте и исчезновении нескольких своих друзей по антинацистскому подполью, включая Ласло Райка, он не мог поверить, что они были агентами Тито или Соединенных Штатов. Согласно его воспоминаниям* и беседам с автором этих строк, поначалу он страшился даже мысли о том, что выдвинутые против его друзей обвинения ложны. Как могли они

зрения содержательности они лишь дополняют эти две замечательные работы. Если моя оценка Надя и окружавших его сторонников-интеллектуалов и отличается от той, что выражена в двух этих книгах, так это потому, что я пишу с высоты пяти истекших десятилетий, которые умерили мой энтузиазм и побудили меня говорить не только об их доблести и честности, но и об их недостатках.

* См.: Miklós Vásárhelyi. *Ellenzékben* (Budapest: Szabad Tér Kiadó, 1989). См. также прим. ** на с. 82.

быть *ложными*, когда «партия» подтвердила их правдивость? И однако как они могли быть *правдивыми*, когда он по личному опыту знал, насколько верными, убежденными, поистине фанатичными коммунистами были эти мнимые «изменники»?

Признавшись себе в возможности того, что партия ошиблась, он не знал, что ему делать с этим открытием. Если бы он рассказал о своих сомнениях другу, не обязан ли этот друг донести на него в политическую полицию? Кому он мог доверить свои дурные предчувствия? Как и где мог он облегчить душу? Хотя он испытывал сильное желание поделиться с кем-нибудь растущими сомнениями, ему необходимо было думать о самосохранении и о защите семьи. После суда над Райком в 1949 году он стал осторожно говорить о своих чувствах жившему по соседству другу Гезе Лошонци, который тогда был кандидатом в члены ЦК партии.

В 1951 году, после ареста Лошонци, Шандора Харасты, Яноша Кадара, Дюлы Каллаи и других, тревога Вашархейи возросла еще больше. Каждый раз, когда ночью мимо его дома проезжала машина, он с замиранием сердца ждал ужасного стука в дверь. Все же через какое-то время Вашархейи решил поверить свои страхи Йожефу Силади, другу детства из Дебрецена. Стоя на балконе своей квартиры, где, как ему казалось, нет «жучков», Вашархейи шепотом поведал своему другу и товарищу, что «здесь что-то нечисто». Силади, также потрясенный публичными признаниями арестованных коммунистических вождей, согласился, что некоторые слова обвиняемых не соответствовали их обычной манере говорить*.

---

* Вашархейи не ошибся, поделившись своими сомнениями с Силади. Герой из всех героев 1956 года, Силади во время восстания возглавил секретариат правительства Надя. В 1958 году его собирались судить вместе с Надем, Вашархейи и другими, но, в конце концов, отделили от других подсудимых (суд над Надем и его сподвижниками состоялся в июне 1958-го), просто потому, что тайная полиция была неспособна контролировать его поведение. Его непреклонность перед лицом тюремщиков не знала границ. Гневно крича на них, он, например, требовал, чтобы в качестве свидетеля суд вызвал Яноша Кадара, предавшего революцию и теперь, в 1958-м, ставшего у власти в Венгрии. Хотя и Силади, и группу Надя намеревались судить за закрытыми дверями, поведение Силади делало невозможным даже тайное судебное разбирательство. Выделив дело Силади в особое производство, его приговорили к смерти и казнили в ап-

В начале 1950-х Вашархейи перевели из партийной ежедневной газеты на должность редактора ежемесячника, публиковавшегося на русском и английском языках для иностранных читателей. Это была малозначущая должность в малозначащем издании, однако именно там он познакомился с человеком, который позже привел его к Надю, — с его дочерью Эржебет

реле 1958 года. Записи его допросов и протоколы судебного заседания можно найти в архиве венгерского МВД: V-150.000/73. Подробный рассказ об этом идеалисте с коммунистическими убеждениями, превратившемся в непримиримого врага кадаровской Венгрии см.: István Javorniczky. *Eljo az a nagy, szép ido* [Прекрасные времена все еще впереди] (Budapest: A Héttorony Könyvkiadó, n.d. ca. 1991). В начале 1990-х я познакомился с дочерью Силади Юлией, которая, казалось, унаследовала мужество и принципиальность отца и при этом обладала очень тонкой душевной организацией. Психолог по профессии, Юлия Силади не переставала задаваться одним из мучительнейших вопросов, связанных с пребыванием ее отца в тюрьме и относящихся к человеческому поведению в подобных обстоятельствах. С одной стороны, она безоговорочно восхищалась отцом и дорожила его памятью. С другой стороны, однако, она спрашивала, почему он был настолько непреклонен, что фактически вынудил судилище вынести ему смертный приговор? Желал ли он смерти, испытывая раскаяние за свое коммунистическое прошлое? Неужели самоискупление было для него важнее возвращения домой, к жене, сыну и к ней, его дочери? Она не переставала спрашивать себя: «*Что могло быть для него важнее нас?*» (Курсив мой. — Ч.Г.) Почему его дело оказалось для него важнее семьи и собственной жизни, вопрошала она, сознавая, что ответа на этот вопрос нет. См. Javorniczky, там же, 193, где в трогательных строках отражена тоска дочери об отце, которого не было рядом в трудную минуту, и ее огромное, хотя и мучительное уважение к его выбору. Показателен и контраст между двумя друзьями — Силади и Вашархейи. Заключение в тюрьму после революции, Вашархейи не кричал на следователей и не оспаривал законность их действий. Он сказал мне в 1992 году: «Я никогда не спорил с этими ублюдками. К чему? Я хотел вернуться домой, к семье, не предав своих друзей». Из вопросов следователей он вычислил, что им было известно о нем и о его действиях, и подтвердил имевшиеся у них сведения. Он не сказал ничего нового и ни разу не «настучал» на соответчиков. Отсидев полный срок — пять лет в тюрьме, он вернулся к жене и трем детям. В 1970-х и 1980-х он стал одним из виднейших лидеров так называемой демократической оппозиции, которая помогла свалить коммунистический режим в 1989 году. Читатели могут задать вопрос, как не раз я спрашивал себя сам, как бы они поступили в схожих обстоятельствах, и кто из этих двоих людей — Силади или Вашархейи — заслуживает в их глазах большего восхищения?

(которую все называли Жикой) работавшей редактором и переводчиком в русской редакции журнала. Надь был тогда высокопоставленным партийным чиновником, без пяти минут премьер-министром, а Вашархейи всего лишь редактором журнала, человеком сомнительной благонадежности. Возглавив кабинет министров, Надь сделал Вашархейи пресс-секретарем правительства; в его служебные обязанности входило, среди прочего, информировать редакторов ведущих периодических изданий о верной, с точки зрения Надя, политической линии и докладывать Надю свои соображения. Примерно в это время историк Дёрдь Литван, друг Вашархейи, начал называть его «МикиПресс»*.

И во время премьерства Надя, и после его отставки Вашархейи стремился представлять ему венгерских писателей и иных интеллектуалов, думавших о реформировании системы. Это оказалось нелегкой задачей, так как московский опыт Надя и присущий ему инстинкт самосохранения не позволял ему быстро сходиться с людьми; Надь предпочитал общаться в формальной обстановке. Он знал, что за ним следят, и главным образом по этой причине не спешил сближаться даже с потенциальными сторонниками. Так было и после его вынужденного выхода на пенсию — политическая деятельность Надя в этот период ограничивалась составлением памятных записок, которые он направлял Ракоши, в ЦК венгерской компартии и советскому руководству**. Между тем Вашархейи продолжал снабжать опального премьера новостями и слухами о зарождающемся «восстании умов», и Надь очень осторожно высказывал одобрение его вовлеченности в новое движение.

Надь, что характерно для его настроения и политической позиции после снятия с поста, направлял копии своих работ и писем не только в Кремль, но и Тито, через югославское посоль-

---

* «Мики» — уменьшительное от Миклоша. Вашархейи был в курсе всех событий и, зная подноготную почти каждого чиновника и издателя в Будапеште, умело оперировал информацией, распределяя ее между изданиями.

** Множество записок и меморандумов Надя, в которых он объясняет и защищает свою позицию по ряду вопросов, изданы по-английски: Imre Nagy. *On Communism*. Его письма партийному руководству были впервые опубликованы в 1989 году: *Új Fórum*, № 4 (1989): 11–39.

ство в Будапеште. Связными между Надем и югославами были уже упоминавшийся Вашархейи и Миклош Гимеш — еще один мятежный экс-редактор в газетах “Сабад Неп” и “Мадьяр Немзет”, некоторое время проработавший корреспондентом в Западной Европе и вернувшийся оттуда скептиком в отношении как сталинского коммунизма, так и других его разновидностей. Гимеш, вероятно самый либерально мыслящий и прозападно настроенный из сторонников Надя, даже пытался убедить своих знакомых, что он больше не коммунист*. При этом он оставался одной из ключевых фигур в пронадевской группе коммунистов-реформаторов хотя бы потому, что больше идти ему было некуда. В силу собственного прошлого Гимеш и некоторые его друзья, в особенности, Лошонци, Янош Корнай (который спустя годы стал всемирно известным экономистом в Гарвардском университете) и Вашархейи, принадлежали к кругу реформаторски настроенных коммунистов,

* См.: Sándor Révész. *Egyetlen élet: Gimes Miklós története* [Одна жизнь: история Миклоша Гимеша] (Budapest: 1956-os Intézet and Sík Kiadó, 1999), 288. В дополнение к этой богатой, превосходно написанной биографии см. также трогательный рассказ об отношениях между Гимешем и его преданной возлюбленной в книге: Aliz Halda. *Magányúgy* [Частное дело] (Budapest: Noran, 2002). В дни восстания Гимеш издавал пронадевскую либеральную ежедневную газету под названием «Мадьяр Сабадшаг». После подавления революции он, с помощью ротатора, выпускал нелегальное издание, направленное против режима. Легенда гласит, что Гимеш, очевидно все еще снедаемый виной из-за своего коммунистического прошлого и приготовившийся к катастрофе, раздобыл прямой номер Кадара и позвонил ему из телефонной будки. В тюрьме, до суда, Гимеш был одним из самых непреклонных членов группы Надя; подобно ему, он отказывался отвечать на вопросы следователей. В июне 1958 года его судили вместе с Надем и приговорили к смерти. К тому времени он был сломлен и в конце концов “признал свои ошибки” и “покаялся”. Учитывая, что Гимеш не играл серьезной роли в организации восстания, приговор выглядит особенно чудовищным. Его упрямство и “еврейское прошлое” предопределили его судьбу. Должно быть Кадар, принимавший самое непосредственное участие в определении меры наказания членам группы Надя, был особенно раздосадован его несговорчивостью. То же и Ференц Вида, “судья-вешатель”, который хорошо знал Гимеша по временам, когда оба они принадлежали к одной подпольной ячейке компартии. См. дело Гимеша в архиве венгерского МВД (АНМІА), 150.000/3.

хотя и испытывали сомнения в самой возможности обновления системы.

Иные — подавляющее большинство сторонников Надя и, разумеется, сам Надь оставались убежденными марксистами-ленинцами и верили в превосходство коммунистической модели, поддерживая популярный тогда тезис о том, что Сталин отступил от “ленинских норм”. Иными словами, их критика была направлена против сталинистского террора, чрезмерных темпов индустриализации, камарильи Ракоши и, возможно, ограничений, налагаемых на свободу собраний. Отчасти из расчета, отчасти из убеждений они полагали, что вопросы об альянсе Венгрии с СССР, об однопартийной системе и социалистической ориентации в экономике не могут даже обсуждаться. Так, за редкими исключениями, Надь и его сторонники не расстались с надеждой реформировать систему изнутри. Они избежали от сталинистских воззрений. Они нашли своего героя в Имре Наде. Они были с Надем в хорошие (когда тот возглавлял правительство) и в плохие времена (после его смещения с поста). В феврале 1956-го, после XX съезда КПСС они вновь уверовали в “социалистическую законность”. Если они и оставались идеалистами, то теперь у них было гораздо меньше иллюзий. Их статьи и стихи в “Иродалми Уйшаг”, малотиражной еженедельной газете, которая продавалась на черном рынке по цене в пять, а то и в десять раз превышавшей номинальную, дышали разочарованием, гневом и желанием перемен. К тому времени в стране циркулировало уже несколько изданий, служивших трибуной для выражения подобных настроений.

Помимо Союза писателей, заседания которого проходили за закрытыми дверями, важнейшим форумом венгерских реформаторов был кружок Петефи. По иронии судьбы, кружок был организован Союзом коммунистической молодежи и поначалу состоял из молодых людей, выступавших за умеренные преобразования. Ракоши одобрил учреждение новой организации, надеясь превратить ее в инструмент рекрутирования мятежных интеллектуалов и студентов; общественный вес кружка и количество посещавших его людей заметно возросло и после XX съезда КПСС. Власти долго вынашивали план его ликвидации, но решились на крутые меры только после состоявшегося 27 июня 1956 года бурного, девятичасового собрания кружка,

посвященного свободе печати, точнее, ее отсутствию*. В тот знаменательный день большинство выступавших перед шеститысячной аудиторией требовали расширения свобод, причем несколько ораторов намекнули на необходимость фундаментальных или системных политических преобразований. “Я искренен, когда утверждаю, что верю в нашу молодежь, — говорил Тибор Дери, писатель радикальных взглядов. — Я прошу молодых людей, этих молодых венгров, не забывать о деяниях 1848 года [ссылка на войну за независимость Венгрии от австрийских и русских угнетателей]. Подобно тому как сегодня люди вспоминают молодых героев 1848 года, так, я надеюсь, история будет помнить и молодых людей 1956 года, которые помогут нашему народу обрести лучшее будущее. [Долгие, продолжительные аплодисменты]**. (Курсив мой. — Ч. Г.)

Несколько выступавших, в особенности Лошонци, гневно осудили исключение Имре Надя из коммунистической партии. Было уже за полночь, когда зал, в котором присутствовали и члены партии, и беспартийные, подхватил его слова, восклицая в едином порыве: “Обратно в партию!”, то есть “Верните Надя в партию!”. Аудитория была наэлектризована до предела. И все же тогда, всего за несколько месяцев до октябрьского народно-

* Живой рассказ о дебатах в кружке Петефи на английском см.: John P. C. Matthews. *Tinderbox: East-Central Europe in the Spring, Summer, and Early Fall of 1956* (Tucson: Fenestra Books, 2003), 145–163. См. также: *Revolt of the Mind*, 398–412. Фундаментальное исследование на венгерском было выпущено в семи томах в Будапеште в 1989–1994 гг.: András B. Hegedüs, ed. with the assistance of János M. Rainer, Mária Ember, and Róbert Vohó. *A Petöfi Kör vitái hiteles jegyzőkönyvek alapján* [Дебаты в кружке Петефи на основе подлинных стенограмм]. Хегедюш, которого не путать с председателем венгерского правительства в 1955–1956 годах, был одним из секретарей кружка Петефи.

** J. Matthews. *Tinderbox*, 156–157. Разумеется, речь Дери звучала призывом к революции, а не предложением реформировать коммунистическую систему. Закаленный в боях старый коммунист, Дери был исключен из партии вскоре после произнесения этой речи. В конце 1957 года он получил девять лет тюрьмы за “контрреволюционную деятельность”. Еще до дебатов в кружке Петефи Дери отрепетировал эту речь в клубе журналистов перед двумя ближайшими сподвижниками Надя — Гезой Лошонци и Шандором Хараси, и двумя своими друзьями-писателями — Золтаном Зелком и Ласло Беньямином. См. протоколы допросов Дери в сентябре 1957 года, архив венгерского МВД, V-150.001/2.

го восстания, люди, собравшиеся в кружке Петефи, за несколькими исключениями (как Тибор Дери), еще верили, что проблемы Венгрии можно и должно решить посредством восстановления Имре Надя в рядах несостоятельной партии, осуществлявшей несостоятельную политику. Огромное большинство выступавших считали необходимым не слом, но реформирование системы. “Я не хочу свободы для врагов народа, — говорил, к примеру, писатель Тибор Мераи. — Но я хочу свободы для народа”*. Язык оставался старомодным, а цели ограниченными, однако в то время в этом не ощущалось ничего странного или недемократичного, так как однопартийная система задавала контекст не только общественной деятельности, но и политическим ожиданиям.

Посредством неформальных, личных связей группа Надя оказывала влияние на ход дискуссий в кружке Петефи. Вашархейи, в 1955 году исключенный из партии за “антипартийную”, оппозиционную деятельность и теперь работавший библиотекарем, регулярно общался с руководством кружка, в частности с его главным организатором Габором Танцошом**. С ним поддерживал связь и Лошонци. Следуя предостережениям Надя, его убежденности, что необходимо любой ценой избегать “провокаций”, они советовали руководству кружка воздерживаться от радикальной риторики. Однако, как свидетельствует приведенный выше революционный призыв Тибора Дери, лидерам кружка далеко не всегда удавалось сдерживать выступавших.

Весь Будапешт говорил о драматичных “пресс-дебатах” в кружке Петефи, а также о праздновании дня рождения Имре Надя 7 июня***. Множество людей, среди них реформаторски

* Там же, 159.

** См.: M. Vásárhelyi. *Ellenzékben*, 138–141.

*** Красочное описание этого торжественного вечера, устроенного на следующий день после дня рождения Надя, содержится в статье Габора Мураньи: Gábor Murányi. Születésnap az Orsó utcában: Nagy Imre köszöntése vagy “politikai demonstráció”? [День рождения на улице Оршо: поздравления Имре Надю или “политическая демонстрация”?]. // *Magyar Nemzet*, June 6, 1991. Эта статья, в которой приведена даже ксерокопия счетов за еду и напитки, основывается, отчасти, на признаниях главного организатора вечера Ференца Яноши, зятя Надя. Яноши допрашивали о ходе этого вечера 5 августа 1957 года в тюрьме. См.: Архив венгерского министерства внутренних дел, V-150.000/9.

настроенные члены партии и недавно исключенные из партии коммунисты — писатели, журналисты, актеры, музыканты, университетские профессора, одним словом, сливки венгерской интеллигенции — пришли засвидетельствовать почтение человеку, который, как они надеялись, скоро вернется к власти. На вечере было и несколько высокопоставленных партийных функционеров, однако особую значимость этому событию придавало присутствие Золтана Кодая, всемирно известного композитора, который всегда держался подчеркнуто в стороне от политики. Приглашенные — всего около ста человек — поздравляли и дарили скромные подарки улыбающемуся и, по-видимому, счастливому бывшему премьер-министру. Он, против обыкновения, держался очень непринужденно. Никто не произносил речей, но все излучали надежду и даже уверенность в будущем.

Домокош Кошари, виднейший венгерский историк некоммунист, много лет спустя вспоминал об этом вечере: «Имре Надь стоял рядом, я поднял бокал и сказал: «Господин премьер-министр, надеюсь, что через год мы сможем обращаться к вам так официально. Ваше здоровье!» Повернувшись ко мне, Имре Надь ответил: «Спасибо. Но почему же ждать целый год?»*.

Так случилось, что ассимилированные, неортодоксальные евреи сыграли в «восстании умов» ключевую роль. Примечательно, что евреи преобладали среди гостей на праздновании дня рождения Надя, среди выступавших на собраниях кружка Петефи и среди авторов различных статей, в которых высказывалась мысль о восстановлении Надя в должности председателя правительства. Разумеется, это были не ортодоксальные иудеи, но люди, происходившие из еврейских семей. Их имена и фамилии были нередко переделаны на венгерский лад. О своих общих корнях они не говорили никогда, даже между собой. Они считали себя венграми, а не венгерскими евреями или еврейскими венграми. В послевоенной Венгрии вопрос о еврейском происхождении находился под негласным запретом: о «еврейском» прошлом того или иного коммунистического вождя или высокопоставленного сотрудника политической полиции упоминали только в частных беседах. По этой причине невозможно с точностью установить, кто именно из ведущих венгерских

* Цит. по: *Imre Nagy*, 202.

антисталинистов был «евреем»; не менее сложно определить и число или процент интеллектуалов еврейского происхождения, писавших для таких оппозиционных газет как «Иродалми Уйшаг» или принимавших участие в дебатах в кружке Петефи. Однако, просмотрев списки из сотен имен и сотни же биографических очерков, сверившись с хорошо осведомленными историками и здравствующими участниками событий, я пришел к выводу, что в середине 1950-х годов около трех четвертей или 75 процентов венгерских интеллектуалов, принимавших участие в антисталинистском движении, имели предков евреев. Если учесть, что лица еврейского происхождения составляли менее двух процентов населения Венгрии, это число может показаться невероятно высоким, однако здесь необходимо принимать во внимание два обстоятельства: незаурядную роль, которую писатели еврейских корней всегда играли в интеллектуальной жизни Венгрии, и их очевидное желание в пятидесятых годах искупить свое сталинистское прошлое.

Этот вопрос, при всей его сложности, остается противоречивым по сей день. Так, активное участие коммунистов еврейского происхождения в советизации Венгрии в 1940-х по-прежнему вызывает яростные споры*. При этом совершенно

* См. главу 2. Критическую оценку работ и высказываний антисемитского толка см. в главе «A Note on Communists and the Jewish Question» моей книги *Hungary and the Soviet Bloc* (Durham, N.C.: Duke University Press, 1986), 100–107. Эта тема исчерпывающе раскрыта в работе Иштвана Деака: István Deák. *Jews and Communism: The Hungarian Case*, in *Dark Times, Dire Decisions: Jews and Communism*, ed. Jonathan Frankel, *Studies in Contemporary Jewry: An Annual*, Avraham Harman Institute of Contemporary Jewry and Hebrew University of Jerusalem; (Oxford: Oxford University Press, 2004), 38–61. Что касается исторической роли евреев, Деак сообщает, что в «1910 году, например, когда евреи составляли 5 процентов населения Венгрии... 42,4% журналистов исповедовали иудаизм. В венгерской столице... 48,4% [журналистов] были евреями». Янош Дюрдяк в своей авторитетной работе, где, впрочем, еврейский вопрос после Второй мировой войны рассматривается лишь в кратком эпилоге, отмечает, что в 1956 году евреи сражались «по обе стороны баррикад». Он поименно называет *одиннадцать* евреев, поддержавших восстание, и *двоих*, которые выступили против революции; соотношение выглядит вполне правдоподобным. См.: *A zsidókérdés Magyarországon: Politikai eszmetörténet* [Еврейский вопрос в Венгрии: история политической мысли] (Budapest: Osiris Kiadó, 2001), 590. Антисемиты же неоднократно утверждали, что в 1919

не упоминается “еврейский фактор” в разрушении сталинистского режима в пятидесятых. *Если евреев можно упрекать за то, что они принесли в Венгрию коммунизм, им следует приписать и заслугу его разрушения.* Так или иначе, ни первое, ни второе утверждение нельзя признать правомерным. Большинство “средних” венгерских евреев, как и большинство венгров вообще, провели эти годы в страхе и бездействии; “средние евреи” мало что сделали для установления или слома коммунистического режима.

Неоднозначным представляется и вопрос, в какой мере “восстание умов” повлияло на городское или сельское население страны. Партийная верхушка Венгрии тревожилась о том, что промышленный пролетариат начинает выказывать признаки недовольства сталинистской старой гвардией. Была ли это подлинная озабоченность или только предлог для готовящейся травли Надя и его сторонников? Ракоши выходил из себя от гнева всякий раз, когда слышал, что люди радостно приветствуют прогуливающегося по улицам Будапешта Надя. Некоторые видные писатели, поддерживавшие Надя, также сообщали о том, что на улицах к ним подходили незнакомцы и с восхищением благодарили их за стойкость и принципиальность. После сезона летних отпусков, в сентябре 1956 года поддержка движения столичных интеллектуалов начала ощущаться и в университетских центрах Венгрии. Нетерпение росло даже в среде обычно аполитичной технической интеллигенции. В условиях, когда режим Ракоши вынужден был защищаться, оставалось только гадать, как отреагируют на восстание умов власти и какую судьбу готовит для венгров Кремль.

и 1945 году коммунизм пришел в Венгрию в результате “иудео-большевистского заговора”, в результате которого пострадали “чистые, невинные венгры”. Этот вопрос, конечно, выходит за рамки венгерской темы. Так, польские интеллектуалы еврейского происхождения — в 1956 и вновь в 1968 году — сыграли видную роль в противодействии коммунистической системе. См. об этом: G. L. Gluchowski. *The Defection of Jozef Swiatlo and the Search for Jewish Scapegoats in the Polish United Workers' Party, 1953–1954*, доклад на Четвертом симпозиуме Ассоциации по изучению национальностей (Fourth Convention of the Association for the Study of the Nationalities) в Институте Гарримана, Колумбийский университет, Нью-Йорк, 15–17 апреля 1999; www.columbia.edu/cu/sipa/regional/ECE/gluchowski.pdf.

4

В 1956 году Москва вновь изменила мнение в отношении ситуации в Венгрии. Поддержка, столь явно оказываемая Кремлем Ракоши в первой половине 1955-го, пошла на убыль летом того же года, когда Хрущев, несмотря на сопротивление Молотова, помирился с Югославией Тито; поддержка Ракоши сошла на нет в 1956-м, после XX съезда КПСС. Причины этой перемены следует искать, в первую очередь, в политическом оппортунизме Хрущева. Когда ему нужна была помощь Молотова, Кагановича, Ворошилова и других в борьбе с Маленковым, он благоволил Ракоши; как только помощь сталинистов перестала быть для Хрущева вопросом первостепенной важности, он утратил интерес к судьбе Ракоши и его приспешников в Будапеште. Эти перемены отличались постепенностью. В 1956 году становилось все более очевидным, что Кремль готов устранить Ракоши, заменив его “венгерским” коммунистом (то есть не евреем). Поначалу рассматривались кандидатуры Андраша Хегедюша, тогдашнего председателя правительства, и, возможно, Яноша Кадара, но не Имре Надя.

Весной и летом 1956 года внимание Кремля было сосредоточено на двух процессах, происходивших вне Венгрии. Первый состоял в откликах на секретный доклад Хрущева на XX съезде КПСС, в котором тот развенчал Сталина и сталинизм. Текст доклада просочился на Запад, транслировался западными радиостанциями и усилил смятение в коммунистической элите стран Центральной и Восточной Европы, в частности в Венгрии и Польше. Как могла Москва в 1955 году вернуть власть сталинисту Ракоши, а в 1956-м развенчать Сталина? Свергнет ли Кремль и “лучшего ученика Сталина”, как называли Ракоши? Вторым событием, волновавшим Кремль, был мятеж в польской Познани 28 июня 1956 года, вспыхнувший на следующий день после драматических “пресс-дебатов” в кружке Петефи. Беспорядки в Познани — на этот раз бунт рабочих, а не просто протесты вечно диссидентствующих интеллектуалов — заставили Кремль всерьез задуматься о путях снижения нестабильности в Польше, Венгрии и в других странах советского блока*.

---

* Всесторонний анализ международного положения и советской политики того времени на основе архивных документов содержится в рабо-

К концу июня — началу июля 1956 года советские вожди сочли необходимым вновь рассмотреть вопрос о “пригодности” Ракоши*. Кремль страшился не только повторения познанских событий в Венгрии — в конце концов в 1953 году забастовки и волнения произошли в таких крупных промышленных центрах Венгрии, как Чепель, Озд и Диошдьер, — сместить Ракоши и его подручных призывал Москву и ее “старый новый друг” Тито. “У этих людей, — говорил Тито о Ракоши и его клике, — руки по локоть в крови, они инсценировали судебные процессы по ложным обвинениям, предоставляли ложные сведения, посылали на казнь невинных. Они вмешивались во все эти судебные дела Югославию, как в случае суда над Райком, а теперь они не в состоянии признать ошибки перед собственным народом”***.

Однако посетивший в июне Венгрию Сулов не собирался следовать рекомендациям Тито; по возвращении в Москву он лишь посоветовал своим кремлевским коллегам заменить некоторых “еврейских товарищей” “настоящими венгерскими кадрами”****. После датированной 9 июля настоящей, жесткой депеши от посла Адропова****, советское политбюро собралось 12 июля и, выразив озабоченность “подрывной деятельностью империалистов”, но не готовность изменить партийную линию, снарядило в Будапешт Микояна*****. Микоян,

---

те Марка Крамера: Mark Kramer. The Soviet Union and the 1956 Crises in Hungary and Poland: Reassessments and New Findings. // *Journal of Contemporary History* 33, no. 2, April 1998, 163–214. См. также другую работу этого автора: Mark Kramer. New Evidence on Soviet Decision-Making and the 1956 Polish and Hungarian Crises. // *Bulletin of the Cold War International History Project*, issues 8–9 (Winter 1996–97), 358–384.

* В дополнение к указанным источникам, следующие абзацы опираются на мою раннюю работу: *Hungary and the Soviet Bloc*, 136–137.

** См.: *Documents on International Affairs, 1955* (London: Oxford University Press, 1958), 271.

*** Письмо Сулова в Кремль от 13 июня 1956 года, приведенное в работе Крамера: Kramer. Soviet Union and the 1956 Crises, 176–177.

**** Там же, 178. Полный текст этой важной телеграммы Андропова воспроизведен в сборнике «Советский Союз и венгерский кризис 1956 года: Документы» (М.: РОССПЭН, 1998), 137–142.

***** Протокол этого заседания политбюро см.: “Советский Союз и Венгерский кризис...”, 149–150.

остановившийся в Будапеште по пути в Белград, где он должен был встретиться с Тито, не был уполномочен производить кадровые перестановки. Но то, что он увидел по приезду в венгерскую столицу, глубоко его встревожило — несмотря на почти оптимистический доклад Сулова и видимое нежелание кремлевских правителей отстранять от власти венгерских сталинистов. Уже 13 июля, на следующий день после прибытия в Венгрию, Микоян велел Ракоши подать в отставку*. Хотя Микоян поднял вопрос и о том, почему венгры “не арестовывают и не репрессиируют главных подстрекателей в стане [внутренних] врагов”**, он, похоже, пребывал в нерешительности касательно своих дальнейших действий. Четырнадцатого июля у него

---

* Согласно председателю правительства Андрашу Хегедюшу это произошло следующим образом. По его версии, он и Ракоши встречали Микояна в аэропорту. В машине, по дороге в гостиницу, Микоян обернулся к Ракоши и сказал: “Президиум ЦК партии полагает, что в данной ситуации вы, товарищ Ракоши, должны уйти в отставку, сославшись на слабое здоровье. Товарищ Хегедюш должен занять пост первого секретаря”. Сознавая свои скромные способности, Хегедюш, согласно его собственному рассказу, отказался от предложения. См.: András Hegedüs. *Élet egy eszme árnyékában* [Жизнь в тени идеи] (Vienna: Zoltán Zsille, 1985), 242–245. Хотя доступные российские архивы не подтверждают эту версию, вполне вероятно, что Хрущев и Микоян, не вынося этот вопрос на обсуждение политбюро, договорились перед отлетом Микояна в Будапешт, что Ракоши должен уйти. Крамер полагает, что у Микояна были широкие полномочия от советского руководства восстановить единство в венгерской компартии. Он также считает, что Ракоши не ожидал такого поворота событий. Напротив, “он ожидал, что советская сторона поможет ему навсегда покончить с “заговором Надя”, то есть арестовать его, несколько сотен “заговорщиков” и начать новую волну репрессий, и поэтому он был ошеломлен словами Микояна. Тем не менее, у Ракоши не было выбора — ему оставалось только подчиниться “совету” из Москвы”. М. Kramer. *Soviet Union and the 1956 Crises*, 179. Крамер также ссылается на неподтвержденную, но вполне вероятную версию о том, что Ракоши уже составил список из 400 сторонников Надя, которых намеревался арестовать в ближайшем будущем.

** Vyacheslav Sereda and Aleksandr Stikhalin, eds. *Hiányzó lapok 1956 történetéből: Dokumentumok a volt SZKP KB levéltárából* [Недостающие страницы в истории 1956 года: документы из архива ЦК КПСС] (Budapest: Zenit, 1993), 40–48. Сверхсекретную телеграмму Микояна от 14 июля 1956 года в английском переводе Светланы Савранской см.: *1956 Hungarian Revolution*, ed. Békés, Byrne, and Rainer, 143–147.

состоялась частная встреча с Яношем Кадаром. В конце оживленной, почти веселой беседы (казалось, что Микоян говорит с человеком, которого хочет принять на работу) Кадар заметил: “Многие говорят, что советские товарищи часто вмешиваются в венгерские дела и из этого не выходит ничего хорошего. Почему бы вам не попробовать вмешаться теперь? На этот раз может получиться удачнее”. Согласно стенографисту, “товарищ Микоян рассмеялся” и оба приступили к обильной трапезе*.

В конце концов главный партийный пост достался не Кадару, не Хегедюшу и, уж конечно, не Надю, а Эрнё Герё, испытанному “московскому” венгру и бывшему коминтерновскому функционеру, который, как и Ракоши, происходил из еврейской семьи. В присутствии Микояна ЦК венгерской компартии в течение нескольких дней обсуждал кандидатуру Герё, довольно открыто говоря о его недостатках, однако после того как Микоян выступил за его продвижение, руководство партии единодушно проголосовало в его пользу. Сам Герё неохотно согласился на свое назначение: должно быть, он сознавал, что венгры достаточно проникательны и поймут, что между ним и только что отправленным в отставку Ракоши нет существенной разницы.

В своем тридцатиминутном докладе перед венгерским ЦК Микоян говорил и об Имре Наде. Он сказал, что, хотя Надь, безусловно, заслуживал наказания, его исключение из партии в 1955 году было ошибкой. Несмотря на допущенные ошибки, сказал Микоян, дверь в партию для Надя должна быть открыта, после того как он дистанцируется от окружающей его “антипартийной группы”***. Большинство членов Центрального комитета были удивлены услышанным. Они не знали, что в 1955 году Надь был отстранен от власти именно по указке Москвы, считая, что его смещение с должности и исключение из партии было делом рук Ракоши. Новое в докладе Микояна было и то, что, хотя Надь должен отступить от ошибочных позиций, венграм следует держать его “в резерве”. В опубликованных через сорок лет после описываемых событий воспоминаниях Влади-

* Там же, 49–56.

** Там же, 59–65.

мир Крючков, тогда пресс-секретарь посла Андропова, а спустя несколько десятилетий непримиримый глава КГБ, писал, что Микоян доверял Надю и думал, что на него можно положиться*. Последнее — совершенная ложь. Микоян, этот старый, опытный кремлевский лис, не доверял никому, а тем более Надю, но он лучше своих более догматичных коллег сознавал острую необходимость реформирования советско-восточноевропейских отношений.

Даже Ворошилов, бывший “эксперт” советского полибюро по венгерским делам, с такой яростью обрушившийся на своего прежнего протеже Надя в январе 1955-го, похоже, передумал. Жигмонд Штробл Кишфалуди, известный венгерский скульптор, приехал в Москву, чтобы изваять бюст маршала. Немного выпив, Ворошилов сказал маэстро: “В вашей стране дела идут неважно. ...Ракоши? Пошлый мерзавец. ...То же и Герё — два сапога пара. ...Во всем партийном руководстве есть только один честный человек. Это Имре Надь”***. Ворошилов, конечно, ошибся. В то время Надь не только не состоял в руководстве венгерской компартии, но уже и был исключен из ее членов.

Пока, однако, Кремль решил не восстанавливать Надя в должности. Микоян встретился с ним 21 июля 1956-го, во время еще одной остановки в Будапеште, на этот раз по пути из Белграда в Москву. Хотя Андропов по-прежнему саркастически писал об “упрямстве” Надя****, беседа прошла в атмосфере принужденности: “Микоян источал дружелюбие”****. До этого, пишет Марк Крамер, советское военное командование “еще не закончило разработку секретного плана по устранению значительных внутренних волнений в Венгрии”. Двадцатого июля “План операций Особого корпуса по восстановлению общественного порядка на территории Венгрии” был наконец подписан. План под кодовым названием “Волна” свидетельствовал о желании советского руководства “иметь запасной вариант в

*См.: Владимир Крючков. *Личное дело* (М.: Олимп-Акт, 1996), 54.

** Tibor Méray. *Thirteen Days That Shook the Kremlin: Imre Nagy and the Hungarian Revolution* (New York: Praeger, 1959), 47.

*** Sereďa and Stikhalin. *Hiányzó lapok 1956 történetéből*, 72–74.

**** T. Méray. *Thirteen Days*, 55.

случае неудачи попыток поддержать стабильность в Венгрии политическими методами”*

Поскольку левая рука Кремля не знала или не хотела знать, что делает правая, из Москвы поступали разноречивые сигналы, что вносило еще большую неразбериху и без того запутанную ситуацию — разные ветви советской бюрократии по-разному реагировали на волнения в Венгрии. Согласно мемуарам Нады, написанным в румынском плену в начале 1957 года, особенно таинственный инцидент произошел в сентябре или октябре 1956 года, накануне восстания. Согласно Надю, это была своего рода провокация. Если такой случай действительно имел место, все началось с прилета в аэропорт Будапешта группы из шестидесяти — семидесяти молодых русских. Надь, похоже, не знал, кто они были и когда именно прибыли в венгерскую столицу, но это были не настоящие туристы. Они отказались показать венгерским пограничникам содержимое своих чемоданов, хотя в конце концов пограничники настояли на своем и обнаружили в каждом из них советское оружие. Согласно Надю, “туристы” позже утверждали, что венгерские пограничники подложили оружие в чемоданы**, но эта версия вряд ли заслуживает доверия. Были ли сведения Нады достоверными? И, если так, кто были эти “туристы”? Ответ следует искать в соответствующих архивах КГБ, но они остаются закрытыми для исследователей.

Пока же советские властители, пребывая в нерешительности, совершали противоречивые поступки; Надь, оставаясь в “резервном” списке Кремля, был объектом лихорадочной дипломатической деятельности. В начале осени 1956 года Микоян

* См.: М. Крамер. *Soviet Union and the 1956 Crises*, 180.

** См. неопубликованные воспоминания Имре Нады: *Gondolatok, emlékek* [Мысли, воспоминания]. В машинописном экземпляре, который находится в моем распоряжении, этот абзац содержится на с. 13, среди записей, которые, вероятно, задумывались как приложение к тексту. Часть этих мемуаров, написанных в румынском плену в начале 1957 года, опубликована на румынском в 2005 году; предполагается, что их полный венгерский текст будет издан в 2006 году. В советских или венгерских архивах не обнаружено документов, подтверждающих рассказ Нады о советских «туристах», хотя такие сведения однажды могут быть найдены во все еще закрытых архивах КГБ. Я благодарен Яношу М. Райнеру за информацию об отсутствии соответствующих архивных доказательств.

и Суслов провели консультации с Герё и Кадаром, который к тому времени стал заместителем Герё, а Хрущев организовал “случайную” встречу Герё с отдохнувшим в Крыму Тито*. Там Тито, при условии реабилитации Нады, дал согласие принять Герё в Белграде на следующей неделе, что преподносилось им как жест доброй воли в отношении антисталиниста Хрущева. Наконец 13 октября Надь был восстановлен в партии.

Прежде чем отбыть в Белград для принесения извинений Тито за поведение венгерских коммунистов в прошлом, Герё добился компромисса: Надь должны были восстановить в партии безоговорочно. К разочарованию его ближайших сторонников, Надь принял предложение. При всем презрении, которое он питал к Герё и другим венгерским сталинистам, Надь хотел показать, что он все еще дисциплинированный и верный коммунист. Он был благодарен советским товарищам, позволившим ему вернуться в партию, которая в течение почти сорока долгих лет наполняла его жизнь смыслом. Он вновь вернулся домой, но было уже слишком поздно, и теперь даже он не смог бы спасти “дело социализма” в Венгрии.

* См.: Veljko Micunovic. *Moscow Diary* (Garden City, N.Y.: Doubleday, 1980), 116–117.